

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 1 (3)

Academic Journal

Series
*Political Science. History. International Relations.
Area Studies. Oriental Studies*

Moscow
2016

ВЕСТНИК РГГУ
№ 1 (3)

Научный журнал

Серия
«Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Москва
2016

УДК 327(05)
ББК 66.4я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Балле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. Де Барделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сакаи (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглессонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

А.П. Логунов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.В. Гушин, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), Е.С. Мелкумян, зам. гл. ред., д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), О.А. Пичугина, отв. секретарь, канд. филол. н. (РГГУ), Е.А. Алексеева, отв. секретарь (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., доц. (РГГУ), Н.А. Борисов, канд. полит. н., доц. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), М.А. Гордеева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), М.Н. Грачев, д-р полит. н., канд. филос. н., проф. (РГГУ), С.В. Гришачев, канд. ист. н. (РГГУ), В.И. Журавлева, д-р ист. н., доц. (РГГУ), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), Е.Ю. Сергеев, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), Д. Фоглессонг (Ратгерский ун-т, США), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России)

Ответственные за выпуск: С.В. Клягин, д-р филос. н., проф. (РГГУ), О.А. Пичугина, канд. филол. н. (РГГУ)

ISSN 2073-6339

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

Ю.В. Ирхин

Доминирование и конкуренция в генезисе глобальных,
частных и манипулятивных политических идеологий 9

А.А. Калмыков

Медиадискурсы монополизма и конкуренции
конструируемой реальности 21

Е.Н. Жукова

Монополизм и конкуренция в практиках современных
государственных переворотов 32

В.А. Пилягина

Демократические ценности и традиции политической конкуренции
в аспекте проблем политического участия 41

Международные отношения: политические и социокультурные аспекты

Н.Дж. Спикмэн

Политическая карта Евразии. Часть 2
Перевод на русский язык М.Н. Грачева 49

И.В. Зеленева

Перспективы интеграции больших пространств – АСЕАН и ЕАЭС 57

В.А. Лавров

Новые тренды в энергетической политике стран Евросоюза 68

Р.Ф. Матвеев

Правовое государство и демократия: европейские концепции 80

Регионы мира: динамика и модели взаимодействия

И.Л. Алексеев

Династическая автократия и конкурентный трайбализм
в средневековом мусульманском обществе: взгляд Ибн Халдуна 91

С.П. Донцев

Конкурентная модель светскости государства и ее трансформация
в современной России 102

Н.А. Филин

Президентские выборы 2009 года в Иране как попытка
конкурентного выбора в ответ на монополизм государства 113

Б.А. Антонов

О попытке монополизации истины (на примере языковой
политики Королевства Саудовская Аравия) 125

П.А. Алипов

Конкуренция живописных стилей в Древнем Пантикапее 138

Книжная полка

О.В. Павленко

Осмысливая «долгий XIX век»: новые подходы
в современной российской историографии 148

Abstracts 155

Сведения об авторах 161

CONTENTS

Sociopolitical processes and social communications: theory and methodology

Yu. Irkhin

Domination and competitive processes in the genesis of the global,
particularly and manipulative political ideologies 9

A. Kalmykov

Monopolism and competition media discourses
in social reality constructing 21

E. Zhukova

Monopolism and competition in contemporary coup d'etat practices 32

V. Pilyagina

Democratic values and traditions of the political competition
in terms of the problem of political participation 41

International relations: political and sociocultural aspects

N. Spykman

Political map of Eurasia. Part 2
Translated into Russian by M. Grachev 49

I. Zeleneva

Prospects for the integration of large spaces – ASEAN and EAEU 57

V. Lavrov

New trends in the European Union energy policy 68

R. Matveev

The legal state and the democracy: the European vision 80

Regions of the world: dynamics and models of cooperation

I. Alexeev

Dynastic autocracy and competitive tribalism in medieval muslim society:
Ibn-Khaldunian perspective 91

S. Dontsev

Transformation of the competitive model
of modern Russian secularism 102

N. Filin

The presidential elections of 2009 in Iran as an attempt to develop
a competition responding to the state monopoly 113

B. Antonov

Monopolizing the truth: Saudi Arabia language policy 125

P. Alipov

Artistic styles contest in the Ancient Panticapaeum 138

The bookshelf

O. Pavlenko

Comprehending “The Long XIXth century”:
new approaches to modern Russian historiography 148

Abstracts 155

General data about the authors 163

Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

Ю.В. Ирхин

ДОМИНИРОВАНИЕ И КОНКУРЕНЦИЯ В ГЕНЕЗИСЕ ГЛОБАЛЬНЫХ, ЧАСТНЫХ И МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ

Рассмотрена методология анализа доминирования и конкуренции в генезисе классических, проектируемых и манипулятивных политических идеологий в мире и в России. Проанализированы новые аспекты в развитии и трансформации современных политических идеологий в мире и в Российской Федерации. Обсуждены новые подходы и направления в развитии и трансформации политических идеологий в современной России. Показаны особенности манипулятивных политических идеологий.

Ключевые слова: идеология, политические идеологии, теория, глобальные идеологии, либерализм, консерватизм, социализм, постмодернизм, манипулятивные политические идеологии.

Идеология (от греч. *idea* – идея, представление, образ и *logos* – слово, учение, знание; буквально – учение об идеях) – одна из форм проявления и выражения политического сознания социальных общностей и выражающих их интересы организаций, представляющая собой систему доктринально оформленных взглядов и идей, а также способов, посредством которых смыслы, заключенные в символических формах, служат установлению и развитию отношений господства или влияния. «В основе организации идеологий лежат модели, включающие в себя такие категории, как критерии участия, действия, цели, ценности и нормы, социальные позиции и ресурсы. В данных категориях содержится принципиальная информация, необходимая для определения группы принадлежности,

© Ирхин Ю.В., 2016

Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития РГГУ на 2012–2015 гг. (проект 2.1.1) по кафедре теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ.

ее взаимоотношений с другими группами, т. е. ответа на вопрос кто мы, что мы делаем, с какой целью и т. д.»¹.

Идеология отражает представления о желательном (или нежелательном) типе политической системы или порядка, выполняет функцию заданной политической мифологии, выступает как фактор демаркации политического сознания и соответствующего политического пространства, опосредующий различные формы политического участия. Она выступает как некая идеальная матрица или совокупность различных матриц, задающих определенные способы рационально-символического, религиозно-мифологического или иррационально-символьного объяснения или интерпретации политики².

Впервые в научный оборот термин «идеология» был введен в конце XVIII в. просветителем Антуаном де Траси. В сочинении «Элементы идеологии» (т. 1–4, 1805–1815) он охарактеризовал идеологию как науку об «идеях», которая должна быть такой же точной, как и все естественные науки, служить средством воспитания гражданских добродетелей, обеспечивающих стабильность общества³.

Де Траси был лидером организации под названием Институт, объединявшей видных философов того времени, которые считали, что идеология должна «изменить лицо мира». Вступивший в эту организацию в 1797 г. Наполеон Бонапарт впоследствии, 20 декабря 1812 г., публично осудил «первых идеологов», заявив на заседании Государственного совета 20 декабря 1812 г., что «все несчастья, которые выпали на долю нашей прекрасной Франции, должны быть приписаны «идеологии» – этой «туманной метафизике».

Идеология представляет собой сложное и противоречивое образование. С одной стороны, она выступает как «иллюзорное», «ложное» сознание, имеет абстрактный характер, представляет собой, по К. Марксу, «отвлеченные, идеальные выражения социальных отношений»⁴.

С другой стороны, любые политические идеологии в силу исторических условий и задач их формирования отражают интересы соответствующих социальных общностей и организаций, представляют собой не только идеальный, мифологический образ будущего, но и определенный политический проект, доктринальную систему принципов и взглядов, которые последовательно предлагаются и используются в политических практиках. Политическая идеология представляет собой комплекс идей, представлений, мифов и тому подобных нормативно-ценностных символических структур, ориентированных на политическое действие, в интересах определенных политических акторов⁵.

Идеология как система идей имеет определенных социальных носителей; часто доктринальна в основе, но иллюзорна в обыденном восприятии; активно воздействует на политическую практику и даже формирует ее («превращение идеального в реальное»). Идеология «приходит в упадок» с исчезновением породивших ее условий и ее социальных носителей, хотя с формальной стороны идеи и мысли прошлого могут еще бесконечно долго существовать и даже вдохновлять отдельных лиц и их объединения на соответствующую деятельность⁶.

Современное понимание идеологии имеет определенные особенности по сравнению с классическим периодом. Прежние интерпретации этого феномена не учитывали факторов медиатизации и глобализации в современной культуре и идеологии, придавали слишком большое значение ее рационализации, секуляризации, «меганарративности», а также их взаимовлияниям. Идеология выступает как сложное ценностное воздействие на политическую реальность. В ядре идеологии содержится кластер неопровержимых и неоспариваемых понятий, которые образуют между собой очевидную идеационную сеть⁷. Картины мира, которые интерпретируются данной идеологией, возможно ограничены, но всегда влиятельны. Идеологи не только выражают и отражают соответствующие политические реалии, но и претендуют на то, чтобы формировать и переформатировать их, а также проектировать новые направления в политике.

Современные подходы к изучению идеологий имеют определенные особенности по сравнению с классическим периодом модерна.

1. Больше внимание уделяется анализу влияния современной медиатизации и глобализации на генезис и современное состояние идеологий, их трансформации.

2. В неклассических гуманитарных подходах (постструктурализм, постмодернизм, современная коммуникативистика) актуализируется изучение взаимосвязей между идеями, артикулируемыми на уровне теории, и интерпретативными кодами, широко циркулирующими в обществе.

3. Учитывается возрастающая роль латентных или маскируемых механизмов психолого-идеологического воздействия, благодаря которым происходит организация, выработка и направленность политического курса.

4. Развивается идеологический дискурс-анализ. Дискурс представляет собой целостные комплексы, ситуации, структуры коммуникативной деятельности, выраженные в определенной смысловой значимости и логике семиотической системы, позволяющие их понимать, инициировать и проектировать. Любой дискурс рассмат-

ривается как использование языка, «вживление» в общественное сознание определенных социальных представлений и как взаимодействие социальных групп и индивидов⁸.

5. Термин «идеология» стал использоваться в конкретно-управленческом смысле, как некая ценностная идея в определенной сфере – идеология реформ, развития, модернизации и т. д.

6. Формируются и популяризируются новые проектируемые, манипулятивные идеологии.

В современных условиях легитимация существующего социально-политического порядка или режима может производиться не только за счет внедрения соответствующих идей и программ в сознание субъектов политики, но и за счет латентных или маскируемых механизмов психолого-идеологического воздействия, благодаря которым происходит организация, выработка и направленность властного или антивластного дискурса (М. Фуко), использования свойств габитуса (П. Бурдьё) и др.

В последние десятилетия обозначился процесс гибридизации идеологий: размывание или перформатирование классических идеологических учений, создание идеологических комбинаций, частичных идей, инвариантность первичных идеологических дискурсивных матриц и др.⁹

Важным аспектом функционирования идеологий является их взаимодействие в политическом пространстве (идеологический дискурс). Оно, как правило, развивается в различных направлениях: по линии дистанцирования и полемики с оппонентами; установления контактов между совместимыми идеологиями, способствующих сближению и даже заимствованию теоретических и программных положений, требований, лозунгов; путем создания идеологического конгломерата заимствованных и сконструированных идей и лозунгов.

Требуется дальнейшего изучения проблема взаимосвязей между идеями, артикулируемыми на уровне теории, и интерпретативными кодами, широко циркулирующими в обществе¹⁰.

Идеология может выступать на различных уровнях политического процесса. Субъектом макроуровневой идеологии является, прежде всего, государство. В этом смысле идеология (государственная, официальная) – это своего рода доктринальная матрица, продуцирующая политический порядок. Подобные матрицы, как отмечает А.И. Соловьев, составляют концептуальную основу политической диагностики и определяют исторический ракурс символизации информационно-коммуникативных обменов. Несмотря на то что их конкретное содержание связано с господствующим в обществе той или иной эпохи мировоззренческим универсумом и

отражает стадии политического генезиса – от мифа к религиозным конструкциям, а затем к собственно идеологиям Нового времени, эти конструкции объединяет общая функция – функция легитимации государственного порядка, неразрывно связанная с функциями воспроизводства, консолидации и господства¹¹.

Различают несколько уровней воплощения и измерения политической идеологии.

На теоретико-концептуальном – формулируются основные положения, раскрывающие интересы и идеалы класса, слоя, нации, государства.

На программно-политическом – социально-философские принципы и идеалы переводятся в программы, лозунги и требования, формируя нормативную основу для принятия политических решений, управления, стимулирования политического поведения граждан.

В дискурсивный – включаются многочисленные идеологические дискурсы, их направленность и взаимоотношения в общем координатном дискурсивном поле.

Актуализированный, массово-коммуникативный уровень характеризует степень усвоения гражданами целей и принципов данной идеологии и их воплощения в тех или иных формах политического участия. Этот уровень может охватывать довольно широкий спектр вариантов усвоения идеологии – от незначительного изменения позиций до формирования глубинных мировоззренческих ориентиров.

Один из способов определения социальной сущности и реального содержания политической идеологии – установление связи ее программных положений с объективными тенденциями политического процесса и субъективными намерениями элит, лидеров.

Методология анализа доминантных глобальных идеологий

К числу наиболее широко распространенных и авторитетных идеологий относят три известные «исторические» или «классовые» идеологии (либерализм, консерватизм, социализм), а также религиозные и националистические¹². Среди религиозных идеологий в последние десятилетия особенно заметно активизировался и актуализировался политический исламский фундаментализм. Таким образом, получается пять доминантных (наиболее представленных и имманентно смыслообразующих) идеологий.

Указанные выше первые три «классовые» или классические идеологии изначально (в XVIII–XIX вв.) выражали интересы со-

ответствующих больших социальных групп: либерализм – средней и мелкой буржуазии; консерватизм – крупных собственников; социализм – рабочего класса и трудового крестьянства. Они обычно и выступали доминантами в политических процессах, иногда, в силу различных обстоятельств, испытывая определенное воздействие религиозных идей или конкурируя/взаимодействуя с националистическими идеологиями, когда те актуализировались.

Вместе с тем за прошедшие века указанные исторические идеологии, в связи с генезисом общественно-экономических и политических отношений, неоднократно модифицировались: они обогатились рыночно-монетаристскими, технократическими и глобализационными идеями; в них учитывается базовая роль среднего класса, используются новые, широкие политические смыслы: «риска», «защищенности», «возможностей общественного развития» и др.¹³

Соответственно многие из них в результате модификаций и трансформаций получили приставки «нео» или «пост» (неолиберализм, неоконсерватизм и др.). Доктринальные и дискурсивные потенциалы этих идеологий, их роли в политике, разумеется, имеют свои отличия.

В различные исторические периоды рассматриваемые идеологии и соответствующие им институции, как бы соревнуясь между собой, приобретали большее или меньшее влияние в мире, макрорегионе, стране. Так, если буржуазные революции XVII–XVIII вв. проходили под знаменем либерализма, то их «откатные волны» – консерватизма¹⁴. Для середины и второй трети XX в. было характерно широкое распространение идей социализма; для 1930-х – начала 1940-х гг. – фашизма, а после Второй мировой войны – национально-освободительных идей и движений в Азии и Африке. В конце XX – начале XXI вв. наблюдается глобальное распространение неолиберальных идей и практик, активизация неоконсерватизма, этнонационализма, религиозного фундаментализма, антиглобализма, экологических воззрений и др.

Ф. Фукуяма в своих ранних работах, как известно, выдвигал тезис о триумфе «либеральной идеи» и «мировой либеральной революции»¹⁵. Однако в последние годы он сам справедливо замечал, что «имеется множество свидетельств возвращения консервативных социальных норм и выхода из моды наиболее крайних форм индивидуализма»¹⁶.

Ряд исследователей отмечают, что либеральные идеи вступают в сложный симбиоз с традиционализмом, консерватизмом, религиозной этикой и др.¹⁷ Формулируются теории нелиберальной демократии¹⁸.

Основные классические идеологии прошли по несколько этапов в своем развитии, сформировав самостоятельные идеологические направления. Например: классический либерализм, социальный либерализм и неолиберализм; консерватизм и неоконсерватизм и др.

Существуют попытки определенного переосмысления традиционной классификации основных исторических политических идеологий применительно к современности. Так, например, А.Г. Дугин полагал, что в XX в. тремя главными идеологиями были: либерализм (правый и левый), коммунизм (марксизм, социализм и социал-демократия) и фашизм¹⁹.

Действительно, в первой трети XX в. консерватизм уступал им по своему влиянию. Однако после краха фашизма, а затем в последней трети XX века, в связи с появлением «неоконсервативной волны», трансформировавшийся консерватизм снова укрепил свои позиции. Постановка А. де Бенуа, А.Г. Дугиным и др. вопроса о так называемой «четвертой политической теории», основывающейся на консервативных и цивилизационных ценностях соответствующих обществ²⁰, на наш взгляд означает одну из попыток современной синтетической трансформации консерватизма. Речь идет о творческих исканиях в русле неоконсерватизма с акцентом на цивилизационно-культурные основания, матрицы и доминанты соответствующего сообщества (например, евразийского) и свидетельствует о возможностях гибкого конструирования идеологических смыслов на основе синтеза исторических и современных подходов к идеологиям.

Следующий идеологический ряд представляют «вторичные» или «частные» идеологии (по проблемам, важным для частных групп или по вопросу, актуальному для многих). Среди них можно выделить политико-управленческие и административно-управленческие (испытывающие существенное влияние трех исторических идеологий)²¹, глобалистские и антиглобалистские, коммунитаристские, экологические, гендерные (феминистские и др.), постмодернистские и другие идеологии²².

Конструирование популистских, манипулятивных идеологий

В современных условиях, в силу развития СМИ, «фабрик мысли», кластеризации общества и возникновения большого числа различных социальных и политических группировок, ухода от метанарративов и возросших потребностей в прогнозировании политики, расширились возможности в формировании проектируемых или манипулятивных политических идеологий.

Важной задачей партийных идеологов и проектантов стало не столько развитие существующих программных идеологий, сколько формирование образа политического лидера (его партии) и их восприятие массовым сознанием. Современные идеологические работники во многом превратились в производителей программ, содержащих универсальное «социальное меню», рассчитанное на удовлетворение «вкусов» и запросов соответствующих групп избирателей. Сегодня все российские государственно-политические и бизнес-структуры, общественные организации, а также большая часть общества реализуют свои коммуникативные стратегии в пространстве Интернета, используя новые способы презентации и распространения политической информации и идей-символов, новые каналы и модели коммуникации.

Интересную попытку создания проектируемой идеологии предприняла «либеральная платформа» в политической партии «Единая Россия», опубликовав 15 апреля 2013 г. «Манифест российского политического либерализма». Смысл Манифеста состоит в критике нелибералистской теории и практики в России и популяризации идей социально-охранительного либерализма²³. Результаты проведенного исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в июне 2012 года, касающегося либералов, либерализма, либеральных идей и либеральной политики, показали, что созданы определенные предпосылки для увеличения группы либеральных идей, укоренения их в массе сознательных граждан – приверженцев либерализма.

Основной идеологический дискурс и тренд современной России – это либерально-консервативно-социальное направление с сильной доминантой патриотизма (после воссоединения с Крымом и т. д.), на базе тройственного понимания России как нации, многонационального государства и уникальной цивилизации. В российском государственно-частном партнерстве государству отводится определяющая роль.

В последнее время в Российской Федерации актуализируется проблема общенациональной и государственной идеологии²⁴.

Одной из базовых функций современных партий и «фабрик мысли» становится производство идеологий и программ, максимально соответствующих спросу на политическом рынке. Некоторые партии вообще обходятся без «идеологии», заменяя ее политическими лозунгами и призывами, обращенными к широким слоям избирателей. Характерно, что партия «Единая Россия» первое десятилетие своего существования заявляла об отсутствии у нее официальной идеологии. И только три года назад на съезде партии

было сказано, что она руководствуется «консерватизмом». Однако при этом она имеет в своем составе три различные идеологические платформы (социально-консервативную, либеральную, патриотическую).

Идеология современных партий формируется в том числе по схеме: цели партии (лидера) – учет потребностей электората – идеологическое предложение электорату – спрос электората – коррекция предложения.

Переход ряда политических партий на режим идеологической всеохватности не деидеологизировал их, как это часто представляют, а только усилил манипулятивность идеологий, из которых стали отбираться различные, часто противоречивые идеи и объединяться в туманные лозунги-программы, которые хотя в принципе и затрагивают многие вопросы, но не раскрывают как путей их решения, так и механизмов реализации; камуфлируют соответствующие партийно-классово-элитные интересы.

В результате некоторые партии превратились в аморфные организации (fake-структуры), одним из ведущих принципов которых стало несоответствие декларируемого и настоящего содержания.

Манипулятивные идеологии отличаются от классических рядом признаков. Так, у них нет стабильного идеологического ядра. Они создаются в основном политическими технологами и носят в большей степени технологический, эклектический и мифологический характер, чем теоретико-методологический. Неслучайно манипулятивные идеологии не содержат обоснованных разработок перспектив политического развития. Манипулятивные программы и деятельность соответствующих партий не соотносятся с принципами традиционных идеологий, бренды которых они эксплуатируют. Эти идеологии производятся посредством технологических способов и средств: они провоцируют когнитивную дезориентацию индивида, способствуют развитию ложной мотивации, мешают адекватному восприятию политической реальности. Для реализации этих идеологий широко используются технологии скрытого, манипулятивного воздействия²⁵. У манипулятивных идеологий нет собственной стабильной социальной базы. Их главной целью является такое воздействие на электорат, которое обеспечивает удержание властного положения субъектов политики, заданное, манипулятивное управление социально-политическими процессами и соответствующее редактирование или подготовку новых fake-идеологических проектов.

Манипулятивные идеологии широко используются различными fake-структурами и организациями (от англ. fake – поддельный,

фальшивый) – общественными или политическими организациями, в которых декларируемое и настоящее содержание резко не соответствуют друг другу: носят одно название, вид и форму имеют другую, выступают от имени третьих, подразумевают под этим четвертое, действуют исходя из интересов пятых. Нередко fake-структуры не представляют собой никого, кроме своих собственных руководителей, и вовсе не имеют реальных членов. За счет этого fake-структуры имеют возможность легко мутировать в зависимости от своей выгоды – менять свои названия, формы, идеологию, принципы работы²⁶.

Основной их характеристикой, или fake-принципом, является несоответствие декларируемого и настоящего содержания. Часто описанные образования не имеют членов вовсе, либо их наличие носит фиктивный характер. Как правило, большая часть их деятельности не доходит до декларируемых ими целей, а останавливается на задаче удовлетворения финансовых запросов и амбиций их руководителей.

Деятельность fake-структур, как правило, сводится к собственному PR или имеет минимальную реальную составляющую. Fake-структуры наносят ущерб обществу тем, что дезинформируют людей, замыкают на себе внимание СМИ и финансовые ресурсы в ущерб реальным общественным организациям, в конечном итоге создают недоверие к гражданскому обществу и мешают его формированию.

Согласно своей сущности fake-структуры стремятся заместить собой реальные структуры – как в сознании общества, так и в средствах массовой информации. С этого момента они начинают соответствовать fake-принципам: имеют форму общественных организаций, отказываются от участия в выборах, а называются и требуют власти, как крупнейшие политические партии; обладают минимальной поддержкой и количеством членов, а претендуют на представление интересов всего общества и т. д.²⁷

Fake-структуры способны к многократному изменению своих принципов и идеологии вплоть до противоположных, их название и истинный характер деятельности могут не соответствовать друг другу. Они легко меняют названия и взаимодействуют с аналогичными структурами, формально образуя новые организации, при этом ничего не прибавляя к своей деятельности и оставаясь такими же бесполезными для общества.

Популизм fake-структур и широкое использование ими средств массовой информации может принести им на первых порах определенные политические дивиденды. Однако неспособность реаль-

но влиять на политические процессы и нежелание решать назревшие общественные проблемы неизбежно раскрывает сущность fake-структур как недемократических и антинародных организаций, не имеющих серьезного влияния на политику.

Итак, в современных условиях идеологию уже недостаточно представлять только в виде классических или новогибридных метанарративов или матриц. Она выступает и в виде разнообразных способов, символов и кодов ценностно-идеологического миропонимания, которые во многом продуцируются и распространяются современной системой дискурсов, СМИ и др. Причем дискурсы в разное время и в разных местах могут читаться и пониматься по-разному инвариантными структурами политического сознания. Если раньше говорили о необходимости прямого контроля над идеологией, то сегодня не менее актуально (и опасно) руководство и манипуляции идеологическими дискурсами и смыслами в духе глобального неолиберального постмодерна.

Примечания

- ¹ Дейк Т. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. С. 213.
- ² См.: Введение в политическую теорию / Под ред. Б.А. Исаева. СПб., 2013. С. 214.
- ³ См.: *Destutt de Tracy A.* *Eléments d'idéologie*. P., 1817–1818.
- ⁴ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* *Немецкая идеология* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. 2-е изд. Т. 3. М., 1955.
- ⁵ *Вязовик Т.П.* *Нормативно-символические структуры и идеологическая интегративность* // Политэкс. 2008. № 1. С. 192.
- ⁶ См.: *Славин Б.Ф.* *Идеология возвращается* // Социально-гуманитарные науки и мир в XXI веке: Материалы междунар. конф., посвященной 35-летию журнала «Социально-гуманитарные знания»: В 2 ч. Ч. 1. М., 2009. С. 120.
- ⁷ См.: *Мусихин Г.И.* *Современные теории идеологии*. М., 2013.
- ⁸ См.: *Йоргенсен М.В., Филлис Л.Дж.* *Дискурс-анализ. Теория и метод*. М., 2008. С. 17.
- ⁹ См.: *Алексеева Т.А.* *Политическая философия: От концепций к теориям*. М., 2011. С. 74.
- ¹⁰ См.: *Машинова О.Ю.* *Концепт идеологии в современных политических исследованиях* // *Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития*. Политическая наука. Ежегодник. М., 2006. С. 451.
- ¹¹ *Соловьев А.И.* *Политическая идеология: логика исторической эволюции* // *Полис*. 2001. № 2. С. 5.
- ¹² См.: *Малахов В.С.* *Национализм как политическая идеология*. М., 2014.

- ¹³ См.: *Schwarzmantel J.* Ideology and Politics. L.: SAGE, 2008. P. 75.
- ¹⁴ См.: Просвещенный консерватизм / Авт.-сост. Д.Н. Бакун. М., 2012.
- ¹⁵ См.: *Fukuyama F.* The End of History? // *The National Interest.* 1989. Summer. P. 3, 18; *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2004. С. 36–38.
- ¹⁶ *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М., 2003. С. 7–8.
- ¹⁷ *Ирхин Ю.В.* Ценности и смыслы основных форм и модификаций либеральной идеологии // *Социально-гуманитарные знания.* 2012. № 6. С. 22–36.
- ¹⁸ См.: *Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами: пер. с англ. М., 2004.
- ¹⁹ *Дугин А.Г.* Четвертая политическая теория. М., 2009. С. 10.
- ²⁰ См.: *Бенуа А. де.* Против либерализма. К четвертой политической теории. М., 2009; *Дугин А.Г.* Указ. соч. С. 243.
- ²¹ См.: *Якунин В.И., Сулакишин С.С., Багдасарян В.Э., Орлов И.В. и др.* Качество и успешность государственных политик и управления. М., 2012.
- ²² См.: Теория политики / Под ред. Б.А. Исаева. СПб., 2013. С. 359–364.
- ²³ См.: *Плигин В., Зубарев В., Фадеев В.* Манифест российского политического либерализма // Партия «Единая Россия». Республика Коми [Электронный ресурс]. URL: <http://komi.er.ru/news/2013/2/4/manifest-rossijskogo-politicheskogo-liberalizma> (дата обращения: 17.09.2015).
- ²⁴ См.: *Багдасарян В.Э., Сулакишин С.С.* Высшие ценности Российского государства. М., 2012.
- ²⁵ См.: Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: Материалы X Междунар. науч. конф.: В 2 ч. Ч. 2. М., 2013. С. 3–6.
- ²⁶ См.: *Григорьев М.С.* FAKE-структуры. Призраки российской политики. М., 2007.
- ²⁷ См.: Сетевой анализ публичной политики / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: РГ-Пресс, 2012.

МЕДИАДИСКУРСЫ МОНОПОЛИЗМА И КОНКУРЕНЦИИ КОНСТРУИРУЕМОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Статья посвящена анализу влияния медийного и политического дискурсов на конструирование реальности. Приводятся и обсуждаются схемы взаимодействия медиа, интерпретации принципа свободы слова. Рассматриваются типология и генезис политических организованностей; связь медийной политики и политической организованности.

Ключевые слова: медиадискурс, медиа, реальность, политика.

Постмодернистский дизайн цивилизации и общественных отношений привел к тому, что привычный линейный мономир, в котором человечество существовало начиная с осевого времени, приобрел явные черты гипертекста, погрузив в пространство, в различных гиперплоскостях которого по-разному проявляется монополия медиадискурсов и присущая им конкурентность. Тем не менее увеличение степеней свободы в постмодерном обществе не расширяет реальную личностную свободу. Не только «мир систем», но и «жизненный мир»¹ конструируются внешними по отношению к личности инстанциями. В частности, полями медиа и политики. Медиадискурсы и публичные политические дискурсы² фактически доминируют в современном коммуникативном пространстве, задавая соответствующие нормы и стандарты.

В этой связи можно привести свежий пример. Журнал Национальной академии наук Украины «Социология: теория, методы, маркетинг» (2015. № 3) опубликовал материал круглого стола: «Луганск: жаркое лето 2014 года». Его автор кандидат юридических наук А. Лопата приводит ряд выводов, расходящихся с официальной киевской позицией. В частности, определяет «революцию достоинства» как государственный переворот, говорит о геноциде и о

применении ВСУ запрещенных международным правом средств ведения войны и т. д. Эта публикация вызвала оживленную «научную дискуссию»³ в социальных сетях и прессе, смыслом которой был призыв к СБУ немедленно «разобраться» не только с автором, но и с журналом и всей его редколлегией. Тех, кто робко пытался заявить, что ученый имеет полное право на собственную научную позицию, также предлагалось свести в участок. Чуть раньше отличились украинские журналисты, «стучавшие» в прямом эфире на своих российских коллег, но то, что подобное произошло в рафинированной научной среде, вызывает еще большее удивление.

Что же случилось? Каким образом научный дискурс приобрел черты скандального события и откровенного доноса? Можно предположить только, что сложившиеся на Украине медийное и политическое поля приобрели качества тотального дискурса, по крайней мере так, как его понимал М. Фуко.

С тезисом конструируемости реальности связано понятие «медиированной» реальности. Суть его в том, что реальность на самом деле есть интеграл не нашего личного осмысления происходящих событий и личного опыта, а интерпретаций, предлагаемых множественными информационно-коммуникативными практиками, которые можно обозначить общим понятием «медиа».

По мнению Ю. Хабермаса, реальность выстраивается в результате интерпретационных усилий индивида с целью выявления смыслов сообщений-коммуникаций, что в совокупности и составляет «жизненный мир». Таким образом, реальность предстает как пространство интерпретаций. Ю. Хабермас определяет понятия культуры, общества и личности следующим образом: «Культурой я называю запас знания, из которого участники интеракции, стремясь достичь понимания относительно чего-либо в мире, черпают интерпретации. Обществом я называю легитимные порядки, через которые участники коммуникации устанавливают свою принадлежность к социальным группам и тем самым обеспечивают солидарность. Под личностью я понимаю компетенции, делающие субъекта способным к владению речью и к действию, т. е. позволяющие ему принимать участие в достижении понимания и тем самым позволяющие ему утверждать свою идентичность»⁴.

В социопсихологическом плане подобное конструкционистское отношение к реальности приобрело название социального конструкционизма. Автором термина считается К. Джерджен. В социальном конструкционизме постулируется коммуникативная природа знания, что «означает рассмотрение знания как побочного продукта не индивидуальных сознаний, а коммунальных

отношений <...> все значащие пропозиции, касающиеся реально-го и правильного, имеют своим истоком отношения»⁵. Знание при таком подходе лишается и эмпирических и внеэмпирических со-держаний, а становится предметом конструирования в границах информационно-коммуникативных практик, и прежде всего СМИ, которые начинают претендовать на место, ранее занимаемое соци-альными институтами науки и образования. Релятивистская при-рода медиа активно противостоит нормативной природе образова-ния и науки. Идея социального конструкционизма в конструируе-мости именно реальности, как социальной, так и индивидуальной и ее формообразующих свойств – системы связей и отношений, иерархии ценностей, правил вывода, презентационных форм-атов и т. п. Содержание реальности – побочный продукт конструи-рования ее формы. В этом плане можно говорить о дизайне как базовой технологии работы с реальностями.

Вот поэтому можно утверждать, что современность характери-зуется гипертрофированным влиянием медиа, то есть расширяю-щейся системой массовых коммуникаций, информационно-ком-муникативного взрыва, с присущими ему хаотичностью и избыточ-ностью. Даже собственная личностная онтология превращается в медиапродукт и медиаконструкцию.

Одной из важнейших функций средств массовой информации является обслуживание канала обратной связи между обществом и властью. Обратная связь бывает отрицательной и положительной. Отрицательная обратная связь приводит к стабилизации системы, положительная ее разбалансирует. И то и другое может иметь как позитивные, так и негативные социальные последствия. Например, информация, которая несет «лакирующий» характер, может привести к тому, что власть и общество окажутся не в состоянии вовремя отреа-гировать на негативные тенденции, что заканчивается катастрофиче-ским сломом системы. С другой стороны, информация, обеспечиваю-щая положительную обратную связь, действует в качестве социаль-ного усилителя, однако невозможно заранее предсказать, приведет ли это воздействие к развитию системы или к ее уничтожению.

В самом простом случае можно рассматривать треугольник связей между тремя агентами: властью, обществом и медиа. Эти связи могут иметь в различной ситуации как отрицательный, так и положительный знак. В разные эпохи и в разных странах будут до-минировать свойственные этим эпохам и странам информационные связи, исследование которых может стать предметом отдельной на-уки: информационно-коммуникативной археологии, по аналогии с археологией знания М. Фуко⁶.

Кроме того, имеет место присутствие управляющих воздействий на сами эти связи. В первом приближении будем считать, что они действуют по принципу рубильника, прерывая или открывая соответствующий информационный канал. Впрочем, такой известный прием, как зашумление («забалтывание») острой актуальной темы или, наоборот, вывод какого-то замалчиваемого факта в повестку дня, также можно рассматривать как своеобразный прерыватель. Например, власть может претендовать на право прерывания информационной связи СМИ с обществом, блокируя ту или иную информацию или просто закрывая или открывая соответствующие информационные ресурсы. Аналогично может действовать общество, требуя от власти большей или меньшей согласованности медиа и власти, а СМИ претендовать на контроль дискурса власти, то есть диалога власти и общества. Сказанное иллюстрирует рис. 1, где разнонаправленными стрелками подчеркивается наличие обратной связи, а пунктирными – средства контроля над ними.

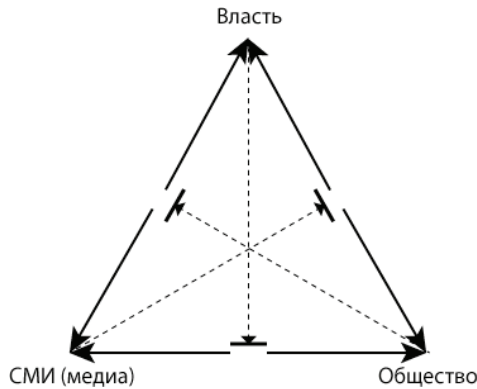

Рис. 1. Информационно-управляющее взаимодействие власти, общества и медиа

Чтобы агенты взаимодействия (власть, СМИ, общество) действительно включались в этот процесс, они должны обладать субъектностью, что далеко не всегда реализуется. Отсутствие субъектности сигнализирует о дисфункциональности общественных отношений и невозможности ее преодоления ни властью, ни обществом, ни медиа. В этом случае происходит выбывание агента, разбалансирование системы и потеря управляемости.

В этом заключается информационно-коммуникативное объяснение социальных потрясений. Здесь перестает работать известная формула «Верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому»⁷. Ю. Хабермас в своей работе «Теория коммуникативного действия»⁸ разработал концепцию общественного согласия или рационального консенсуса. Хабермас актуализировал проблему возрастающей роли коммуникативности в современном мире, за которую как раз и несет ответственность медиа. Он противопоставил инструментальное действие (и соответственно инструментальную рациональность)⁹, ориентированное на успех субъекта деятельности в реальности обменных отношений, и коммуникативное действие, ориентированное на достижения согласия через понимание, т. е. консенсус.

Пространство интерпретаций оказывается полностью вписанным в треугольник – власть, общество, медиа, причем становится возможным рассматривать выделенных нами агентов – источников информационно-коммуникативного действия – в качестве базовых векторов (факторов) пространства интерпретаций. Получается, что общественный консенсус – это согласие и согласность, а точнее, «совместность слова»¹⁰, т. е. совместность информационно-коммуникативных взаимоотношений между агентами. Она может наступить, только если существует взаимопонимание, подразумевающее уже синергию интерпретационных и рефлексивных механизмов обработки циркулирующей в системе информации.

В этой связи полезно рассмотреть, что такое понятие «свобода слова» в широком контексте. Приведем разработанную ранее¹¹ модель информационной политики, обозначенную как «Принцип свободы слова».

Проблема «свободы слова» в медиированной реальности тесно связана с широким спектром общественных, политических, экономических, антропологических и даже технологических проблем, но тем не менее поддается схематизации посредством выделения следующих четырех компонентов и связей между ними:

- свобода говорить, соотносясь со своим мнением и своей совестью {ХОЧУ ГОВОРИТЬ};
- свобода слушать, т. е. получать информацию, право знать {ХОЧУ УЗНАТЬ};
- напротив, право не слушать говорящего, защищаться от деструктивной (токсичной) и просто лишней информации {ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ};
- право не отвечать на вопросы любопытных, право на конфиденциальность {НЕ СКАЖУ}.

Если первые два аспекта широко обсуждаются, то третий и четвертый – редко становятся темой профессионального дискурса, несмотря на то что формулировка понятия «свобода слова» в отрицательном виде (защита от информации и защита информации) – не менее важна для понимания ее сущности и применения этого принципа на практике. Все четыре компонента находятся в конкурентных отношениях друг с другом. Свобода журналистики как пространство возможностей возникает там, где достигается консенсус между ними. Право говорения должно учитывать право не слушания, а право получения информации – право ее сокрытия. Объем зоны пересечения этих прав и есть область свободы журналиста. Там, где консенсус не возникает, становится невозможной и журналистика.

Схема отражает взаимодействие двух фундаментальных человеческих потребностей:

- потребность участия в обменном информационном процессе (получение информации и трансляция информации);
- потребность в самосохранении (сохранение самости, защита от привходящего информационного потока, сохранение приватности от попыток обобществления внутренней информационной структуры).

На схеме эти позиции обозначены через интенциональные модусы: {ХОЧУ ГОВОРИТЬ}, {ХОЧУ УЗНАТЬ}, {ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ}, {НЕ СКАЖУ}.

Важно отметить, что характер возникающих между ними связей различен. Можно выделить группу радиальных и контурных связей. Причем если контурные связи описывают непосредственное взаимодействие, то радиальные – опосредованное. Контурные связи, в свою очередь, могут быть разделены на две группы, по типу обратной связи (положительной и отрицательной), возникающей между ними.

Пары {ХОЧУ ГОВОРИТЬ} – {ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ} и {ХОЧУ УЗНАТЬ} – {НЕ СКАЖУ} характеризуются отрицательной обратной связью. Это означает, что они находятся в конкурентном отношении, претендуя на одну и ту же территорию. Усиление одной стороны отношения вызывает ответную реакцию другой стороны. Это означает, что данные отношения создают условия для удержания равновесности всей системы.

Действительно, интенция сообщения вынуждена преодолевать сопротивление интенции блокирования сообщения, и наоборот, что приводит одновременно к техническому совершенствованию способов сообщения и способов блокирования сообщений.

Принцип свободы слова

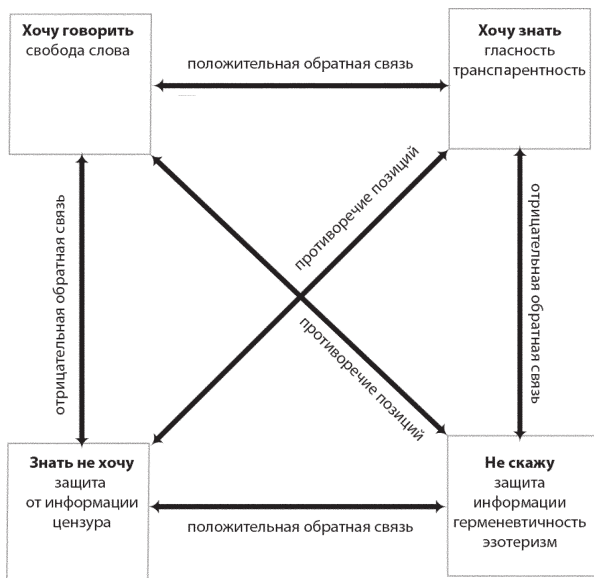

Рис. 2. Схема взаимодействия компонентов «принципа свободы слова»

Две другие пары отношений {ХОЧУ ГОВОРИТЬ} – {ХОЧУ УЗНАТЬ} и {ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ} – {НЕ СКАЖУ}, напротив, характеризуются положительной обратной связью. Усиление одной стороны приводит к усилению другой, поскольку они находятся в состоянии энергетической подпитки. Интенция сообщения подпитывает интенцию познания, и наоборот. Поэтому понятия «свобода прессы» и «гласность» находятся в неразрывной связке, а достижение и того и другого осуществляется в одном и том же социально-политическом контексте.

По свойству положительной обратной связи усиление позиций по данным осям может привести к информационному коллапсу, зашумлению информации. Аналогично автономное усиление пары {ЗНАТЬ НЕ ХОЧУ} – {НЕ СКАЖУ} чревато герметизацией общественной жизни.

Таким образом, устойчивость системы СМИ как социального института будет возрастать, если уделять внимание сбалансированному развитию оси «свобода слова – защита информации»

и/или «гласность – защита от информации». Напротив, дисбаланс системы и в конечном счете ее разрушение наступят, если актуализируется развитие только либеральной (свобода слова, гласность) или только охранительной осей.

Ясно, что на практике представленная модель не является вполне сбалансированной. В реальности наблюдается асимметричность, связанная уже с политической организацией общества. Поэтому имеет смысл соотнести «принцип свободы слова» со схемой политических организованностей¹².

Если рассматривать политику в целом как регуляцию совместности различных социальных групп, то возникает необходимость различения субъектов этой регуляции, политических акторов. Причем под термином «регуляция» подразумевается не столько управление, сколько воздействие как в направлении структурирования совместности, так и в прямо противоположном – разрушения устоявшихся форм общественных отношений и коммуникаций. Речь идет о воздействии, результатом которого становятся изменения в системе социальных коммуникаций. Ясно, что структура, свойственная политическому актору, будет стремиться разворачиваться во внешнюю социальную среду. Политическое действие, таким образом, – это не что иное, как трансляция системных свойств актора в социум и насаждение в нем родственных себе моральных и нравственных норм, ценностей, эпистем.

Будем различать политических акторов, а точнее, их структурные свойства с помощью конструкторов: вертикальные – горизонтальные¹³ и открытые – закрытые.

Вертикальная структура подразумевает пирамидальную иерархическую форму организации, или жесткую связь социальной свободы от положения в системе (социальных статусов), горизонтальная эту связь нивелирует. Закрытая система предполагает наличие критериев «свой – чужой», т. е. ограниченность доступа к социальным лифтам и монополизацию наделяния социальными статусами и ролями, а открытая, напротив, снимает эти ограничения, формируя пространства свободной конкуренции.

Закрытые вертикальные политические акторы появились в момент формирования политической власти в патриархальном обществе. Классическим примером могут служить наследственные монархии и сословная стратификация.

Почти одновременно внутри системы власти возникли закрытые горизонтальные структуры: тайные общества, цеховые союзы, масонские общества, рыцарские ордена, религиозные секты, магические школы. Этим организованностям был свойствен эзотеризм,

который, собственно, и позволял их адептам буквально пронизывать систему управления государствами.

Монополия на власть оказалась полем конкурентной борьбы между закрытыми вертикальными и горизонтальными системами. Можно даже сказать, что шла постоянная борьба систем с антисистемами, которая в конечном итоге привела к появлению закрытых вертикальных систем, напоминающих современные демократии. Развитие демократических институтов привело к спонтанному рождению новых управляющих иерархий со свойством обратной связи и допускающих множественность социальных лифтов, что, конечно, открывало больше возможностей для действия закрытым горизонтальным структурам.

Явлением XXI века можно считать актуализацию в качестве политической силы открытых горизонтальных структур, т. е. социальных сетей, сгенерированных современными коммуникативными технологиями. Сказанное поясняет рис. 3.

Если наложить эту схему на «принцип свободы слова» (рис. 2), то получим схему, изображенную на рис. 4.

Рис. 3. Типология и генезис политических организованностей

потоков (НЕ СКАЖУ), говорит о доминировании авторитарной, но в большей степени закрытой-горизонтальной политической организованности (антисистемы). Вместе с тем в глобальном плане наблюдается постепенная актуализация сетевой политической организованности, несмотря на то, что другие типы структур оказывают и будут оказывать этому процессу активное сопротивление.

Примечания

- ¹ Понятия «мир систем» и «жизненный мир» ввел в научный оборот Ю. Хабермас.
- ² Антонова И.Б. Президентская и политическая риторика как средство моделирования реальности: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. 2013. № 1 (102). Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». С. 144–155.
- ³ Кононов И. «Луганск: жаркое лето 2014 года». Поплатится ли академический журнал за полемическую публикацию? // Информационное агентство «ОстроВ» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ostro.org/lugansk/politics/articles/483128/> (дата обращения: 18.11.2015).
- ⁴ Современная западная теоретическая социология: Реф. сборник. Вып. 1. Ю. Хабермас. М.: ИНИОН, 1992. С. 209.
- ⁵ Джерджен К.Дж. Социальное конструирование и педагогическая практика // Образовательные практики: амплификация маргинальности. Альманах № 4. Серия «Университет в перспективе развития». М.: Технопринт, 2000. С. 74.
- ⁶ См.: Фуко М. Археология знания: пер. с фр. / Общ. ред. Б. Левченко. К.: Ника-Центр, 1996.
- ⁷ Эта формула была предложена В.И. Лениным в работе «Маевка революционного пролетариата» (1913 г.). Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата // Ленин – революционер, мыслитель, человек [Электронный ресурс]. URL: <http://leninism.su/works/61-tom-23/2386-maevka-revolucionnogo-proletariata.html> (дата обращения: 18.11.2015).
- ⁸ См.: Habermas J. Theorie des Kommunikative Handeln. Frankfurt a/M., 1981.
- ⁹ Это понятие было введено М. Вебером.
- ¹⁰ См.: Современные коммуникативные науки: Социальные практики как совместность слова / Отв. ред. А.П. Логунов. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- ¹¹ Калмыков А.А. Политический потенциал принципа свободы слова // Вестник РГГУ. 2009. № 1. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». С. 9–20.
- ¹² Калмыков А.А. Четвертая политическая сила // Там же. 2012. № 1 (81). Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». С. 21–29.
- ¹³ Из последних работ на русском языке, вскрывающих сущность вертикальных и горизонтальных связей в политических структурах, отметим: Дюверже М. Политические партии: пер. с фр. М.: Академический Проект, 2000.

МОНОПОЛИЗМ И КОНКУРЕНЦИЯ В ПРАКТИКАХ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

Статья посвящена трансформации практик политического участия, процесс которой рассмотрен на примере государственных переворотов, произошедших в начале 2000-х гг. Автор выдвигает предположение, что организационные формы современных протестных движений коррелируют с основными трендами перехода от классических к неклассическим политическим практикам, воплощенным в принципе антропности и «человекоразмерности», конструировании реальности и более тесной и очевидной взаимосвязи политической теории и практик политического участия, а также предлагает методику оценки вероятности реализации в стране государственного переворота с применением технологий «цветных революций».

Ключевые слова: политическое участие, коллективное действие, цветная революция, социальный протест, социальные движения.

Целая череда государственных переворотов от Сербии в 2000 г. до Украины в 2014 г. и прошедшая «арабская весна» заставляют задуматься о логике социального, коллективного и политического действия. В политике постепенно отпадает необходимость создания жестких бюрократических структур: на смену традиционным политическим партиям и общественно-политическим движениям приходят гибкие по организационной форме, мобильные и адаптивные формы политического участия, выстроенные по сетевому принципу, активисты которых координируют деятельность участников посредством интернет-технологий. М. Кастельс отметил два примера таких сетей: сеть поддержки сапатистского движения, ставшую одной из основ современного антиглобалистского движения, и сеть Фалуныгунь, китайскую религиозную

организацию с политическими целями¹. Д. Песков также выделил два примера: People's Global Action (PGA) и Greenpeace². Здесь также можно отметить феномен «умной толпы», рассмотренный Г. Рейнгольдом³. Сейчас у адептов веб 2.0⁴ появилась надежда, что блоги и социальные сети станут оплотом демократии и протестных действий. В частности, наиболее громким движением такого рода стало международное по составу движение «Occupy Wall Street»⁵. Примером такого рода форм политического участия в России могут служить протесты против фальсификации выборов в декабре 2011 г. Эти движения являются следствием постмодернизма, «смешением модернизма и движений анти- и демодернизации», реакцией на кризис идеологии модерна и утрату ею культурной контекстуальности⁶. Более пессимистичный взгляд на эту проблему высказывает американский исследователь белорусского происхождения Е. Морозов⁷. Однако при пристальном взгляде на происходящее обнаруживается более глубокая причина данных событий. В частности, М. Гладуэлл⁸ полагает, что протестные движения основываются на «сильных связях», а социальные медиа – на «слабых» (термин, введенный социологом М. Грановеттером⁹). Это обуславливает актуальность изучения логики коллективного действия всех заинтересованных групп во время государственных переворотов путем ненасильственного сопротивления населения властям.

Достаточно большая историография по проблемам «цветных революций»¹⁰ позволяет сделать вывод о переходе организационных форм современных протестных движений от классических к неклассическим политическим практикам¹¹.

1. «*Возвращение к человеку*» в современных протестных движениях происходит благодаря тому, что в центре оказывается *человек как актер*, а не класс или социальная группа, хотя исследователи хотят по привычке найти социальную базу протестов и дать ей название, например, «сердитая молодежь» или «креативный класс». По мнению знаменитого социолога Р. Флориды, в России 13 млн представителей креативного класса, то есть ей принадлежит второе после США место в мире по абсолютному числу работников, занятых в креативных профессиях. По проценту от общей рабочей силы это ставит ее на 16-е место. В Мировом индексе креативности – комбинации разного рода показателей технологий, таланта и креативности – она попадает на 25-е место¹². По мнению отечественных авторов М.Ю. Барбашина, Ю.Г. Волкова, Ф.А. Баркова, А.В. Серикова и З.М. Хачецукова, в обозримом будущем креативный класс в состоянии претендовать на роль субъекта социальных

преобразований в российском обществе. Как полагают данные исследователи, концепция креативного класса возникла в контексте взаимопересечения классических и неклассических течений социологической мысли¹³. Однако в «цветных революциях» основной участник массовых акций конструируется неправительственными организациями и оппозиционными средствами массовой информации – это «индивид, желающий перемен», и неважно, к какому классу он принадлежит¹⁴. В современном социуме индивид может иметь множественную социальную идентификацию, так что определить социальную принадлежность участников протестов, по мнению автора, затруднительно. Французский философ Ж.-Ф. Лиотар подчеркивал, что в обществе, которое находится в состоянии постмодерна, человек всегда оказывается как бы «расположенным на “узлах” линий коммуникаций», иначе говоря, «помещенным в пунктах, через которые проходят сообщения различного характера». Социальная организация неразрывным образом оказывается связанной с коммуникацией как таковой (то есть с передачей информации) и с теорией игр, которые представляют собой агональный аспект коммуникации.

2. *Действующий субъект* «цветных революций» имеет *системный характер*: НПО, развивающие гражданское общество – оппозиционные СМИ – зарубежные фонды, финансирующие первые два звена. В частности, Национальный демократический фонд, сейчас Национальный фонд поддержки демократии – NED (www.ned.org), Национальный демократический институт по международным делам – NDI, NDIFIA (www.ndi.org), Международный республиканский институт – IRI (www.iri.org), Международный фонд электоральных систем – IFES (www.ifes.org), Совет по международным делам и обменов – IREX (www.irex.ru), Дом свободы (Freedom House) (www.freedomhouse.org), Институт «Открытое общество» / Фонд Сороса (www.opensocietyfoundations.org).

Синергетический эффект в данной системе обуславливает ее способность создавать недовольных существующим политическим режимом и привлекать их в качестве участников массовых акций, тщательно спланированных и подготовленных, обеспеченных материально-техническими ресурсами. Здесь наглядно видно, что различные виды коммуникации и познавательной деятельности (книги, брошюры, фильмы, семинары, тренинги и т. д.) конструирует субъект политического действия. Неслучайно методическое пособие Джина Шарпа о ненасильственном сопротивлении на русском языке было издано дважды в 2005 г., что совпало с волной протестов против монетизации льгот, и в 2011 г., в год очередных выборов в Государствен-

ную Думу РФ¹⁵. Субъект политического действия во время «цветных революций» представляет собой *короткоживущую самоорганизующуюся социальную систему*, подобную тем, которые возникали во время ажиотажа вокруг выборных кампаний в России в 1990-е гг., в которой индивид живет в «измененном» сознании¹⁶ и которая создается с помощью определенного набора технологий и распадается после совершения конкретного коллективного действия.

3. *Связка между теорией и практиками политического участия на примере «цветных революций» становится все более тесной*: анализируя различные формы и методы протеста, теоретики ненасильственного конфликта, в частности Институт Альберта Эйнштейна (Institut Albert Einstein) Дж. Шарпа (www.aeinsteinst.org), Международный центр ненасильственных конфликтов (International Center on Nonviolent Conflict) ученика Дж. Шарпа Питера Аккермана (www.nonviolent-conflict.org), пишут методические материалы для участников протестного движения, а потом тщательно изучают следующий виток развития событий. Так, Институт Альберта Эйнштейна распространял документальный фильм «Свалить диктатора» (2001)¹⁷, подготовленный П. Аккерманом, в котором были проанализированы методы, примененные сербским молодежным движением «Отпор» для отстранения от власти Слободана Милошевича в Сербии. Перед «революцией роз» каждую субботу в течение многих месяцев грузинский телевизионный канал «Рустави-2» демонстрировал эту ленту, после которой следовали теледебаты, где жителям Грузии предлагалось обсудить конкретные уроки, которые они вынесли из просмотренных кадров¹⁸. И сейчас можно посмотреть сам фильм на Youtube на русском языке¹⁹, а также руководство для организации дискуссии по нему на английском²⁰.

Для того чтобы сконструировать системный комплекс, который станет действующим субъектом государственного переворота, необходимы достаточно длительное время, массивные финансовые вливания в страну-«объект» изменений. В частности, зарубежные фонды работали на Украине с 1991 г., и через них финансовые ресурсы поступали на развитие гражданского общества в некоммерческий сектор. За период с 1991 по 2014 г. только официально признанные затраты США составили 5 млрд долл.²¹ Следовательно, подготовительный период в своей латентной стадии, когда формируется связка НПО+СМИ, при грубом подсчете составил 14 лет для подготовки к «оранжевой революции» и еще 9 лет для формирования общих условий для подготовки к Евромайдану (итого 23 года «вращения» некоммерческого сектора Украины и финансовых вливаний на развитие гражданского общества).

Может ли в определенный момент иерархия победить сеть и остановить процесс конструирования такого рода краткоживущей самоорганизующейся системы? Поскольку действующий субъект государственного переворота является сложносоставным, его «сборку» можно нейтрализовать усилиями дееспособной авторитарной власти. В частности, можно отметить пять факторов, почему в декабре 2011 г. в России не произошла «цветная революция».

Во-первых, к 2000 г. государство вернуло себе контроль над значительной частью массмедиа²².

Во-вторых, в 2000 г. был принят новый закон «О политических партиях», в 2005 г. изменен закон «О НКО», запрещена деятельность зарубежных фондов на территории РФ. В то же время Администрация Президента РФ плотно работала над созданием мощной партии власти «Единая Россия» и провластных молодежных движений («Идущие вместе», «Наши»). При всей их «искусственности» такая работа позволила создать не только медийный и административный, но и общественный противовес «революционным настроениям», доказать многотысячными «антимайданными» митингами на Поклонной горе в декабре 2011 г., что у власти есть поддержка значительной части общества, никак не меньше той, которая находится в оппозиции к действующей власти.

В-третьих, в 2006 г. была создана Общественная палата РФ, по ее образу общественные палаты были созданы в целом ряде субъектов федерации, при органах государственной власти возникали общественные советы. Через образованные структуры власть попыталась «приручить» некоммерческий сектор и показать общественникам, что с властью можно и нужно договариваться, а не воевать с ней.

В-четвертых, столь длительная и постепенная подготовка государственного переворота невозможна без молчаливого одобрения или «попустительства» со стороны государственной власти страны. В случае с Евромайданом на Украине, произошедшем в 2014 г., укрепление националистского сектора и оппозиционных демократических движений происходило с негласного ведома государственной власти, которая хотела использовать этот факт как козырь в переговорах с Москвой.

В-пятых, важен масштаб и обороноспособность страны, в которой происходит государственный переворот. В отношении РФ Запад может сколько угодно устраивать экономические санкции, но вряд ли НАТО начнет бомбить Россию, как в свое время поступило с Югославией.

Каким образом можно определить, что в стране сложились предпосылки для реализации государственного переворота? Пре-

где всего, это могут быть традиционные методики, например, рейтинг действующих политиков, оценка общественной поддержки действий властей и оппозиции, мониторинг протестных настроений на основе панельных исследований общественного мнения. Сейчас такие опросы регулярно проводит ВЦИОМ (wciom.ru) и ФОМ (fom.ru), пару лет назад этим занимался Левада-центр (www.levada.ru); оценка аудитории оппозиционных, в первую очередь, либеральных и демократических СМИ; наличие факта финансирования НКО, нацеленных на формирование гражданского общества зарубежными фондами. Перечень исследуемых параметров может быть следующим. Первая группа параметров касается внутренних факторов, которые сложились в стране-«объекте» государственного переворота как объективно, под влиянием внутренних предпосылок, так и конвенционально, под влиянием внешних побудительных причин. Вторая группа параметров относится к внешним факторам, то есть к целенаправленному «воздействию извне».

Внутренние факторы:

СМИ страны-«объекта» переворота: 1) общая оценка свободы массмедиа; 2) количество и охват аудитории оппозиционных, либеральных и демократических СМИ; 3) экспертная оценка мобилизационного потенциала СМИ на основе контент-анализа их публикаций, связей с НКО, политическими и экономическими элитами, количественного состава мероприятий, которые они организуют.

НКО страны-«объекта» переворота: 1) общая оценка развития некоммерческого сектора в стране; 2) количество и направления деятельности НКО, влияющих на развитие гражданского общества, защиту прав человека и обеспечение электоральных прав граждан; 3) источники финансирования данной категории НКО; 4) экспертная оценка мобилизационного потенциала данной категории НКО на основе количества благополучателей и прочих заинтересованных лиц, тиражей изданной литературы или собственных СМИ, посещаемости сайта, количества волонтеров.

Политические элиты страны-«объекта» переворота: 1) общая расстановка сил внутри политических элит; 2) количество и политический вес представителей политических элит, желающих перемен, особенно в силовых структурах; 3) электоральный потенциал политических элит либерального и демократического толка; 4) экспертная оценка мобилизационного потенциала политических элит на основе анализа связей оппозиционной части элиты с НКО и СМИ, которые могут рекрутировать участников массовых акций, а также с экономическими элитами, которые могут выступить спонсорами лидера объединенной оппозиции.

Общество: 1) общая оценка общественной поддержки действий властей и протестного потенциала; 2) количество политически активных граждан, количество активных граждан, принимающих участие в благотворительности, волонтерской деятельности и прочих социальных проектах, количество и география гражданских инициатив и проектов, плотность гражданских сетей; 3) конфигурация и потенциал политически активной части населения: готовность студенчества и интеллигенции принять участие в массовых акциях как на стороне оппозиции, так и на стороне властей; 4) экспертная оценка мобилизационного потенциала групп граждан, готовых к применению насилия / уличным боям (футбольные фанаты, националисты, скинхеды и т. д.).

Внешние факторы:

Зарубежные фонды: 1) общая оценка влияния зарубежных фондов на некоммерческий сектор страны; 2) количество и направления деятельности НКО, влияющих на развитие гражданского общества, защиту прав человека и обеспечение электоральных прав граждан; 3) экспертная оценка финансирования, выделяемого фондами на эти виды деятельности; 4) экспертная оценка мобилизационного потенциала зарубежных фондов на основе количества НКО-грантополучателей или количества отдельных граждан, получивших гранты или участвовавших в программах по обмену.

Зарубежные СМИ: 1) общая оценка медиаосвещения событий страны-«объекта» переворота, а также ее медиаимиджа ведущими западными СМИ (США, Великобритании, Франции, Германии), на основе контент-анализа публикаций; 2) технологические цепочки (схемы), по которым запускается информационная кампания в медиа (вопросы собственности, контроля, gatekeepers и т. д.); 3) анализ взаимосвязей между информационными кампаниями, запускаемыми в зарубежных СМИ, и действиями иностранных правительств, прежде всего США и других стран НАТО; 4) экспертная оценка мобилизационного потенциала мировой общественности с помощью СМИ на основе анализа устоявшихся схем и взаимосвязей, выявленных в предыдущих случаях.

Иностранные правительства, прежде всего США и других стран НАТО: 1) анализ целей иностранного правительства по отношению к стране-«объекту» переворота в рамках общей концепции внешней политики данного иностранного государства; 2) анализ исторического контекста и двусторонних отношений иностранного государства и страны-«объекта» переворота; 3) оценка потенциала воздействия данного иностранного государства на страну-«объект» переворота: как «жесткой силы» (ВПК, ущерб от потенциальной экономической

блокады), так и «мягкой» (гуманитарное сотрудничество: социальные, культурные, образовательные проекты, программы обмена и т. д.); 4) экспертная оценка непосредственного и опосредованного влияния политических элит иностранного государства на политические элиты страны-«объекта» переворота, в том числе оценка потенциала работы спецслужб на ее территории.

Примечания

- ¹ *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004. С. 164–165.
- ² *Песков Д.Н.* Интернет в российской политике: утопия и реальность // Полис. 2002. № 1.
- ³ *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006.
- ⁴ Например: *Shirky С.* Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations. N. Y.: Penguin books, 2008.
- ⁵ *Taylor А.* Occupy!: scenes from occupied America. L., 2011; *Jackson R.* Occupy world street: a global roadmap for radical economic and political reform. Totnes, 2012.
- ⁶ *Козловски П.* Культура постмодерна. М., 1997. С. 89–91.
- ⁷ *Морозов Е.* Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М., 2014 (на англ. яз. книга вышла в 2010 г.).
- ⁸ *Gladwell М.* Small Change: Why the revolution will not be tweeted // The New Yorker. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell#ixzz11bUEHКу0> (дата обращения: 01.07.2015).
- ⁹ *Грановеттер М.* Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.
- ¹⁰ *Картович О.Г., Маноило А.В.* Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М., 2015; *Павликов С.Г.* Эволюционные и «революционные» изменения государственно-правовой формации. М., 2015; *Наумова А.Ю., Наумов А.О., Авдеев В.Е.* «Цветные революции» на постсоветском пространстве. СПб., 2013; *Юсупова-Фарзалиева Д.М.* Информационно-коммуникативные технологии как основа «цветных революций» в современных полициях: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пятигорск, 2012; *Наумова А.Ю.* «Оранжевая революция» в Украине. М., 2011; *Бочанов М.А.* «Цветные революции» как фактор трансформации внешнеполитических стратегий государств на постсоветском пространстве: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2011; *Orange revolution and aftermath: mobilization, apathy, and the state in Ukraine / Ed. by P.J. D'Anieri.* Washington; Baltimore, 2010; *Коровин В.М.* Главная военная тайна США. Сетевые войны: [«цветные революции», тайные заговоры и спецоперации, подрывная пропаганда, «промывание мозгов»]. М., 2009; *Kuzio Т.*

- Democratic revolution in Ukraine: from Kuchmagate to Orange revolution. L.; N. Y., 2009; Оранжевые сети: от Беслана до Бишкека / Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. СПб., 2008; *Кара-Мурза С.* Оранжевая мина. М., 2008; *Мирзоев С.Б.* Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях». М., 2006; *Иванов В.* Антиреволюционер: почему России не нужна «оранжевая революция». М., 2006; «Оранжевая революция». Украинская версия: [Сб.] / [Сост. М.Б. Погребинский]. М., 2005; Грозит ли России «оранжевая» революция? / М. Леонтьев, В. Березовский, Р. Шайхутдинов [и др.]. М., 2005; *Котляревский Ю.Л.* Оранжевая революция. Глазами консультанта. Ростов н/Д., 2005; *Wilson A.* Ukraine's orange revolution. New Haven; L., 2005.
- ¹¹ *Жукова Е.Н.* Неклассические организации в системе политических коммуникаций Российской Федерации на рубеже XX–XXI вв.: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2006.
- ¹² *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007. С. 10.
- ¹³ *Барбашин М.Ю., Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Сериков А.В., Хачеицков З.М.* Социальное значение креативного класса в российском социуме // Гуманитарный ежегодник. 2014. № 13. С. 234.
- ¹⁴ *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998. С. 45.
- ¹⁵ *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения. М., 2005; *Шарп Дж., Дженкинс Б.* Антипутч. Екатеринбург, 2005; *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. 2-е изд. М., 2012.
- ¹⁶ Подробнее об избирательной кампании как сложном социокультурном феномене, во время которой формируются «короткоживущие социальные системы», а сознание избирателя переходит в «измененное» состояние см.: *Кошелюк М.* Выборы: Магия игры. Технологии победы. М., 2000. С. 16–19.
- ¹⁷ Bringing down a dictator // A Force More Powerful [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aforcemorepowerful.org/films/bdd/index.php> (дата обращения: 02.07.2015).
- ¹⁸ *Лебедева И.* Брокеры «мусорных революций» // Оранжевые сети: от Беслана до Бишкека. С. 48–49.
- ¹⁹ *Свалить диктатора:* фильм (2002) // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?t=26&v=P7iEpL5oBoM> (дата обращения: 04.07.2015).
- ²⁰ *Educational Outreach Materials: Discussion Guide. Lesson Plans* // A Force More Powerful [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aforcemorepowerful.org/films/bdd/eo/index.php> (дата обращения: 08.07.2015).
- ²¹ Нуланд признала, что США вложили в Украину с 1991 года 5 млрд долларов // Взгляд [Электронный ресурс]. <http://www.vz.ru/news/2014/4/22/683263.html> (дата обращения: 05.07.2015).
- ²² *Засурский И.* Масс-медиа второй республики. М., 1999.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

В статье анализируются причины политического участия граждан России. При этом учитывается совокупное влияние комплекса феноменов, к числу которых отнесены система ценностей и, в частности, степень распространенности демократических ценностей и традиций политической конкуренции, тип политической культуры, степень политической активности, формы и содержание политического поведения в целом. Автор делает вывод, что традиционные ценности продолжают действовать, несмотря на институт гражданства и формальное одобрение демократических ценностей и институтов. Осуществляется это на основе свойственного российской политической системе «симбиоза» традиционных и секулярно-рациональных ценностей. Кроме того, автор фиксирует, что запрос россиян на лучшую жизнь включает не только стремление к порядку и стабильности, но и желание демократических свобод и открытой конкуренции в политической жизни.

Ключевые слова: демократические ценности, поведение, демократия, ценности, конкуренция.

Для того чтобы адекватно оценить перспективы развития демократических институтов модели политической жизни, важно не только определить характер институциональной среды, но и учесть динамику массовых настроений и ценностей, в том числе и касающихся отношения к демократическим ценностям, тем или иным способам и формам гражданской самоорганизации и политического участия. «Будущее стабильной демократии – в той стране, граждане и правители которой четко следуют демократическим идеям, ценностям и практикам»¹. Обнаруженная в ходе многочисленных исследований взаимосвязь между ценностями и демократией говорит о том, что уровень ценностей, вероятно,

влияет на то, у каких стран переход к демократии будет осуществляться быстрее, какие демократические институты будут более стабильными и эффективными.

Эксперты ИНСОП особое внимание акцентируют на такой ценности демократии, как конкуренция. По их мнению, «главным, “пакующим” критерием демократии, является политический плюрализм во всех его проявлениях: политическая конкуренция, состязательность, регулярные выборы и отсутствие партийной монополии»². Й. Шумпетер формулирует подход к пониманию демократии схожим образом: «...Демократический метод – это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей»³. Современная демократия, понятая в процедурном аспекте как демократическая политическая конкуренция, требует и определенного типа человека с определенной системой ценностей. Как отмечает А. Панарин, «демократическая система имеет в виду автономного, неподопечного субъекта, которому некого благодарить за свое благополучие и некого винить в неудачах. Ее главные принципы суверенность, самостоятельность и ответственность, исключаящие потакание и покровительство... в условиях демократии индивид вступает в отношения не с какой-то высшей, стоящей над обществом инстанцией (таких просто нет), а лишь с равными ему в правовом положении субъектами, у которых ничего нельзя выпросить или “выбить”, а можно только обменять на рынке товаров и услуг»⁴.

В книге Р. Инглхарта и К. Вельцеля «Модернизация, культурные изменения и демократия» анализируется вопрос о том, как меняющийся баланс между модернизацией и традициями формирует ценностные ориентации людей и как эти ценности воздействуют на политические институты и политическое поведение. По мнению американского социолога Р. Инглхарта, демократия тесно связана с определенным типом системы ценностей. В исследованиях с большими выборками в десятках стран, доказывающих этот тезис, он использует деление стран по критерию преобладания традиционной или секулярно-рациональной культуры в той или иной из них. Для традиционных культур характерными являются «ценности выживания», среди которых преобладают такие, как невнимание к гендерному равноправию, отсутствие межличностного доверия, нетерпимость к инакомыслящим и т. п., для секулярно-рациональных культур – прямо противоположные «ценности самовыражения», акцентирующие гражданские и политические свободы. Модернизация и экономический рост, по мнению Инглхарта, усилива-

ют роль ценностей самовыражения, способствующих укреплению демократических институтов.

Сравнительное положение стран, занимаемое ими на шкале «выживание/самовыражение», Р. Инглхарт сопоставил с позициями, занимаемыми по уровню развития демократии, и выяснил, что страны, занимающие крайние или близкие к крайним положения на шкале «выживание/самовыражение», либо являются или управляются авторитарными режимами, либо являются стабильными демократиями⁵. Степень выраженности ценностей самовыражения в целом не является признаком эффективной демократии, однако она выражает тенденцию в сфере массовых представлений, присутствующих в обществе, и помогает понять относительную вероятность наличия демократического режима⁶.

В.В. Петухов пишет о том, что в России сформировалась уже достаточно многочисленная группа, которая усвоила и вполне успешно демонстрирует тип поведения, основанный на открытости мышления и принятии демократических ценностей⁷. Однако исследователь отмечает наличие существенного разрыва между отношением к демократии как проекту общественного устройства и возможности практического использования демократических институтов в обновлении страны.

Во Всемирном исследовании ценностей предлагается ответить на вопрос, является ли демократическая система «очень хорошей», «скорее хорошей», «скорее плохой» или «очень плохой формой правления». Данные проекта World Values Survey (WVS) последней 6-й волны показали, что 68 % российских граждан в целом одобряют демократию как систему управления в нашей стране, при этом почти столько же ответивших (67 %) полагают, что России нужен сильный лидер, не зависящий от парламента и выборов. При этом одобрение демократии выше среди тех, кто поддерживает постматериалистические ценности. Итак, если на уровне парадных ценностей большинство представителей двух групп выступают с позиций безусловного приоритета ценностей демократии, то, выражая свое отношение к сегодняшним российским реалиям, они уже не столь однозначны и единодушны в своих оценках. По сути, замечает В.В. Петухов, эта ситуация отражает неопределенность социально-политической ситуации: с одной стороны, со стороны общества наблюдается потребность в сохранении стабильности и порядка, с другой – существует запрос на обновление политической системы, на перемены во власти и в политике⁸.

У.М. Рейзингер и Дж. Пачеко анализируют массовые ценности в условиях демократии и авторитарного режима. По их мнению, поддержку авторитарной политике обеспечивает тип личности,

которая ассоциируется с ценностями традиций, порядка и подчинения сильному лидеру. Рейзингер и Пачеко пишут о том, что демократические и авторитарные ценности могут рассматриваться как оборотные стороны друг друга⁹. Меняющийся баланс между различными типами ценностей в конечном счете формирует основу политического режима.

Сравнительный анализ данных двух волн проекта WVS демонстрирует динамику изменения представлений россиян о значимости демократии как необходимой составляющей политической жизни страны. Как показывают данные, с 2006 по 2015 г. доля тех, кто отмечает безусловную значимость демократии, сократилась почти вдвое – с 62 до 37 %. Так, по данным мониторинговых исследований ВЦИОМ, с 2004 по 2011 г. число россиян, игнорирующих политическую и общественную жизнь страны, увеличилось почти вдвое – с 32 до 61 %. Уровень политического участия является одним из показателей демократичности политической системы и тесно связан с интересом к политике, возможностью общественного контроля за действиями властей, влиянием на исход выборов. И в данном случае выявляется закономерность – чем ниже уровень политической вовлеченности граждан, тем выше уровень политической отчужденности и рост неконвенционального протестного активизма, не связанного с демократическими процедурами. Политика утрачивает публичный характер, политические решения принимаются без политической конкуренции во время избирательных кампаний и между ними. Предопределенность исхода выборов снижает мотивацию масс к электоральному участию, а также интерес к демократии в целом. Для поддержания демократии, понятой в процедурном аспекте как демократической политической конкуренции, важно, чтобы у населения было желание выбирать власть¹⁰. На сегодняшний день общей тенденцией для многих стран является снижение числа людей, участвующих в выборах органов власти. Это можно расценить как понимание нелегитимности безальтернативной власти.

К 2011–2012 гг. люди с активной гражданской позицией, видимо, окончательно разочаровались в возможностях влиять на ситуацию в стране или городе с помощью выборов. В опросе 2012 г. среди основных причин недемократичности прошедших выборов были названы следующие – большое количество фальсификаций, нарушений (так ответили 28 %), предопределенность исхода выборов (19 %). Для многих граждан России равные условия конкуренции участников выборов стали желаемой нормой, которую они позитивно оценивают¹¹. По их мнению, конкуренция побуждает людей напряженно трудиться и даже бороться за свои права и интересы,

а правящие структуры – к постоянному совершенствованию и обновлению. Создание по-настоящему конкурентной среды крайне важно для обеспечения гражданам не декларативной, а реальной свободы выбора, когда индивиды, имеющие разный социальный опыт, различную систему ценностей, разные жизненные стратегии, могли бы сами выбирать сферу и способы приложения своих усилий.

По мнению Р. Инглхарта и его коллег, восприятие демократических ценностей и институтов связано с такими ценностями, как недоверие по отношению к сильным руководителям, толерантность, выбор индивидуальной свободы над порядком. Негативно с точки зрения перспектив демократии оцениваются следующие ценности – выбор в качестве руководителя сильного лидера, который может пренебречь демократическими процедурами, нетерпимость к «чужим» и стремление к порядку.

В частности, в ходе исследований ВЦИОМ 2015 г. респондентам предлагалось высказать свое отношение к понятиям, представляющим собой ценностную палитру современной российской жизни. Среди понятий, вызывающих наиболее позитивные чувства, лидируют «справедливость» (49 %), «свобода» (47 %) и «порядок» (46 %). Актуализировались такие понятия, как «успех» (29 %), «права человека» (27 %), русские (36 %), традиция (33 %). Россияне стали более позитивно воспринимать ценности национальной самобытности и державности. Многие политологи интерпретируют это в контексте потребности восстановления статуса России как мировой державы на глобальной политической арене¹². При этом растет число тех, кто полагает, что свобода человека реализуется в его политических правах и свободах. Данные исследований подтверждают тезис о том, что россияне рассматривают противоположные с точки зрения теории постмодернизации понятия свободы, прав человека, порядка, традиции, успеха не как бинарные конфликтующие оппозиции, а как в равной степени важные и необходимые ценности¹³. Однако при «селекции» этих идей, замечает Петухов, ценности демократии и прав человека все чаще перемещаются на периферию общественного внимания. Несмотря на признание их важности, россияне тем не менее скептически оценивают их инструментальный потенциал в социально-экономическом развитии страны. Исследование Института социологии РАН 2014 г. показало, что тотального разочарования в демократических ценностях у россиян нет¹⁴. В то же время россияне не в восторге от того, как работает демократия в нашей стране... Одно из следствий этого – недоверие к большинству демократических институтов, синдром «неучастия», особенно заметный у молодежи¹⁵.

Как отмечают авторы исследования, восприятие россиянами перспектив демократии в России отличается от подходов, настаивающих на ее локализации лишь в сфере политики и выборных процедур. Потенциальные возможности демократии рассматриваются ими в более широком контексте, как правовая защищенность и социальная справедливость¹⁶. По данным опроса ВЦИОМ 2014 года, под демократией россияне в первую очередь понимают свободу слова, печати, вероисповедания (так ответили 47 %), экономическое процветание страны и выборность всех высших государственных руководителей страны – 24 и 14 % соответственно.

Таким образом, прямого вопроса об отношении к демократии недостаточно для измерения уровня демократических ценностей. Как отмечают У.М. Рейзингер и Дж. Пачеко¹⁷, граждане большинства стран, независимо от того, какой политический режим они имеют, все равно поддерживают демократию, если у них об этом спросить. Так, переплетение традиционалистских и современных компонентов в сознании и поведении россиян является следствием заметного расхождения между декларируемыми ценностями и поведенческими стратегиями, реализуемыми в политике. Данные WVS показывают, что в России между декларируемым одобрением демократических институтов и реальным участием огромная дистанция.

Бихевиористское измерение, являющееся одним из индикаторов, описывающих человека с демократическими ценностями, может указывать на то, участвовал ли респондент в политике помимо участия в голосовании, например, подписывая петиции или принимая участие в публичных демонстрациях и протестах. К. Вельцель совместно с Р. Инглхартом, А. Арбором и А. Дойчем исследовали влияние ценности эмансипации на протестные противоэлитные движения граждан. В исследовании проверялась гипотеза о том, что доминирующей силой демократической мобилизации в обществах является высокая ценность эмансипации. Так, стремление продемонстрировать свою позицию элите оказывается сильнее, чем страх репрессий даже в недемократических обществах. Эта гипотеза, в частности, может помочь в объяснении всплеска митинговой активности в декабре 2011 г. Данные опроса WVS, проведенного в России, говорят о том, что уровень эмансипационных ценностей растет, и к 2011 г. доля тех, для кого ключевыми являются ценности самовыражения, составляет 22 % (в 1998 г. их доля составляла 13%). Можно предположить, что к этому времени люди с активной гражданской позицией окончательно разочаровались в возможностях влиять на ситуацию в стране и отстаивать свою позицию с помощью выборов, убежденность в честности которых только снижалась на протяже-

нии последних лет. Так, согласно данным последней волны WVS, уровень протестной активности выше среди тех россиян, которые являются приверженцами ценностей самовыражения. Это люди, которые готовы подписать или подписывали петиции (42 %), участвовали или готовы принять участие в мирных демонстрациях (37 %), в забастовке (23 %), в других формах протеста (23 %).

Увеличение масштабов политического участия, по мнению К. Мангейма, влияет на развитие демократии. Так называемая «эпоха преобразований» второй четверти XX века привела к «фундаментальной демократизации общества» благодаря существенному расширению круга участвующих в политической жизни, возрастанию участия в ней всех слоев общества¹⁸. По мнению С. Хантингтона, рост политического участия в трансформирующихся традиционных обществах определяется возрастанием уровня политического сознания широких слоев населения и проявляется вовлечением в политические процессы традиционно инертных групп, повышая конкурентность и открытость политической жизни.

Итак, осознание необходимости перехода к «рационально-активистской» модели¹⁹ политической жизни является значимой для понимания дальнейших путей развития демократических институтов в России. Рационально-активистская модель социального действия, конкурентная среда являются одним из ключевых критериев развитости любого современного демократического государства и той «матрицы», которая предопределяет характер и направленность политического участия, развитие новых форм гражданской активности и самоорганизации.

В то же время в процедурной версии демократии обосновывается тезис о том, что демократическая политическая конкуренция приводит к появлению новых перспективных политических проектов лишь в случае наличия определенных социальных условий – в частности, компетентности избирателей, высокой правовой и политической культуры общества, эффективно функционирующих государственных институтов. С этой точки зрения выглядит адекватной идея взаимопроникновения государства и гражданского общества, расширение пространства легитимного и легального политического участия.

Примечания

¹ Dahl R.A. On Democracy. New Haven, CN: Yale University Press, 1998. P. 157.

² Демократия: развитие российской модели. М., 2008 // Институт современного развития: [Электронный ресурс]. URL: http://www.insor-russia.ru/files/LowRes-Democracy_Books_final.pdf (дата обращения: 05.08.2015).

- ³ *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 49.
- ⁴ *Панарин А.С.* Философия политики. М., 1996. С. 266–267.
- ⁵ *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. М., 2011.
- ⁶ Там же. С. 307.
- ⁷ *Петухов В.В.* Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян // *Общественные науки и современность.* 2002. № 6. С. 59–65.
- ⁸ *Петухов В.В.* Политические ценности и поведение среднего класса // *Социологические исследования.* 2000. № 3. С. 23–32.
- ⁹ *Рейзингер У.М., Пачеко Дж.* Массовые демократические ценности и демократия в российских регионах // *Мониторинг общественного мнения.* 2014. Сентябрь – октябрь. № 5 (123). С. 12–30.
- ¹⁰ *Шилов В.Н.* Демократическая политическая конкуренция и ее предпосылки: Йозеф Шумпетер и современность // *Науч. вед. Белгород. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика.* 2012. № 1 (120). Т. 21.
- ¹¹ *Римский В.Л.* Причины и мотивы протестных акций в России 2011–2012 гг. // *Мониторинг общественного мнения.* 2012. № 3 (109). С. 110–113.
- ¹² *Василенко И., Титаренко Л., Абассы М.* Политические ценности демократии в России, Беларуси и Польше: сравнительный анализ // *Власть.* 2015. № 1. С. 170–177.
- ¹³ *Петухов В.В.* Ценностная палитра современного российского общества: «идеологическая каша» или поиск новых смыслов? // *Мониторинг общественного мнения.* 2011. № 1 (101). С. 6–23.
- ¹⁴ Общероссийский социологический опрос, проведенный Институтом социологии РАН «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия» в сотрудничестве с Некоммерческим Фондом ИСЭПИ в марте 2014 г.
- ¹⁵ *Зимин В.А.* Политические ценности как стимулы и барьеры российской модернизации // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева.* 2014. № 4.
- ¹⁶ *Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В.* Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // *Власть.* 2014. № 9. С. 11–19.
- ¹⁷ *Рейзингер У.М., Пачеко Дж.* Указ. соч.
- ¹⁸ *Петухов В.В., Бараш Р.Э.* Хотят ли россияне демократию, и если хотят, то какую? // *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены.* 2012. Сентябрь – октябрь. № 5 (111). С. 46–58.
- ¹⁹ *Федоров В.В.* Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения. М.: Праксис, 2010.

Международные отношения: политические и социокультурные аспекты

Н.Дж. Спикмэн

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА ЕВРАЗИИ

Часть 2

Вниманию читателей предлагается перевод фрагмента главы из книги известного американского геополитика Николаса Джона Спикмэна (Nicholas John Spykman, 1893–1943) «География мира»¹, в которой автор, критически переосмысливая идеи британского географа Х. Маккиндера, приходит к выводу о ключевом значении «римленда», или прибрежной полосы, охватывающей запад, юг и юго-восток Евразии, в плане установления контроля над всем континентом.

Окончание. Начало см.: *Спикмэн Н.Дж.* Политическая карта Евразии. Часть 1. *Перевод на русский язык М.Н. Грачева* // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2015. № 1. С. 41–50.

Ключевые слова: геополитика, геополитический анализ Евразии, военная стратегия, хартленд, римленд.

Римленд

Согласно концепции Маккиндера, внутренний полумесяц прибрежных территорий, окружающих хартленд, состоит из трех сегментов: побережье Европы, пустынные земли арабского Среднего Востока и муссонные страны Азии. Первые два региона четко определяются как географические пространства, однако третий из них представляется единым целым только с особой исторической точки зрения, сложившейся в Великобритании. Муссонные страны Азии выглядят как целостный регион в представлениях моряков. Такому восприятию способствуют сходные климатические условия и беспрепятственный доступ к данной территории с позиций

морской силы. Эта территория также хорошо защищена от хартленда вереницей барьеров – от Гималаев и Тибета до обширной пустынной и гористой местности Синьцзяна и Монголии. Однако эти горы не превращают находящиеся за ними муссонные территории в единое целое. Горные хребты Бирмы и Индокитая простираются до моря и создают серьезное препятствие для контактов между двумя большими странами. Тот факт, что буддизм пришел из Индии в Китай через Синьцзян и Таиланд, указывает на сложности в поддержании прямых связей между ними. На протяжении всей своей истории эти два центра восточной цивилизации оставались достаточно изолированными друг от друга, и их исключительные контакты носили только культурный и интеллектуальный характер.

В таком случае Индия и побережье Индийского океана попадают в иную геополитическую категорию по отношению к Китаю, и поэтому едва ли будет правильным объединять их под общим названием муссонных стран Азии. Будущее, вероятно, покажет, что могущество этих регионов будет проявляться в двух отдельных частях, сообщающихся между собой лишь через узкую часть Индокитайского полуострова посредством сухопутных или воздушных сил и через Сингапур с точки зрения использования военно-морских сил. Если это так, то азиатское Средиземноморье будет сохранять свою значительную роль в политической стратегии независимого мира Азии в той же мере, в какой оно имело жизненно важное значение в эпоху окружения западной морской силой.

Римленд континентальной массы Евразии следует рассматривать как промежуточный регион, поскольку он расположен между хартлендом и окраинными морями. Он выполняет функцию обширной буферной зоны конфликта между морской и сухопутной силами. Обращая свое внимание на оба направления, он должен действовать подобно амфибии и быть способным защитить себя и на суше, и на море. В прошлом он был вынужден бороться и с сухопутным могуществом хартленда, и с морской мощью оффшорных островов – Великобритании и Японии. И этой двойственной природой обусловлены проблемы его безопасности.

Оффшорные континенты

Юго-восточные и юго-западные берега Старого Света омываются двумя средиземными морями, за которыми располагаются континенты Австралия и Африка. Положение этих двух оффшорных континентов во многом определяется государством, контроли-

рующим европейское и азиатское средиземные моря. Маккиндер в своем анализе определяет огромную пустыню в Африке как континентальную область, недоступную для морской силы, и поэтому называет ее южным хартлендом, сравнимым с северным. Данная концепция, по-видимому, имеет некоторое значение в понимании политической истории Африки до проникновения на этот континент европейцев. Она также имела и определенную обоснованность с точки зрения британско-российского противостояния, пока путь вокруг Старого Света проходил через мыс Доброй Надежды².

После завершения строительства Суэцкого канала такая интерпретация потеряла всякую практическую значимость. Использовать понятие, обозначающее, что область является недоступной для морской силы, не имеет смысла, когда данная область была на деле преобразована как раз для проникновения морской силы. Необходимо также запомнить, что, несмотря ни на какое географическое сходство, которое можно было бы усмотреть в обоих регионах, южный хартленд отличается от северного хартленда в одном ключевом и фундаментальном отношении. У него нет ни собственного политического могущества, ни собственного силового потенциала. Он не является и никогда не был опорой для внешнего давления в сторону полумесяца. Поэтому он не должен присутствовать в общей глобальной картине каким-либо образом по аналогии с северным хартлендом.

Значение обоих оффшорных континентов в мировой политике ограничивается климатическими условиями, которые ставят пределы развитию их производственного потенциала и, как следствие, их силового потенциала. Наибольшая часть территории Африки лежит в тропической зоне и является либо весьма засушливой, либо очень влажной. В любом случае континент, за исключением своей самой южной оконечности, не содержит ресурсов, необходимых для создания политических образований, способных оказывать существенное влияние на остальной мир. Таким же образом пустынные регионы Австралии настолько обширны, что оставшаяся территория не имеет ни соответствующего размера, ни ресурсов, необходимых для формирования могущества мирового значения.

Динамическая модель евразийской политики

Общую картину политических действий на Евразийском континенте Маккиндер определил с позиций давления кочевых народов хартленда вовне на страны римленда. Когда кочевников, странствовавших по степям центральной континентальной низменности, сме-

нила организованная сила Российского государства, сохранилась та же самая картина. Империя стремилась получить выход к морю и обнаружила, что в XIX в. ей заблокировала путь британская морская мощь, распространившая свое влияние по всему побережью Евразии. Положение Британской империи основывалось на окружении евразийской континентальной массы со стороны моря, которое обеспечивалось за счет преобладания силы военного флота на всем протяжении окружного морского пути. Данному положению могло угрожать появление конкурирующей морской силы в прибрежных районах континента или выход на побережье сухопутной мощи России.

Маккиндер был настолько убежден в том, что любой конфликт в Европе должен развиваться по модели противостояния сухопутной и морской силы, что в 1919 г. даже заявил о том, что истинный характер недавно завершившейся войны не был понятен до тех пор, пока Россия не потерпела поражение. Британскую морскую мощь следовало бы рассматривать как вступившую в борьбу с сухопутной силой, которая доминировала над хартлендом. Данная интерпретация воспринимается достаточно тяжело с учетом роли Франции как сухопутной силы, и к тому же было бы странным игнорировать три года сопротивления России на Восточном фронте.

Однако, как и любой добротный геополитический анализ, исследование Маккиндера представляет картину взаимного расположения сил, которое существовало в определенное время и в определенной системе отсчета. Впервые она была разработана в 1904 г., до подписания в 1907 г. англо-русского соглашения об Антанте³, и на нее существенно повлиял конфликт прошлого века между Россией и Великобританией. Когда в 1919 г. была опубликована книга Маккиндера «Демократические идеалы и реальность», в ней вновь акцентировалось внимание на концепции неизбежного исторического противостояния между российским сухопутным могуществом и британской морской мощью. Ошибочность такого поверхностного применения теории к истории становится очевидным, когда мы понимаем, что противостояние между этими двумя странами фактически никогда не было неизбежным. На самом деле в трех величайших военных конфликтах в мире в XIX и XX веках – наполеоновских, Первой мировой и Второй мировой войнах, – Британская и Российская империи выступали вместе против наступления сил римленда во главе с Наполеоном, Вильгельмом II и Гитлером.

Иными словами, в действительности никогда не было простого противостояния между сухопутной и морской мощью. Исторически равновесие всегда достигалось в плане позиционирования отдельных стран римленда вместе с Великобританией против неко-

торых стран римленда вместе с Россией или же Великобританиии вместе с Россией против доминирующей силы римленда. Тезис Маккиндера: «Кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует хартленд; кто контролирует хартленд, правит Мировым Островом, а кто правит Мировым Островом, тот правит всем миром», – не соответствует истине. Если для политики с позиции силы в Старом Свете необходим лозунг, то он должен быть таким: «Кто контролирует римленд, тот правит Евразией; кто правит Евразией, тот управляет судьбами мира».

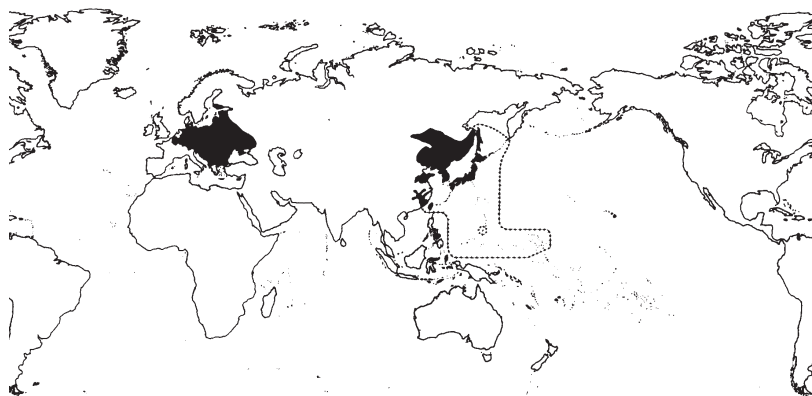

Рис. 1. Максимум немецкой и японской экспансии, 1914–1921 гг.

Соединенные Штаты уже дважды вступали в войну в течение тридцати лет, и каждый раз нашей безопасности угрожала вероятность того, что в регионах евразийского римленда будет доминировать единственная сила. К концу 1917 г. успешные действия немцев на востоке против России, которые завершились подписанием 3 марта 1918 г. Брест-Литовского договора⁴, показали, что притязания Германии на установление господства над Атлантическим побережьем, возможно, реализуются (см. рис. 1). В то же самое время Япония, будучи якобы союзником Великобритании и Соединенных Штатов, также предпринимала попытку добиться установления полного контроля над Дальним Востоком. В январе 1915 г. она начала свою кампанию давления на Китай, предъявив ему «Двадцать одно требование»⁵. Позднее, в 1918 г., она приняла участие во вторжении союзных войск в Сибирь⁶ и решительно продавливала там свои собственные интересы. Если бы ее не остановили, она могла бы выйти из войны с полным контролем над азиатской частью римленда.

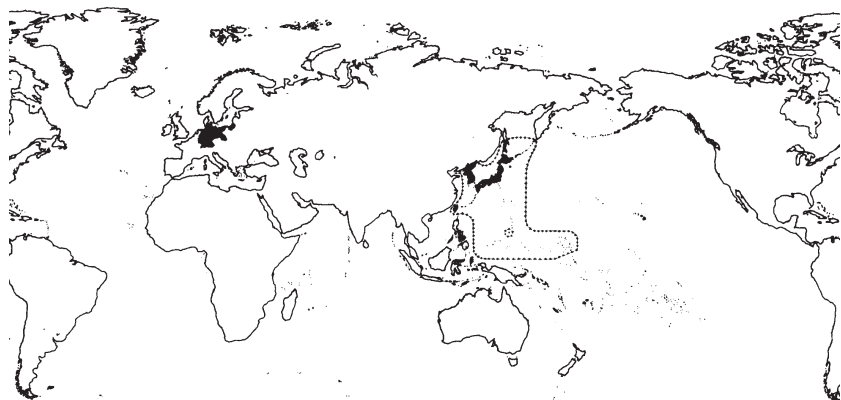

Рис. 2. Окончание Первой мировой войны

На Вашингтонской конференции 1921–1922 гг.⁷ нам удалось добиться от Японии частичного отказа от чрезмерных претензий из числа «Двадцати одного требования», а также ее ухода из Сибири и Шаньдуна. Если обратить внимание на договоры, заключенные в Вашингтоне⁸, а не на Версальский договор, завершивший Первую мировую войну⁹, то можно увидеть, что, победив в этой конкретной силовой борьбе, мы зажали своих противников на относительно небольшой площади (см. рис. 2). Однако им не потребовалось много времени, чтобы возобновить свою политику экспансии, направленную на установление контроля над римлендом и его огромным силовым потенциалом. Вторая мировая война является продолжением этих усилий, всерьез начатых Японией в 1931 г. и Германией в 1936 г.¹⁰ В момент нынешней максимальной экспансии Германия расширила свое опосредованное влияние до Дакара, а Япония получила контроль над проливом Торреса между Новой Гвинеей и Австралией (см. рис. 3).

Ход Второй мировой войны со всей определенностью подчеркнул значение равновесия сил в Европе для мира и благосостояния общества. В своей последней версии концепции хартленда Маккиндер признал преобладающее значение римленда и необходимость сотрудничества Великобритании, России и Соединенных Штатов для предотвращения роста влияния Германии в данном регионе. Он несколько изменил свою концепцию, сдвинув границу хартленда к Енисею и уделив меньшее внимание степным областям Центральной Сибири¹¹. Центр советской мощи в настоящее время

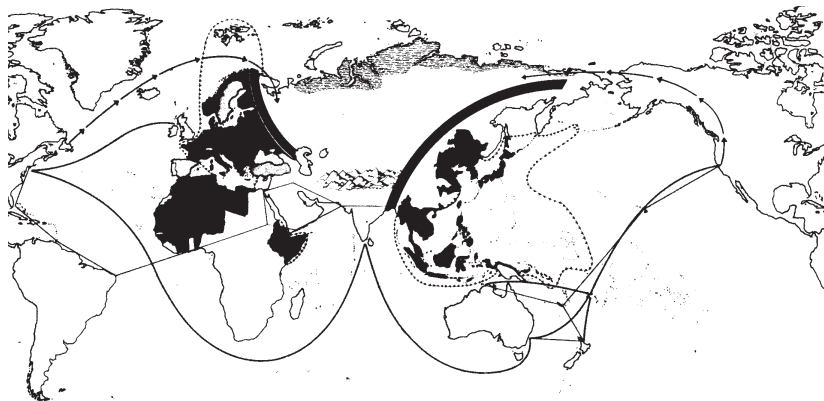

Рис. 3. Максимум немецкой и японской экспансии, 1931–1942 гг.

находится там, где он на самом деле географически сосредоточен, то есть к западу от Урала. Хартленд становится менее значимым, чем римленд, и к тому же сложилось британско-российско-американское сотрудничество континентального и морского могущества, которое будет контролировать европейское побережье и тем самым необходимое соотношение сил в мире.

Перевод с английского М.Н. Грачева

Примечания

- ¹ *Spykman N.* The Geography of the Peace. N. Y.: Harcourt, Brace and Company, 1944. P. 40–44.
- ² Имеется в виду геополитическое противостояние между Великобританией и Российской империей в XIX – начале XX вв., обусловленное борьбой за влияние в Центральной Азии и получившее название «Большой игры» (англ. The Great Game).
- ³ Англо-русское соглашение, подписанное 18 (31) августа 1907 г. в Санкт-Петербурге, разграничивало сферы влияния Российской империи и Великобритании в Центральной Азии. Данное соглашение формально положило конец «Большой игре» и завершило формирование Антанты – военно-политической коалиции Англии, Франции и России, противостоящей «Тройственному союзу» Германии, Австро-Венгрии и Италии.

- ⁴ Брест-Литовский мирный договор, подписанный 3 марта 1918 г. представителями Советской России, с одной стороны, и Центральных держав (Германия, Австро-Венгрия, Османская Империя и Болгарское Царство) – с другой, формально ознаменовал поражение России и ее выход из Первой мировой войны.
- ⁵ «Двадцать одно требование» – ультиматум, предъявленный Японией Китаю 18 января 1915 г. после захвата японскими войсками германской базы в Циндао и оккупации китайской провинции Шаньдун. Требования Японии касались предоставления ей особых экономических и политических прав в Китае.
- ⁶ Имеется в виду участие Японии в интервенции государств Антанты в Сибири и на Дальнем Востоке во время Гражданской войны в России (1918–1922 гг.).
- ⁷ Вашингтонская конференция 1921–1922 гг. – международная конференция по вопросам об ограничении морских вооружений и проблемам Дальнего Востока и бассейна Тихого океана. Проходила с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г.
- ⁸ В ходе работы Вашингтонской конференции были заключены Договор четырех держав от 13 декабря 1921 г. между США, Великобританией, Францией и Японией о взаимном уважении права на острова и островные владения в Тихом океане, Договор пяти держав (Вашингтонское морское соглашение) от 6 февраля 1922 г. между США, Великобританией, Японией, Францией и Италией об ограничении морских вооружений и Договор девяти держав от 6 февраля 1922 г., подписанный всеми участниками конференции (США, Великобритания, Китай, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Португалия), касавшийся обеспечения гарантий территориальной целостности Китая, уважения его суверенитета. Кроме того, 5 февраля 1922 г. было также подписано китайско-японское соглашение об эвакуации японских войск из китайской провинции Шаньдун, а также о возвращении Китаю железной дороги Циндао – Цзинань и территории бывшей германской колонии Цзяо-Чжоу.
- ⁹ Версальский мирный договор, официально завершивший Первую мировую войну, был подписан 28 июня 1919 г. и вступил в силу 10 января 1920 г. после ратификации его Германией и четырьмя главными союзными державами – Великобританией, Францией, Италией и Японией. США, подписавшие Версальский договор, впоследствии отказались его ратифицировать и позднее, в августе 1921 г., заключили с Германией отдельный договор.
- ¹⁰ Имеются в виду японская интервенция в Маньчжурию, начавшаяся 18 сентября 1931 г., и ввод войск Германии в Рейнскую демилитаризованную зону 7 марта 1936 г.
- ¹¹ *Mackinder H.J. The round world and the winning of the peace // Foreign Affairs. 1943. Vol. 21. P. 595–605* (пер. на рус. язык: *Маккиндер Х. Круглая земля и обретение мира // Космополис. 2006/2007. № 2 (16). С. 56–69*).

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ БОЛЬШИХ ПРОСТРАНСТВ – АСЕАН И ЕАЭС

Статья посвящена перспективам сотрудничества Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Углубление интеграционных процессов необходимо для устойчивого регионального развития. Взаимодействие Больших пространств (АСЕАН и ЕАЭС) будет способствовать экономическому росту, региональной стабильности. Однако внутри этих группировок имеется ряд разногласий, что сказывается как на дальнейшем углублении интеграции, так и на отношениях с партнерами за пределами объединений. Возможности сотрудничества двух организаций пока что ограничены, но имеются перспективы по линии АСЕАН – Россия и ЕАЭС – Вьетнам.

Ключевые слова: АСЕАН, ЕАЭС, Россия, Вьетнам, интеграция, Региональный форум АСЕАН, зона свободной торговли ЕАЭС – Вьетнам.

В условиях глобализации стихийно или целенаправленно создаются региональные центры экономического, политического и культурно-цивилизационного характера. Формирование концепций идентичности становится для этих центров важнейшей задачей, решение которой немислимо без комплексного учета внутрирегиональных и международных политических процессов. Число интеграционных групп растет, возникает проблема взаимодействия с другими акторами мировой политики, с соседними или дружественными государствами – экономическими партнерами. Большие пространства вынуждены подчиняться логике развития – расширению, которое может идти путем сотрудничества или борьбы, итогом которой может стать поглощение одного пространства другим.

Появление новых геополитических структур в Евразии, а тем более сотрудничество между ними может увеличить шансы устой-

чивого развития. Взаимопроникновение, сближение двух больших пространств в формате налаживания механизмов сотрудничества в разных сферах не только приведет к экономическому росту, но и укрепит региональную и глобальную безопасность. Таким образом, представляется интересным изучить трансформацию региональных структур в Азии и выявить механизмы сотрудничества ЕАЭС с АСЕАН для оценки возможностей дальнейшего углубления интеграционных процессов, что усилило бы устойчивость их экономик к мировым кризисам и создало независимые структуры. Последнее представляется важным ввиду серьезного экономического присутствия Китая и США в данном регионе.

Как АСЕАН, так и ЕАЭС были образованы в связи с политическими и экономическими трансформациями в регионах. С уходом колониальных держав в Юго-Восточной Азии образовался вакуум власти, который мог привести к политическому вмешательству посторонних акторов, поэтому идея соседей, работающих вместе, стала решающим фактором в объединении. Исторически процесс объединения стран – участниц ЕАЭС был обусловлен необходимостью глубоких преобразований постсоветского экономического пространства.

Эффективность интеграции. Сравнительный анализ АСЕАН и ЕАЭС

По сравнению с АСЕАН ЕАЭС является молодой организацией, поскольку образовалась только 1 января 2015 г. В целом структура организаций различается мало, однако в отличие от ЕАЭС АСЕАН ведет свою работу в разных направлениях. Эти направления определяются прежде всего сгруппированными по секторам министерскими органами, которые действуют в рамках концепции АСЕАН, принятой в 2003 г. Данная концепция основывается на триединой идее сообществ АСЕАН – Сообщества политики и безопасности, Экономического сообщества и Социально-культурного сообщества, соответственно в этих трех направлениях осуществляется деятельность специальных органов. В ЕАЭС главный упор сделан на экономическое развитие и сотрудничество в рамках Евразийской экономической комиссии по обеспечению условий функционирования и развития Союза, а также разработке предложений в сфере экономической интеграции. Несмотря на то что территория ЕАЭС превышает территорию АСЕАН почти в пять раз, население АСЕАН превышает население ЕАЭС так же почти в пять раз. Совокупный ВВП организаций относительно не разли-

чается, однако оборот внешней торговли АСЕАН намного больше, чем у ЕАЭС. Отсюда можно сделать вывод об эффективности экономических и финансовых механизмов в АСЕАН (табл. 1).

Обе группировки находятся в стадии формирования экономического союза, причем ЕАЭС намеревается создать и валютный союз. По оценкам экспертов, торговле в ЕАЭС мешает ряд барьеров, поэтому пока что она идет не так успешно, как планировалось. Согласно докладу Евразийского банка развития, нетарифные барьеры увеличивают издержки бизнеса на 15–30 % от стоимости товаров, произведенных в странах – партнерах по Евразийскому экономическому союзу¹.

Таблица 1

Сравнительные показатели ЕАЭС и АСЕАН*

	Совокупный ВВП, трлн долл.	Оборот внешней торговли, трлн долл.	Население, млн человек	Территория, кв. км
ЕАЭС	2,2	0,877	182,1	20 060 400
АСЕАН	2,57	2,377	625,0	4 435 618

Источники: Евразийский экономический союз. Официальный сайт. URL: <http://www.eaeunion.org/#about-countries>; Российский союз промышленников и предпринимателей. Официальный сайт. URL: <http://xn--o1aabe.xn--p1ai/simplepage/638>; ASEAN GDP Grows by 4.6 % // ASEAN. Официальный сайт. URL: <http://www.asean.org/news/asean-secretariat-news/item/asean-gdp-grows-by-46>; Selected Basic Indicators // ASEANSTATS. URL: http://www.asean.org/images/2015/January/selected_key_indicators/Summary%20table_as%20of%20December%202014_R.pdf (дата обращения: 14.10.2015).

Конфликты и территориальные споры заметно влияют на степень интеграции. Однако АСЕАН имеет положительный опыт в разрешении пограничных споров. Так, в 2008 г. Вьетнам и Камбоджа подписали соглашение об окончательной демаркации границ. В августе того же года достигнута трехсторонняя договоренность между Вьетнамом, Камбоджей и Лаосом, закрепившая государственные границы в районе их стыка. В марте 2009 г. Бруней и Малайзия пришли к принципиальному согласию о морских и сухопутных границах, совместной разведке и добыче нефти и газа на

* Данные по ЕАЭС приведены за 2015 г., по АСЕАН – за 2014 г.

шельфе Южно-Китайского моря. В начале 2010 г. Индонезии и Малайзии удалось прийти к соглашению в вопросе о принадлежности сектора Амбалат (акватория моря Сулавеси)². Но все эти соглашения не смягчают бушующего конфликта в Южно-Китайском море, где противниками являются как члены АСЕАН, так и государства, не входящие в ассоциацию.

Что касается других внешних факторов, то следует отметить, что АСЕАН оказывается в довольно непрестом положении, поскольку за регион, в котором организация планирует играть ведущую роль, борются две сильнейшие мировые державы – США и Китай. Говоря о дипломатических отношениях в АСЕАН, нельзя не упомянуть подписанное в 2005 г. беспрецедентное Рамочное соглашение о взаимосовместимости Сингапура и Вьетнама (The Singapore-Vietnam Connectivity Framework Agreement). Этот документ не имеет аналогов в дипломатической истории Юго-Восточной Азии³.

Эффективность любой интеграции во многом зависит от работы институтов объединений. Так, например, в случае ЕАЭС – от того, сможет ли его постоянный регулирующий орган – Евразийская экономическая комиссия – быстро и продуктивно решить таможенный спор России и Белоруссии, найти механизмы, предупреждающие таможенные войны (такие как недавняя торговая война между Минском, Астаной и Москвой), действовать аккуратно, четко, учитывая интересы всех участников. Основным экономическим конкурентом ЕАЭС является Китай, который находится к востоку от Центральной Евразии и поддерживает тесные политические, экономические и культурные связи со странами интеграционного объединения. В понимании китайских исследователей текущие евразийские интеграционные процессы имеют огромное значение для западной части Китая. Успешное построение отношений Китая с ЕАЭС поможет обеспечить такое состояние внешнеполитической среды, которое будет способствовать углублению реформ и увеличению открытости КНР в ближайшие годы⁴.

Большие диспропорции в торговле можно заметить как в рамках АСЕАН, где старые члены Ассоциации имеют больший объем товарооборота друг с другом, нежели с новыми членами, так и в ЕАЭС, где активнее идет диалог между членами Таможенного союза Россией, Белоруссией и Казахстаном. Оба объединения имеют широкий круг одинаковых проблем и большое поле для дальнейшей работы, направленной на усиление интеграционных связей. Под интеграцией в рамках ЕАЭС в первую очередь понимаются совместные проекты российских энергетических компаний с зарубежными, а в перспективе – организация синхронной работы

энергосистем, установление единых правил и принципов ее регулирования. Так, в мае 2015 г. Высший Евразийский экономический совет принял Концепцию формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС. Целями создания такого рынка являются: обеспечение устойчивого развития экономик и энергетической безопасности государств-членов; повышение экономической эффективности и надежности функционирования электроэнергетических комплексов, формирование единого экономического пространства в сфере электроэнергетики.

Нельзя не заметить, что АСЕАН опережает ЕАЭС на один шаг, поскольку у нее выработаны механизмы сотрудничества в различных областях человеческой деятельности, к тому же существует множество программ взаимодействия с другими государствами и группировками, чего не хватает ЕАЭС. Вместе с тем конфликты внутри АСЕАН представляют угрозу интеграционному процессу, поэтому данный вопрос присутствует в повестке дня организации.

Существующие механизмы сотрудничества

К сожалению, механизмы сотрудничества ЕАЭС с АСЕАН еще не выработаны. Однако идет эффективный диалог ассоциации с отдельными странами ЕАЭС. Особенно тесны контакты с Россией и Казахстаном, для взаимодействия с которыми АСЕАН уже осуществляет программы по разным направлениям, охватывающим почти все области государственных интересов. Также ведутся двусторонние диалоги отдельных стран ЕАЭС, в первую очередь России, Казахстана и Белоруссии, с отдельными странами АСЕАН.

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) приобретает возрастающее значение во внешней политике *России*⁵. Это объясняется рядом факторов: евроазиатским геополитическим положением страны, усилением ее позиций в данном регионе, необходимостью развития Сибири и Дальнего Востока с помощью экономической интеграции с государствами, занимающими доминирующие позиции в АТР, а также с региональными организациями. Динамичное развитие восточных территорий России является национальным приоритетом на долгосрочную перспективу. Отсюда вытекает заинтересованность в более активном и плодотворном участии в интеграционных процессах в АТР, а также в использовании его потенциала для экономического подъема Сибири и Дальнего Востока. Россия выступает за создание в АТР транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества на коллективных началах.

Взаимодействие АСЕАН со странами ЕАЭС имеет достаточно длинную историю. Прежде всего речь идет о сотрудничестве в области безопасности с СССР. Основанное в годы холодной войны на «балансе сил двух военно-политических блоков», после краха социализма оно трансформировалось в новую формулу – «безопасность на основе сотрудничества». Впервые в истории АСЕАН делегация СССР была приглашена в качестве гостя для участия в 24-й конференции министров иностранных дел стран – членов Ассоциации, состоявшейся 19–20 июля 1991 г. в Куала-Лумпуре. Будучи правопреемницей Советского Союза, Российская Федерация унаследовала традиционно дружественные отношения с Вьетнамом, Лаосом и Камбоджей. Важное место во внешнеполитической деятельности Ассоциации занимают усилия по созданию в Юго-Восточной Азии зоны, свободной от ядерного оружия. Соответствующий договор был подписан в Бангкоке в 1995 г. и вступил в силу в 1997 г. Страны АСЕАН добиваются гарантий соблюдения положений этого договора ядерными державами, включая Россию. АСЕАН выступает в роли одного из системообразующих элементов формирующейся архитектуры безопасности и сотрудничества в АТР. Вокруг нее концентрируется ряд диалоговых механизмов и структур, в основе которых лежит система так называемых «диалогов» Ассоциации с ведущими государствами мира, зародившаяся в 1970-е гг.⁶

Членство РФ в Региональном форуме АСЕАН (АРФ) является важным фактором укрепления позиций России в АТР, позволяя ей не только вести активный диалог по вопросам безопасности с ключевыми партнерами, но и непосредственно влиять на процесс формирования новых структур безопасности в Азии. Вехой диалоговых отношений с АСЕАН стало присоединение России к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia) 29 ноября 2004 г. Это отражает твердое намерение России сохранить мир и стабильность в регионе, что является своеобразным кодексом поведения, который регулирует межгосударственные отношения и выступает залогом партнерских отношений⁷. 13 декабря 2005 г. в Куала-Лумпуре состоялся первый саммит Россия – АСЕАН, где было принято решение о регулярной организации таких встреч, но их периодичность пока не установлена. Была подписана Совместная декларация глав государств / правительств стран – членов АСЕАН и Российской Федерации о развитии и всеобъемлющем партнерстве. Россия и АСЕАН также приняли Комплексную программу действий на 2005–2015 гг. для реализации целей и задач, поставленных в Совместной декларации.

Объем товарооборота России со странами АСЕАН неуклонно растет. Так, в январе – июне 2014 г. он вырос на 6,2 % по сравнению с соответствующим периодом прошлого года и составил 8,8 млрд долл. При этом объем российского экспорта увеличился на 16,6 % и достиг 4,7 млрд долл., а импорта – снизился на 3,7 % (до 4,1 млрд долл.)⁸. Развиваются связи между представителями деловых кругов – создан Деловой совет Россия – АСЕАН, Финансовый фонд диалогового партнерства (ФФДП).

Казахстан также активно сотрудничает с АСЕАН в рамках многосторонних площадок, таких как Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Диалог сотрудничества в Азии, Форум «Азия – Европа» (АСЕМ). Причем Казахстан является инициатором создания СВМДА, выступает за подписание между СВМДА и АСЕАН Меморандума о взаимопонимании и надеется, что ряд государств Ассоциации в ближайшем будущем войдут в СВМДА в качестве членов или наблюдателей. Подгруппа АСЕАН во главе с Малайзией выступила в поддержку кандидатуры Казахстана на членство в АСЕМ⁹.

В 2012 г. по итогам официального визита министра иностранных дел *Республики Беларусь* (РБ) в Индонезию и его переговоров с генеральным секретарем АСЕАН было принято решение об аккредитации чрезвычайного и полномочного посла РБ в Республике Индонезия в качестве постоянного представителя Республики Беларусь при АСЕАН. В феврале 2013 г. в Национальном собрании РБ была создана рабочая группа по сотрудничеству с Межпарламентской ассамблеей (МПА) АСЕАН. В 2014 г. товарооборот Беларуси со странами АСЕАН составил 851,9 млн долл. (в 2013 г. – 750,7 млн долл.): экспорт продукции – 566 млн долл., импорт – 285,8 млн долл., сложилось положительное сальдо в размере 280,2 млн долл. (в 2013 г. – 23,2 млн долл.)¹⁰. При этом РБ имеет больше двусторонних контактов со странами АСЕАН (особенно с Малайзией, Индонезией и Сингапуром), нежели с самой интеграционной группировкой.

Перспективы

Россия, Беларусь и Казахстан имеют механизмы двустороннего сотрудничества с АСЕАН в разных областях деятельности, в то время как совместные институты и механизмы взаимодействия ЕАЭС и АСЕАН находятся лишь в стадии оформления. Предстоит большая работа по их созданию и развитию. Если процесс интеграционного проникновения продолжится, то это станет хорошей ба-

зой для сотрудничества на уровне двух региональных группировок, создаст условия для устойчивого развития народов стран ЕАЭС и АСЕАН.

Конечно, наработанные двусторонние связи должны лечь в основу сотрудничества ЕАЭС и АСЕАН. Вторым шагом на пути интеграционного процесса между двумя большими пространствами должно стать установление Зоны свободной торговли. Возможно, сначала в таком союзе будет участвовать лишь одна страна, входящая в ЕАЭС, и одно государство из АСЕАН. Необходимо привести в соответствие законодательства всех сторон и утвердить определенные категории товаров и их объемы, чтобы выгода была взаимной.

Достаточно успешно развивается российско-вьетнамское сотрудничество. На переговорах российской и вьетнамской правительственных делегаций, которые прошли в Ханое в 2014 г., стороны обсудили 12 совместных проектов во Вьетнаме. Наиболее крупные из них – продвижение российской авиатехники «Сухой Суперджет 100», строительство каскада тепловых электростанций, создание гостинично-туристической инфраструктуры, разведка и освоение шельфа, а также строительство вьетнамской АЭС. Таким образом, общий инвестиционный портфель РФ во Вьетнаме достиг 20 млрд долл., что вывело Россию в число лидеров по капитальным вложениям в этой стране¹¹. Вьетнам также заинтересован в создании совместных предприятий в сфере вертолетостроения и судостроения.

Планы по расширению сотрудничества со странами АСЕАН есть и у Белоруссии. Так, например, она заинтересована в создании совместно с Вьетнамом и Лаосом транснациональной корпорации по производству калийных удобрений и намеревается построить во Вьетнаме комбинат фосфорных удобрений. Вьетнам является традиционным торговым партнером Белоруссии, между двумя странами осуществляется торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество. За последние десять лет товарооборот между Беларусью и Вьетнамом увеличился в четыре раза и достиг 170 млн долл.¹²

Однако для упрощения формальностей и быстроты сделок было бы более эффективным ведение общего диалога на уровне ЕАЭС – АСЕАН, что являлось бы более высокой степенью интеграции и благоприятно отразилось на экономиках всех стран, входящих в объединение. В связи с этим, выступая на заседании 35-й Генассамблеи Межпарламентской ассамблеи АСЕАН в сентябре 2014 г., председатель Совета Федерации В. Матвиенко высказала мнение о целесообразности рассмотрения на парламентском уровне перспектив соз-

дания зоны свободной торговли (ЗСТ) по линии АСЕАН – ЕАЭС¹³. Всеобъемлющего проекта сотрудничества между двумя группировками еще не существует, но ведется работа в этом направлении. Мощным импульсом к развитию взаимодействия АСЕАН и ЕАЭС может стать присоединение Вьетнама к зоне свободной торговли (ЗСТ) с ЕАЭС¹⁴. Соглашение о ЗСТ с Вьетнамом, подписанное главами правительств России, Белоруссии, Казахстана, Армении, Киргизии и Вьетнама в мае 2015 г., «предусматривает снижение ставок ввозных таможенных пошлин, обязательства по защите прав на интеллектуальную собственность, сотрудничество в области электронной коммерции, а также в сфере госзакупок, установлены единые принципы защиты конкуренции»¹⁵. Необходимо отметить, что это первое соглашение со странами дальнего зарубежья для ЕАЭС.

Заключение

Прямые механизмы сотрудничества АСЕАН – ЕАЭС еще не разработаны. Из всех стран – членов Евразийского экономического союза только Россия смогла, помимо двусторонних контактов, наладить эффективный диалог с группировкой АСЕАН в целом. Поэтому ЕАЭС может воспользоваться моделью сотрудничества России и АСЕАН, используя такие механизмы, как саммиты глав стран – членов АСЕАН и ЕАЭС, встречи старших должностных лиц и министров иностранных дел. Двусторонние механизмы следует перестроить на многосторонний формат диалога региональных группировок. Это позволит сократить присутствие США, ЕС и Китая в торговых и внерегиональных инвестиционных потоках и ускорить общую дедолларизацию региона путем использования национальной валюты в качестве платежного средства.

Большие перспективы открываются в связи с подписанием Соглашения о зоне свободной торговли между Вьетнамом и ЕАЭС. Сотрудничество стран Таможенного союза (в частности, Российской Федерации) с Вьетнамом может стать основой интеграции и с другими странами АСЕАН.

Главными преимуществами сближения двух больших пространств – ЕАЭС и АСЕАН – будет открытие рынков, рост экспорта, повышение инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности экономик государств-участников. Экономическая безопасность сможет стать основой для обеспечения

региональной безопасности, будущее народов будет более предсказуемым и оптимистичным. Важные выгоды, которые может получить Россия от такого формата отношений, – экономический подъем Дальнего Востока и, как следствие, более глубокая интеграция в АТР.

Примечания

- 1 ЦИИ ЕАБР впервые дал развернутую оценку влияния нетарифных барьеров на взаимную торговлю в ЕАЭС и рекомендации по их устранению // Евразийский банк развития [Электронный ресурс]. URL: http://www.eabr.org/ru/press_center/press_releases/index.php?id_4=47912&start_4=01.01.1970&end_4=13.04.2015 (дата обращения: 13.04.2015).
- 2 *Урляпов В.Ф.* Расширение АСЕАН: мотивы, значения, последствия // *Международная жизнь*. 2010. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/330> (дата обращения: 04.05.2015).
- 3 Там же.
- 4 *Ли Син, Ван Чэньсин.* Китайская политология о смысле и перспективах Евразийского союза // *Международные процессы*. 2014. Июль – сентябрь. Т. 2. № 3 (38) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/thirty-eighth/Li.pdf> (дата обращения: 27.04.2015).
- 5 См.: Концепция внешней политики Российской Федерации, 2013 // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f!OpenDocument> (дата обращения: 27.04.2015).
- 6 Справка об АСЕАН // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreigneconomicactivity/cooperation/economicaa/doc20130821_9 (дата обращения: 01.05.2015).
- 7 ASEAN-Russia Dialogue Relations [Электронный ресурс] // ASEAN. URL: <http://www.asean.org/news/item/overview-of-asean-russia-dialogue-relations> (дата обращения: 25.04.2015).
- 8 Объем товарооборота России со странами АСЕАН неуклонно растет [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreigneconomicactivity/201408282> (дата обращения: 15.10.2015).
- 9 Казахстан и страны АСЕАН намерены укреплять сотрудничество // Министерство иностранных дел Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.kz/index.php/ru/poslednie-novosti/1711-kazakhstan-i-strany-asean-namereny-ukreplyat-sotrudnichestvo> (дата обращения: 20.04.2015).

- ¹⁰ Сотрудничество Республики Беларусь с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии // Посольство Республики Беларусь в Республике Индонезия [Электронный ресурс]. URL: <http://indonesia.mfa.gov.by/ru/ASEAN/> (дата обращения: 25.04.2015).
- ¹¹ *Балиев А.* Мост в АСЕАН // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/05/20/torgovla.html> (дата обращения: 29.06.2014).
- ¹² Подписано соглашение о создании зоны свободной торговли между Вьетнамом и ЕАЭС // International Centre for Trade and Sustainable Development [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ictsd.org/bridges-news/мосты/news/подписано-соглашение-о-создании-зоны-свободной-торговли-между-Вьетнамом-и> (дата обращения: 16.10.2015).
- ¹³ Перспективы создания зоны свободной торговли по линии АСЕАН – ЕАЭС созрели для рассмотрения на парламентском уровне // Евразийский коммуникационный центр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasec.com/evrazijskie-novosti/4870/> (дата обращения: 20.04.2015).
- ¹⁴ Вьетнам присоединился к зоне свободной торговли с ЕАЭС // Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2015/05/29/vieteaes/> (дата обращения: 10.04.2015).
- ¹⁵ Зона свободной торговли ЕАЭС и Вьетнама: возможности, риски и планы // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/economy/20150529/1067199933.html> (дата обращения: 20.04.2015).

НОВЫЕ ТРЕНДЫ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН ЕВРОСОЮЗА

Статья посвящена новым трендам в энергетической политике стран Евросоюза, вызванным экономическими и политическими событиями последнего времени. Анализируются два главных направления решения принципиальной задачи преодоления энергодефицита для стран ЕС: увеличение собственного производства энергии и обеспечение надежных поставок из-за рубежа. Показано, что на современном этапе значительное увеличение собственного производства энергии в странах Евросоюза (на АЭС, с помощью возобновляемых источников энергии, на основе технологии гидроразрыва пласта) невозможно из-за недостаточного уровня развития технологий, неконкурентоспособности по сравнению с углеводородной энергетикой, повышающихся экологических требований, сложившегося общественного мнения в европейских странах. Рассмотрен вопрос о возможностях увеличения импортных поставок энергоносителей из России и третьих стран.

Ключевые слова: энергетическая политика, Евросоюз, энергодефицит, АЭС, возобновляемые источники энергии, конкурентоспособность, импорт энергоносителей, энергоэффективность.

Более трех десятилетий энергетическая политика осуществлялась в основном отдельными странами, а не интеграционными институтами, но в последнее десятилетие предпринимаются энергичные усилия по построению единой энергополитики Евросоюза. Основными вехами на этом пути были Энергетическая хартия, договор к ней, Энергетический союз. В настоящее время энергетическая политика стран ЕС формируется как на национальном, так и на интеграционном уровне; причем второй уровень начинает превалировать над первым. В условиях глобализации мировой экономики, естественно, имеет место влияние третьих стран на экономическую политику ЕС, что особенно отчетливо проявляется в последнее время.

Главными целями энергетической политики стран ЕС являются обеспечение надежного снабжения, в т. ч. из-за рубежа, энергоносителями по приемлемым ценам и снижение нагрузки на окружающую среду.

В большинстве европейских стран существует дисбаланс между наличием собственных энергоресурсов и потребностью в них. На страны Евросоюза приходится менее 2 % мировых запасов газа и менее 4 % нефти. Например, в совокупности ЕС-28 в 2013 г. за счет внутреннего производства обеспечивал лишь 11,3 % своей потребности в нефти и 34 % – в природном газе¹.

Сначала рассмотрим возможные способы самообеспечения стран ЕС энергией. Первое время большие надежды возлагались на атомную энергетику, которая успешно развивалась в ряде европейских стран. До аварии на «Фукусиме-1» на 1 апреля 2011 г. в мире эксплуатировалось 440 ядерных энергоблоков, которые обеспечивали около 15 % мирового производства электроэнергии. В 2012 г. в 14 странах ЕС действовало 63 АЭС с 132 реакторами, что составляет примерно 1/3 мирового потенциала атомной энергетики².

Однако мощностей АЭС было недостаточно для удовлетворения потребностей ЕС в энергии. После аварии на «Фукусиме-1» развитие атомной энергетики в Европе затормозилось. Некоторые страны ЕС решили полностью отказаться от атомной энергетики или существенно сократить ее объемы. В частности, в Германии уже закрыты 8 из 17 АЭС; остальные планируется остановить к 2022 г.³

Принципиальное изменение общей ситуации с атомной энергетикой в ЕС состоит в следующем. Осенью 2012 г. по решению Еврокомиссии проведены стресс-тесты на устойчивость работы в условиях стихийных бедствий или терактов всех атомных реакторов в странах ЕС. По итогам обследования сделан вывод, что практически на всех АЭС необходима масштабная модернизация для соответствия требованиям безопасности. Общая стоимость этих работ оценивалась в 10–25 млрд евро. Очевидно, что экономически целесообразно не модернизировать, а закрыть значительную часть АЭС в Европе⁴.

Кроме того, во Франции, флагмане атомной энергетики в ЕС, началась кардинальная энергетическая реформа. Национальное собрание Франции в июле 2015 г. приняло закон, предусматривающий резкое сокращение ядерной энергетики. Решено снизить выработку электроэнергии на АЭС с нынешних 75% до 50% к 2025 г.⁵

Сильнейшие тайфуны и последующее наводнение в сентябре 2015 г., которые привели к попаданию в реку контейнеров с зара-

женной почвой в районе «Фукусимы-1», возможно, подтолкнут и другие европейские страны к существенному сокращению или ликвидации атомной энергетики.

Таким образом, очевидно, что роль в энергетике ЕС этого экологически чистого, но потенциально опасного источника производства энергии в будущем будет быстро снижаться. Хотя в других регионах мира – в АТР, на Ближнем Востоке и в Африке – наблюдается противоположная тенденция.

Другим направлением собственного производства энергии, активно поддерживаемым большинством стран ЕС, являются возобновляемые источники энергии (далее – ВИЭ), которые очень динамично развивались в последнее десятилетие во всем мире. Например, в период с 2004 по 2013 г. установленная мощность солнечных электростанций в мире увеличилась в 53 раза⁶, а в 2014 г. 79 % вновь введенных энергетических мощностей пришлось на ВИЭ⁷. По данным ВР, на долю ЕС приходится почти 42 % мирового потребления возобновляемой энергии⁸. Евросоюзом была поставлена цель – довести долю ВИЭ в производстве энергии до 20 % к 2020 г. В ФРГ, которая занимает первое место в ЕС по суммарной установленной мощности альтернативной энергетики, эта доля возросла с 20,8 % в 2011 г. до 25 % в 2014 г.⁹

Экологическая чистота ВИЭ является сильным аргументом в их пользу, учитывая обязательства стран ЕС по существенному снижению вредных выбросов в атмосферу. Так, например, Германия с 2008 по 2012 г., выполняя свои обязательства по Киотскому протоколу, снизила уровень выброса CO² на 21 %¹⁰.

Быстрое развитие ВИЭ в странах ЕС объясняется прежде всего значительными суммами государственного финансирования и стимулирования альтернативной энергетики. Общий объем субсидий на развитие ВИЭ в ЕС быстро возрастал – с 5,3 млрд евро в 2001 г. до 30 млрд евро в 2012 г.¹¹

Комиссия ЕС в октябре 2014 г. опубликовала доклад, в котором общая сумма затрат и субсидий на энергетику в 28 странах ЕС оценивается в 120–140 млрд евро. Из них на солнечные технологии – 14,7 млрд, ветряные – 10,1 млрд, получение энергии из биомассы – 8,3 млрд, на гидроэнергетику – 5,2 млрд¹². Львиная доля средств идет из источников внутри стран, а из общеевропейского бюджета финансируются только НИОКР и некоторые инфраструктурные и пилотные проекты. Причем финансирование происходит как за счет бюджетных средств, так и за счет потребителей – через повышение тарифов на электроэнергию для предприятий и населения. Для этого применяются различные способы: инвестиционные

гранты, налоговые льготы, квоты по закупке энергии из ВИЭ, обязательные требования к сбытовым и сетевым компаниям закупать электричество из ВИЭ по цене выше рыночной.

Проведенный в докладе анализ свидетельствует о различных уровнях поддержки в разных странах ЕС. Так, наибольшие субсидии предоставляются в Швеции, Германии, Великобритании, Дании, а наименьшие – в Хорватии, Финляндии и Польше. В Германии общий объем субсидирования ВИЭ вырос в 2000–2011 гг. с 1 млрд до 16,8 млрд евро; при этом размер субсидий на единицу продукции увеличился вдвое: с 8,5 до 17,9 евроцентов за кВтч¹³.

Главным препятствием для дальнейшего развития ВИЭ в Европе является относительно высокая себестоимость производства энергии из них по сравнению с углеводородным сырьем, особенно в период существенного снижения цен на нефть и газ. Хотя сторонники ВИЭ, в частности Международное агентство по возобновляемой энергии, пытаются доказывать обратное¹⁴.

Конечно, совершенствование технологий приводит к снижению себестоимости производства альтернативных видов энергии. Однако этого пока далеко не достаточно. Поэтому страны и руководящие органы ЕС коренным образом изменяют отношение к финансированию и субсидированию ВИЭ. Как справедливо отмечает Н. Кавешников, «с наступлением кризиса возникла острая нехватка средств для субсидирования. В этой ситуации ряд стран ЕС начал изменять схемы поддержки ВИЭ и сокращать объем субсидирования». Это имело место в Чехии, Великобритании, Франции и Италии в 2011 г., Испании – в 2009 г., в Германии – особенно резко в 2009 и 2011 гг. Вследствие сокращения субсидирования в 2011 г. впервые за последние 15 лет производство ВИЭ сократилось в 20 странах ЕС и Евросоюзе в целом (на 2,7 %) ¹⁵. В докладе Европейской ассоциации ветровой энергетики отмечено, что это неизбежно повлечет за собой снижение объема ввода новых мощностей в 2013 г., а возможно, и в 2014 г. ¹⁶

Переломным моментом стал саммит ЕС, который состоялся в мае 2013 г. и декларировал изменение приоритетов энергетической политики Союза, в том числе необходимость устранить «экологически или экономически вредные субсидии». Итак, решения высших органов ЕС, которые теперь получили дополнительные полномочия в сфере энергетической политики, означают снижение внимания к климатическим аспектам энергетики, а значит, высока вероятность существенного замедления темпов развития возобновляемой энергетики.

Еще одним потенциально возможным вариантом увеличения собственного производства энергии является добыча сланцевого

газа и нефти методом фрекинга (гидроразрыва пласта), который получил успешное развитие в последние годы в США, а также в Китае и Южной Америке. Фрекинг признается многими специалистами опасным для здоровья человека и окружающей среды. Поэтому в нескольких странах – Германии, Шотландии, Болгарии, Румынии – был законодательно введен мораторий на эту технологию. Однако борьба «за» и «против» фрекинга между добывающими компаниями и населением ведется с переменным успехом: в ряде стран мораторий вводился и отменялся.

Однако последние события не оправдывают ожиданий приверженцев сланцевой добычи углеводородов. В начале 2015 г. американская корпорация Chevron вслед за Exxon Mobil, Total и Marathon Oil объявила о прекращении разведки сланцевых месторождений в Польше, поскольку сочла это направление неконкурентоспособным. Chevron также заморозила аналогичные проекты в Румынии, Литве и Украине¹⁷.

Кроме того, имеет значение отсутствие в большинстве стран Европы (в отличие от США) обширных незаселенных земель, общественные протесты против применения небезопасных технологий, а также очевидная неконкурентоспособность сланцевой добычи при существующих мировых ценах на нефть. Все это закрывает сюжет «фрекинг – спаситель Европы».

Поскольку в настоящее время и в обозримом будущем странам ЕС невозможно существенно повысить самообеспечение энергией, им необходимы крупные импортные закупки. В 2013 г. страны ЕС были вынуждены импортировать около 90 % нефти и 2/3 природного газа. Россия обеспечивает около 34 % импорта странами ЕС природного газа, 33 % – нефти, 27 % – каменного угля. Причем семь стран Евросоюза зависят от российских поставок газа на 100 %, еще пять стран – от 39 до 45 %¹⁸.

В настоящее время страны ЕС стремятся диверсифицировать географию поставок, прежде всего из-за намерения уменьшить долю в них России. Поводом для этого явилось несколько кризисных ситуаций с поставками через Украину. Вместо того чтобы использовать свое влияние на страну-транзитер, руководящие органы ЕС и европейские страны устранились от участия в решении указанных конфликтов, объявив «Газпром» ненадежным поставщиком.

Очевидная ненадежность Украины как транзитной страны ускорила поиски альтернативных путей доставки российского газа в Западную Европу. По вине европейских партнеров не были реализованы такие крупные проекты, как увеличение пропускной спо-

способности газопровода «Ямал – Европа», сооружение газопровода «Южный поток». После долгих согласований и преодоления противодействия был введен в строй «Северный поток», который из-за установленных в ЕС ограничений «Газпром» не может использовать на полную мощность. В настоящее время ведутся переговоры о строительстве газопровода «Турецкий поток», который может выполнить ту же задачу – освободиться от ненадежной транзитной страны.

В марте 2013 г. министр энергетики России и представитель Еврокомиссии подписали «Дорожную карту энергетического сотрудничества России и ЕС до 2050 г.». Она предполагала развитие всесторонних контактов в сфере энергетики, которые должны были завершиться созданием единого энергетического пространства РФ и ЕС с интегрированной сетью инфраструктуры и открытыми, прозрачными и конкурентными рынками. До 2020 г. были намечены следующие ключевые мероприятия: поддержка строительства газопроводов, отвечающих интересам России и ЕС; обеспечение стабильных поставок российского газа «отдельным клиентам ЕС на базе текущих и новых (в том числе долговременных) контрактов»; поддержка российских инвестиций в европейский газовый сектор и европейских инвестиций в российский. Однако этот документ не вступил в силу из-за позиции ЕС¹⁹.

Официальные лица высших органов ЕС неоднократно заявляли, что «Россия на десятилетия останется крупнейшим поставщиком газа на европейский рынок», но при этом в последнее время прилагают значительные усилия для уменьшения доли импорта энергоносителей из России. Еврокомиссия в 2014 г. подготовила план по снижению зависимости Европы от российских энергопоставок²⁰, который был подтвержден на последующем саммите стран ЕС. Евросоюз и Парламент ЕС приняли решение о создании Энергетического союза, содержание которого означает практически полный отказ от логики взаимодействия с Россией, предусматривавшейся в вышеуказанной «Дорожной карте».

Однако в начале сентября 2015 г. между «Газпромом» и крупнейшими энергетическими компаниями Европы – E.ON, Shell, OMV, BASF/Wintershall и Engie – заключено соглашение акционеров совместной проектной компании, которая будет заниматься строительством газопровода «Северный поток-2»²¹. В случае реализации указанных проектов по северному и южному маршрутам их мощностей будет достаточно для транспортировки газа из России в страны ЕС без использования транзита территории Украины.

Россия является главным, но не единственным поставщиком углеводородов в Европу. В настоящее время в рамках ЕС существует три основных региона, в которые поступает трубопроводный газ преимущественно из одного источника: в страны Центральной и Восточной Европы – из России, в страны северной Европы – из Норвегии и в страны Южной Европы – из Северной Африки.

Хотя небольшими партиями сжиженный природный газ (СПГ) экспортировался еще с 1960-х гг., только в XXI в. с развитием современных технологий производства, транспортировки, преобразования СПГ он превратился в реального конкурента трубопроводному газу. Огромное преимущество СПГ состоит в мобильности – возможности его транспортировки в любую точку земного шара. В промышленных масштабах морские перевозки СПГ начались с 1980-х гг. и 30 лет непрерывно увеличивались в объемах. Согласно оценкам, с 2000 г. суммарный мировой спрос на природный газ рос на 2,7 % ежегодно, а на СПГ – на 7,6 %, т. е. почти в три раза быстрее²².

Спад произошел только в 2012–2013 гг. Однако сокращение спроса в США было скомпенсировано азиатскими странами, на долю которых в 2012 г. пришелся 71 % всего мирового объема закупок СПГ, по сравнению с 64 % в 2011 г. В Евросоюзе ожидали, что из-за сланцевой революции и сокращения спроса в США сжиженный газ из Катара окажется невостребованным, что приведет к снижению цены. Но из-за резкого роста потребления в Азии – в первую очередь в Китае (на 12,2 %) и Японии (на 11,4 %) – высвободившийся СПГ Катар стал экспортировать в Азию, где цены существенно выше европейских. Поэтому терминалы ЕС по приему сжиженного газа в 2013 г. оказались загруженными всего примерно на 20 %. В Европе закупки сжиженного природного газа упали почти на треть с 65 до 47,5 млн т, при этом все предыдущие годы они стабильно росли. Резко сократили ввоз СПГ Бельгия (на 55,3 %), Великобритания (на 43,6 %), Франция (на 31,9 %) и Испания (на 16,1 %) ²³.

Важнейшим фактором, влияющим на энергетическую политику многих стран мира, в том числе членов ЕС, является динамика мировых цен на нефть. Как известно, начиная с 1998 г. цена основной торгуемой в Европе марки BRENT отличалась скачкообразной динамикой. Контрактные цены на трубопроводный газ, поставляемый из России в Европу, привязаны к мировым ценам на нефть. Поэтому снижение нефтяных цен, а также развитие спотового рынка газа привели к существенному снижению доходов РФ от экспорта и нефти, и газа. По данным Минэкономразвития РФ, средние

контрактные цены на российский природный газ на границе Германии в 2014 г. уменьшились относительно 2013 г. на 6,4 %²⁴.

Большая волатильность нефтяных цен в последние десятилетия последовательно подталкивала эти страны к развитию ВИЭ, ориентацию на закупки и производство энергоресурсов, добываемых нетрадиционными способами (гидроразрыв пласта), на импорт сжиженного природного газа из разных стран.

Так, СПГ в отличие от газа, поставляемого по трубопроводам, торгуется на глобальном мировом рынке. Он становится все более доступным, так как новые производственные мощности уже введены в эксплуатацию и еще сооружаются в США, Австралии, Катаре и других странах.

Ожидается, что это приведет к снижению цен на СПГ, делая его более конкурентоспособным по сравнению с трубопроводным газом. Кроме того, как отмечается в материале государственного оператора газотранспортной сети Нидерландов компании *Nederlandse Gasunie*, «европейская комиссия готова стимулировать поставки СПГ в Европе не только в качестве более чистого топлива для транспортного сектора и морских судов, но и как возможность Европе сохранить свою энергетическую независимость. Увеличивая количество источников поставок энергии, влияние покупателя на цену энергоресурсов также возрастает»²⁵. Энергетическая независимость в данном случае (как и во многих других высказываниях западных политиков и бизнесменов) означает независимость от России.

В мировой энергетической политике сложно отделить экономические интересы от политических. В этом смысле примечательна история с сооружением СПГ-терминала в Хорватии. Американская компания *Cheniere Energy* намерена через несколько лет начать поставки СПГ в Центральную и Юго-Восточную Европу. Для этого *Cheniere* планирует открыть в Хорватии плавучий терминал для регазификации. Предысторию создания этого СПГ-терминала поясняет П. Искендеров. Планы сооружения СПГ-терминала на острове Крк разрабатывались хорватскими и международными экспертами еще в начале 2000-х гг. и были признаны неэффективными. Однако геополитические интересы США всегда брали верх над экономическими интересами Европы и элементарным здравым смыслом, поэтому США и их союзники в ЕС решили реанимировать нерентабельный проект²⁶.

Координатор по международным энергетическим вопросам Госдепартамента США, главный «архитектор» проекта сооружения СПГ-терминала А. Хокстайн откровенно заявил: «Американ-

ская индустрия активно вовлечена в европейскую экономику. Наш экспорт СПГ начнется в конце 2015 – начале 2016 г., поэтому мы будем оказывать влияние на этот рынок»²⁷.

Подводя итоги, можно отметить следующее. В странах Евросоюза за более чем полувековой период существования объединения было несколько периодов, когда начинало казаться, что проблема снижения энергодефицита может быть решена. В начальный период надежды возлагались на атомную энергетику. Доля АЭС в производстве электроэнергии неуклонно повышалась. Но после аварии на «Фукусиме-1» и негативных последствий новых природных катаклизмов в 2015 г. атомная энергетика едва ли сможет в обозримом будущем сыграть ключевую роль в энергообеспечении Европы.

После открытия богатых месторождений на шельфе Северного моря и их активной разработки Голландией и Великобританией была надежда на значительное увеличение уровня самообеспечения Европы, но через несколько лет разработки добыча стала сильно падать из-за истощения запасов. (Норвегии, которая не входит в ЕС, повезло больше.)

В качестве следующей панацеи для Евросоюза выступили возобновляемые источники энергии, получившие стремительное развитие, особенно в период с 2004 до 2012 г. Но в последние годы во многих странах ЕС начался процесс снижения субсидий на ВИЭ, который поддерживается высшими органами Евросоюза. Это приведет к дальнейшему снижению роли низкоконкурентных, хотя и экологически привлекательных ВИЭ.

Очередной надеждой на внутреннее энергообеспечение ЕС стала новая технология разработки сланцев, успешно развивающаяся в США с середины нулевых годов XXI в. Однако недостаточный объем доступных залежей сланцев, отсутствие обширных незаселенных земель, растущее сопротивление традиционно имеющих широкую поддержку в европейском обществе «зеленых», а также резкое снижение мировых цен на добываемые традиционным способом нефть и газ, вероятно, отложат на неопределенное время наступление сторонников добычи сланцевых углеводородов в большинстве стран Европы.

Таким образом, импортные поставки газа останутся весомым элементом энергетической системы Евросоюза. Учитывая настойчивое стремление властных органов Евросоюза и некоторых стран ЕС снизить зависимость от импорта газа из России, можно ожидать попыток максимального увеличения закупок, в том числе СПГ, у других стран, прежде всего Норвегии, стран Северной

Африки, США. Препятствием к более широкой диверсификации импортеров, в том числе с Ближнего Востока, пока что отчасти служат более высокие цены на азиатских рынках, включая самый перспективный китайский.

По некоторым оценкам, при повышении цены на нефть до 70 долл. за баррель рентабельность большинства сланцевых проектов в США станет приемлемой. Поэтому до момента существенного подъема цен на нефть, который с большой долей вероятности рано или поздно состоится, связанной с этим повышением сравнительной конкурентоспособности ВИЭ, экономической «реабилитации» фрекинга в США и последующих массовых поставок в Европу, есть время для выстраивания долгосрочной стратегии отечественной нефтегазовой отрасли. Эта стратегия должна учитывать грядущие перспективы научно-технического прогресса, реалии современной энергетической политики и практик Евросоюза и может включать разнообразные варианты – новые способы и маршруты транспортировки углеводородов, слияния и разделения компаний; существенное увеличение доли углеводородов, направляемых не на экспорт, а на переработку, в нефте- и газохимию. Последнее будет способствовать решению нескольких глобальных задач России: развивать импортозамещение, увеличивать долю продукции более высокой степени обработки в экспорте, повышать экономическую эффективность внешнеторгового обмена.

Примечания

- ¹ *Иванов О.П.* Энергетическая безопасность в ЕС // Мир и политика [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-politika.ru/1318-energeticheskaya-bezopasnost-v-es.html> (дата обращения: 25.09.2015).
- ² Динамика спроса на природный газ в странах ЕС // Личный кабинет. Справочник клиента [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lichnycabinet.ru/dinamika-sprosa-na-prirodnyj-gaz-v-stranax-es> (дата обращения: 25.09.2015).
- ³ АЭС в ЕС будут проверять каждые 6 лет // Радио Свобода [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.mobi/a/25016286.html> (дата обращения: 25.09.2015); История развития атомной энергетики // Радиация [Электронный ресурс]. URL: <http://rad-stop.ru/istoriya-razvitiya-atomnoy-energetiki/> (дата обращения: 25.09.2015).
- ⁴ АЭС в ЕС будут проверять каждые 6 лет [Электронный ресурс].
- ⁵ Япония возвращается к атомной энергетике // Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/economics/2015-08-14/4_japan.html (дата обращения: 25.09.2015).

- ⁶ *Сидорович В.* Мировая энергетическая революция: жизнь после нефти. М.: Альпина Паблицер, 2015. С. 10.
- ⁷ Там же. С. 5.
- ⁸ Германия: энергетическая революция в действии // FacePla.net [Электронный ресурс]. URL: <http://facepla.net/the-news/energy-news-mnu/2173-germany-energy-revolution.html> (дата обращения: 25.09.2015).
- ⁹ *Кавешников Н.* Возобновляемая энергетика в ЕС: смена приоритетов // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3482#top-content (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹⁰ Status of Land-Based Wind Energy Development in Germany. Year 2014 // Deutsche WindGuard [Электронный ресурс]. URL: http://www.windguard.de/_Resources/Persistent/f3d1f50839eb7c674f6261c1ef4b3f61c27ee0aa/Factsheet-Status-of-Land-based-Wind-Energy-Development-in-Germany-Year-2014.pdf (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹¹ Bulletin Quotidien Europe. 2013. 06 nov. № 1957.
- ¹² EU Commission looks at 28 nation bloc's energy costs and subsidies // International Centre for Trade and Sustainable Development [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ictsd.org/bridges-news/bioes/news/eu-commission-looks-at-28-nation-bloc%E2%80%99s-energy-costs-and-subsidies> (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ В исследовании «Стоимость генерации в возобновляемой энергетике в 2014 г.» утверждается, что стоимость производства электричества на основе ВИЭ сравнялась со стоимостью традиционной генерации с использованием ископаемых источников. См.: Renewable Power Generation Costs in 2014. Executive Summary. The competitiveness of renewable power generation technologies continued improving in 2013 and 2014 // International Renewable Energy Agency [Электронный ресурс]. URL: http://www.irena.org/documentdownloads/publications/irena_re_power_costs_summary.pdf (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹⁵ *Кавешников Н.* Указ соч.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Сланцевая революция в Польше не состоялась // Русское агентство новостей [Электронный ресурс]. URL: <http://новости-мира.ru-an.info/новости/сланцевая-революция-в-польше-не-состоялась/> (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹⁸ *Симонов К.* «Третий энергетический пакет»: последствия для России // ИМЭМО РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slideshare.net/energystate/ss-9656679> (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹⁹ ЕС хочет интегрировать газопроводы с «Газпромом» // GasWeek [Электронный ресурс]. URL: <http://gasweek.ru/index.php/sobytiya/v-mire/211-es-khochet-integririvat-gazoprovody-s-gazpromom> (дата обращения: 25.09.2015).
- ²⁰ МЭА: Европа и Россия на десятилетия повязаны газом // Финмаркет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finmarket.ru/economics/article/3662590> (дата обращения: 25.09.2015).

- 21 Северный поток-2 или ход конем // E-News [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-news.ru/in-world/64097-severnyu-potok-2-ili-hod-konem.html> (дата обращения: 25.09.2015).
- 22 Global LNG: Gorgon & the Global LNG Monster // Deutsche Bank Markets Research [Электронный ресурс]. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLU-Assets/Global-Oil-and-Gas-LNG-RU/\\$FILE/Global-Oil-and-Gas-LNG-RU.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLU-Assets/Global-Oil-and-Gas-LNG-RU/$FILE/Global-Oil-and-Gas-LNG-RU.pdf) (дата обращения: 25.09.2015).
- 23 Мельникова С. Развитие мирового рынка СПГ и перспективы экспорта сжиженного газа из России (Энергетическая политика. 2013. № 6) // Институт энергетической стратегии [Электронный ресурс]. URL: http://www.energystrategy.ru/editions/source/ep62013_4.htm (дата обращения: 25.09.2015).
- 24 Итоги экспортной деятельности Российской Федерации за 2014 год // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/d23137dc-67b7-44da-b4cc-63b465554072/3.doc?MOD=AJPERES&CACHEID=d23137dc-67b7-44da-b4cc-63b465554072> (дата обращения: 25.09.2015).
- 25 СПГ хотят обеспечить возможность поставок сжиженного природного газа в порт Ems Harbour // Сайт компании «Газюни» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gasunie.ru/news/газюни-и-groningen-seaports-хотят-обеспечить-возможность-поставок> (дата обращения: 25.09.2015).
- 26 Американская Cheniere хочет нарушить монополию «Газпрома» на юге Европы // Росбалт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/business/2015/07/29/1423730.html> (дата обращения: 25.09.2015).
- 27 Искендеров П. Балканская стратегия Амоса Хокстайна // Война и мир [Электронный ресурс]. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/103711/> (дата обращения: 25.09.2015).

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ДЕМОКРАТИЯ: ЕВРОПЕЙСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Зарубежные политические и правовые специалисты активно обсуждают проблему правового государства в новых условиях XXI века. Важнейшей причиной внимания к этой теме стало усиление попыток США восстановить свое единоличное лидерство, распространить свою юрисдикцию практически на весь мир и добиться вытеснения публичных институтов власти и экономической деятельности в пользу частных, в первую очередь транснациональных корпораций. Такая политика несовместима с демократией. В статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы, активно обсуждаемые в странах Евросоюза.

Ключевые слова: правовое государство, демократия, господство закона.

Даже поверхностное знакомство с европейской политической и правовой литературой позволяет увидеть существенное отличие отраженных в ней концепций от американских (имеются в виду, естественно, США). Конечно, европейские исследователи и авторы учебных пособий для высшей школы соглашались, так или иначе, с рядом принципиальных позиций своих заокеанских «партнеров».

По-прежнему многие западноевропейские специалисты связывают понятие правового государства с военными условиями. Разделяют они в основном и позицию о подчиненной роли граждан и практически растущем неравенстве граждан в создаваемом Евросоюзом «правовом государстве». Растет число европейских специалистов, признающих приоритет частных, узких интересов и институтов над коллективными, общественными и общенациональными. Предпринимаются попытки поддержать американское стремление установить некое «всемирное правление», сопровождаемое аргументами об «исторической устарелости» национального государства как такового.

В то же время в европейской политической и юридической науке сохраняются существенные отличия от указанных «новых веяний».

Прежде всего, практически во всех европейских языках и научных трудах в рассматриваемое понятие включен термин *право* (правовое государство, *Rechtsstaat*, *Etat de droit*). По европейской правовой концепции право (и права) принадлежит народу как источнику «учредительной» власти и лежит в основе закона («власти учрежденной»). Это считалось общепринятым после знаменитой Декларации прав 1789 г.: «Закон есть выражение общей воли»¹.

Может показаться странным, но ни конституция США, ни последующие «поправки», ни американская юридическая доктрина не содержат понятия *правовое государство*. Вместо этого европейского термина там применяется выражение *господство закона*. (Rule of Law). Первая часть выражения неслучайна – она обращает внимание на подчинение, напоминает известные слова гимна «Rule Britain over the Seas».

В связи с этим полезно обратить внимание на тот факт, что конституция США и последующие поправки к ней содержат весьма ограниченный перечень прав граждан:

Право мирно собираться и направлять петиции правительству (первая поправка).

Право хранить и носить оружие (вторая поправка).

Неприкосновенность личности, жилища, документов и собственности (четвертая поправка).

Право на быстрый и гласный суд по уголовным делам (шестая поправка).

Право на суд присяжных (седьмая поправка).

Девятая поправка уточняет: «Перечисление в конституции некоторых прав не означает отрицания или умаления иных прав, принадлежащих народу»².

Тем не менее американский законодатель не стал расширять этот список.

Именно такой же набор прав перечислен и в официальном Указателе к тексту конституции США³.

Опубликованный в январе 2014 года «Всемирный юридический проект» воспроизвел позицию конституции США. Проект включил следующие положения: «Правление права есть система, в которой соблюдаются четыре универсальных принципа.

1. Правительство и его чиновники, а также агенты, индивиды и частные лица подотчетны закону.

2. Законы ясны, опубликованы, справедливы, применяются к каждому случаю и защищают фундаментальные права, включая безопасность лиц и собственность.

3. Процедуры принятия, применения и укрепления закона доступны, честны и эффективны.

4. Юстиция применяется своевременно компетентными, честными, независимыми и нейтральными представителями, численность которых достаточна, которые обладают соответствующими ресурсами и отражают состав сообществ, которым они служат.

Отметим явное отсутствие понятия “граждане” в этом перечне.

Таковы четыре универсальных принципа, которые включены в предлагаемое “Всемирным юридическим проектом” понятие *правление закона* и получили дальнейшее развитие в форме девяти факторов в так называемых *Индикаторах господства закона*⁴.

В разработке «современных» концепций *господства закона* в последнее время особенно активное и, надо сказать, активное участие принимают теоретики, работающие в различных международных финансовых институтах, а также НАТО, т. е. учреждений, как правило, находящихся под контролем США.

Одним из (многочисленных) примеров в этой области является документ «Всемирный банк. Господство закона и развитие»⁵.

Документ начинается с бесспорного утверждения о том, что «хорошо функционирующий закон и институты юстиции, а также государство, руководствующееся принципом господства закона, являются важными условиями для экономического, политического и социального развития». Авторы специально подчеркивают, что предлагаемая ими концепция господства закона отражает «западную мысль» и играет важную роль в *международных* инициативах Запада в области всех форм развития. Естественно, в предлагаемых концепциях народ рассматривается как объект политики и экономики инвесторов и других «умных специалистов».

Развернутое пояснение, содержащее некоторые уточнения по этому вопросу, дается в документе *Американского института мира*. «Господство закона, – читаем мы в этом документе, – относится к цели государства, в котором каждый индивид и институт, как публичный, так и частный, а также и само государство подчинены закону, являющемуся высшей нормой. Закон должен соответствовать нормам и стандартам международного гуманитарного права, быть юридически точным, юридически прозрачным, принятым в условиях прозрачных процедур и опубликованным для всеобщего доступа. Цели государства требуют равного соблюдения и равенства перед законом, применение закона независимым судом,

честность в применении закона, отсутствие произвола. Доступ к суду – возможность для людей требовать и получать компенсацию от формальных и от неформальных судов за принятые решения – значительно усиливает господство закона. Господство закона требует разделения властей и участия. Господство закона – это идеал, к которому стремятся государства. Устойчивость требует срочной ориентации на эту цель»⁶.

Приведенный отрывок с полной очевидностью говорит о том, что американская концепция в данном случае имеет в виду не права, а именно *законы*. Утверждение о «прозрачности» процедур никак не сочетается с той жесткой секретностью, в которой проходят дискуссии по поводу «трансатлантического» и «транстихоокеанского» партнерства. Остается неясным, как и между кем разделяются власть и участие в принятии решений. К тому же понятие *господство права* является *идеалом*. Самое главное, признается, что в такой системе *господства закона* население остается в подчиненном состоянии. Оно лишено главного права – быть источником власти. Неслучайно в последние годы в странах Евросоюза многие теоретики стали открыто призывать отказаться от *заблуждений Французской революции*.

Документ детально объясняет, что цели данного идеала признают условия только военного времени: «Без господства закона преступное и политически мотивированное насилие будет продолжать угрозы, которые воюющие стороны выдвигают во время острого конфликта. Плохо функционирующая система юстиции будет создавать условия для мелких преступлений, для насильственных преступлений, преступлений политически или этнически мотивированных, сексуального и домашнего насилия, для процветания организованной преступности. Преступления могут совершаться или молчаливо поддерживаться лицами, находящимися у власти там, где властные структуры криминализированы, а также бывшими воюющими сторонами, которые сами превратились в организованные преступные банды». Понятно, что только американская концепция «господства закона» может решить в любой точке Земли такие проблемы.

В целом аналогичные взгляды распространены и в странах Европы, в том числе и особенно широко – в документах Евросоюза.

Вместе с тем взгляды европейских теоретиков характеризуются и рядом специфических особенностей.

Так, авторитетный французский словарь конституционного права, выдержавший более семи изданий, в соответствующей статье указывает: «Термин *правовое государство*, широко используе-

мый в последнее время, представляет собой тавтологию, предмет доктринальных дискуссий и означает просто способ организации власти и общества. Многие авторы, среди которых Кельзен, подчеркивали тавтологическое содержание этого выражения. Государство не сводится к простому явлению – власти, оно должно анализироваться как учреждение, то есть как организованная власть, соответствующая общим и объективным правилам, которые являются сущностью его статуса. Этот статус определяет и ограничивает компетенции государственных органов, и именно это юридическое содержание позволяет признавать государство особым юридическим лицом. Однако признание этого очевидного обстоятельства не отменяет теоретическую дискуссию по вопросу о том, может ли право ограничивать государство»⁷.

Статья напоминает, что еще в начале XX века ряд французских авторов указывали на ошибочность узкого подхода и обосновывали необходимость контроля за конституционностью законов. Более того, часть юристов поддерживали идею о самоограничении государства (де Мальберг), другая часть утверждала, что существует право, предшествующее и внешнее по отношению к государству (Дюги и Ориу). Однако в этих концепциях не было ответа на вопрос об источниках права и о роли в этом процессе населения. Право выступает в роли абстрактного и неуловимого, а потому непознаваемого явления, которым управляют специалисты.

Далее авторы пишут: «Развернувшиеся теоретические споры подчеркивают сложность и двусмысленность понятия и опасность формализма: правовое государство не должно превращаться в государство, в котором господствуют процедуры. Помимо соблюдения процедур, что присуще американским концепциям, существуют и фундаментальные права. Популярность темы правового государства объясняется в значительной мере тем, что это выражение несет в себе очень сильное символическое содержание и отражает определенный политический выбор: отказ от произвола. Этим и объясняется акцент на реальные или предполагаемые достоинства правового государства в бывшем СССР после его распада. Там заво открывали ценности конституционализма, либеральной демократии, прав человека. Именно это символическое содержание позволяет понять стремление идти дальше по этому пути»⁸.

Профессор Оливье Ками в «Курсе общего конституционного права» также пользуется, как это принято в странах Европы, термином *правовое государство*. Разница, очевидно, существует между *правом* и *законом*. «Под правовым государством понимается государство, в котором деятельность всех лиц и коллективов определе-

ны и разрешены правом. Правовое государство противостоит государству, в котором господствует произвол, воля господина, то есть такому государству, в котором деятельность и власть некоторых лиц и учреждений не имеет правовых рамок и ограничений, такое государство является полицейским». Но ведь в истории было немало случаев, когда произвол и полицейские правила создавались и регулировались существующим законодательством.

Профессор Ками находит выход из этого противоречия следующим образом: «Полезно различать юридическое и политическое определение правового государства. Политическое определение имеет в виду так называемое либеральное государство, которое защищает фундаментальные свободы. Такое государство обязано соблюдать некоторый минимум фундаментальных свобод, если оно желает быть эффективным и пользоваться подчинением населения»⁹.

В то же время автор отмечает существенные пробелы концепции правового государства: «Следует особо подчеркнуть, что понятие правового государства является пустым, оно не предусматривает практических последствий, раз нет санкций, раз нет контроля за соблюдением юридических норм. Во Франции возможны два вида контроля: политический контроль, например, сегодня президент Французской Республики объявлен политическим гарантом соблюдения конституции другими политическими учреждениями. Существует и судебный контроль. Например, Конституционный совет является судебным гарантом соблюдения конституции парламентом». Таким образом, и здесь французский профессор игнорирует политическую волю народа, его «контрольную функцию». По его мнению, понятие правового государства содержит два существенных пробела.

Учредительный пробел: утверждается, что политические и административные учреждения государства подчинены праву. Но именно государство выступает инициатором большинства юридических норм и одновременно обязано контролировать их соблюдение. Поэтому государству очень легко уйти от подчинения праву. Главной угрозой для правового государства является, таким образом, само государство (вспоминается классическое высказывание: нужен жандарм, чтобы следить за жандармом... и так далее).

Второй пробел касается применения права. Теоретически правоприменители (в частности, судьи) всегда поступают честно и искренне. Поэтому ожидается от судьи, что он не будет использовать свое право на истолкование и на суждение в политических целях. Но это очень трудно проверить и ввести соответствующие санкции.

Европейские исследователи ставят и пытаются проанализировать вопрос о проблеме демократии в концепциях правового государства. Профессор Жан-Клод Мартэн в статье «Украденное понятие в искаженной идее» обосновывает свою позицию. Прежде всего, он напоминает, что «в рассматриваемом понятии речь идет не о праве, а о законе, как об этом свидетельствует англо-американский термин “господство закона”. Этот термин чаще всего обозначает режим, функционирующий в соответствии с иерархизированными законами, основанными на высших принципах, сформулированных в общей форме в конституции и в Декларации прав человека»¹⁰.

Считается также, продолжает Мартэн, что судебная система справедливо применяется ко всем гражданам. Произвол публичной и частной власти поэтому не может осуществляться, равно как и закон сильных. Собственно говоря, если установлена парламентская демократия по типу «западных» стран (кавычки проф. Мартэна), то это и есть правовое государство. Однако не все режимы, называющие себя правовыми, являются демократическими.

Понятие правового государства для многих политологических и политических комментаторов совпадает с «присущей им ограниченной концепцией демократии, при условии хотя бы признания избирательного права, даже осуществляемого под принуждением. По этой причине необходимо обратить серьезное внимание на исследование степени демократии и природы власти. Подлинная демократия это не только государство с равными правами, но и государство с максимальной властью народа. Можно даже сказать: *государство с максимальной властью и максимальными правами народа*». Здесь мы имеем дело с редкой для современной Европы позицией, когда признаются власть народа и права населения. Сторонники этой позиции даже предлагают заменить понятие правового государства на понятие «государства прав народа».

Не подлежит сомнению, продолжает профессор Мартэн, что «максимум прав граждан означает и максимум власти народа. Но этого недостаточно. Дело в том, что право по своему существу является информацией, то есть одной из составных частей власти, наряду с энергией в широком смысле этого термина. Право необходимо, ибо оно представляет собой информацию, порождающую энергию публичной силы, стремление улучшить условия жизни. Но и этого недостаточно. Необходимо, чтобы такая энергия существовала и давала желаемый результат в нужное время.

Признание права отнюдь не означает применения права. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры положения дел с продовольствием, здравоохранением, работой, которые полностью

не обеспечены ни в одном государстве, объявляющем себя правовым и демократическим.

Право имеет такое же отношение к власти, как намерение, стремление или приказ к действию. Остановиться лишь на признании прав – означает не идти до конца дороги, ведущей к демократии. Если это движение и включает равноправие, но далеко не сводится к нему. Демократический характер государства определяется объемом власти, которая остается у народа и включает его влияние на правительство, а не одним только рассмотрением законов, реализующих свое господство.

Тем не менее право является важнейшим фактором. Если его нет, если оно опаздывает действовать, если оно недоступно, то все общественные энергии (активность, сила, ресурсы) остаются в потенции или не действуют как следует, чтобы компенсировать нехватку власти и средств наиболее обездоленных граждан. Недостаточное для демократии право в высшей степени необходимо».

В рамках проблемы правового государства возникает не только вопрос о демократии, но и вопрос о роли знания и компетентности в условиях демократии, роли всеобщего избирательного права и реального участия населения в принятии решений.

По этому вопросу интересна позиция профессора Мартэна не только потому, что он – «европеец», но и потому, что он специалист парижского университета по информатике.

«Обширный исторический опыт, – считает он, – позволяет приблизиться к решению этой проблемы. Опыт говорит о том, что демократия вовсе не означает правление некомпетентности, она требует приоритета знания.

Демократическая процедура принятия решений не ведет к всевластию некомпетентности. Кажущаяся логичность опасений состоит в том, что количество компетентных людей, способных решать сложные вопросы, невелико. Однако из этого не следует, что из двух предлагаемых решений (одно хорошее, другое пагубное) большинство выскажется за пагубное.

Опыт показывает, что даже небольшое число компетентных граждан обеспечивает хорошее решение. С другой стороны, даже слабое пагубное влияние на общественное сознание может подтолкнуть большинство голосующих к пагубному решению. Помимо тех граждан, чьи интересы отличны от общего интереса, имеются такие, которые имеют неизменные симпатии в ту или иную сторону и руководствуются при этом идеологическими, групповыми, религиозными и т. п. соображениями или просто поддаются внешним влияниям.

Более того, для того, чтобы решения всеобщего голосования соответствовали бы критерию компетентности, требуется участие по данному конкретному вопросу такого количества граждан, которое значительно превышало бы число тех, которые руководствуются частными или коллективными соображениями или поддаются пристрастным или обманным влияниям. Из этого следует, что если демократия не идет по пути компетенции и общего интереса (или интереса большинства), то это объясняется не ее врожденным пороком, а влиянием обмана и некомпетентности. В этом случае демократия оказывается во власти не тех, кто не знает, а под тиранией наиболее влиятельных»¹¹.

Поэтому, подчеркивает Мартэн, столь высока роль образования и объективной информации. Лучшим средством увеличить число компетентных является формирование знающих граждан. Здесь возможны два способа:

- способ тяжелый, долговременный и всеобщий: начальное и постоянное образование;
- быстрый способ, соответственно временной и частной ситуации: информация через СМИ.

Образование не только *индивида* (соответственно распространенной концепции «гражданского общества») с его фундаментальными знаниями технологии и иными знаниями, но также формирование *гражданина* является основой для демократии. Образование, в том случае, если оно достаточно всеобщее, широко распространено, объективно и направлено к пониманию всеобщего интереса, обеспечивает правильное решение дилеммы: прямая демократия – компетентность. Информация, в первую очередь прессы, но также и вся документация по вопросу, вынесенному на голосование, действует как дополнительное средство применительно к конкретной проблеме. Ее значение может быть решающим при проведении выборов¹².

Усиление в последние десятилетия активности, даже агрессивности, частных институтов в отдельных странах и на мировой арене, естественно, требует существенного ограничения публичных прав, институтов политики и права. Идеологи неоллиберализма уже давно требовали отстранить население от политики и от права. Можно привести много высказываний, требующих запретить населению даже думать о политике. В некоторых странах власти уже пошли навстречу этим требованиям и приступили к резкому сокращению преподавания общественных наук в высших учебных заведениях

Вот только один показательный пример. В июне 2015 года министр образования Японии Хакабун Шимомура направил в 86 го-

сударственных университетов страны декрет, предписывающий сосредоточиться на предметах «лучше соответствующих потребностям общества», а для этого – сократить или вовсе отменить учебные программы по гуманитарным и социальным дисциплинам. Два самых влиятельных университета отказались подчиниться такому декрету. Однако 17 вузов объявили о закрытии гуманитарных программ, а еще девять согласились сократить подготовку юристов, экономистов, политологов, социологов и других специалистов-гуманитариев¹³.

Может, это и случайное совпадение, но такое решение было принято в разгар обсуждения программы пресловутого торгово-транстихоокеанского партнерства, к которому присоединилась и Япония. А это партнерство, по словам президента США, означает, что теперь «США не могут позволить странам, вроде Китая, определять правила мировой экономики. Эти правила должны писать мы»¹⁴. Таково содержание демократии в правовом государстве глобализованного мира.

Понятно, что в таких условиях руководители «партнерством» не заинтересованы иметь дело с гражданами, профессионально разбирающимися в политике.

На тот и на иной способ образования (или, как говорят, политического и патриотического воспитания) могут воздействовать и различные пагубные влияния. Многие примеры говорят о том, как осуществляется такое воздействие на молодежь в консервативных, диктаторских, «цветных революционных» и религиозных режимах.

Но и люди науки не избегают влияния менее массовых и менее грубых, зачастую более хитроумных лозунгов, таких как «единомыслие», «лидеры», «элиты», глобализация, «неправительственные организации», а также и информации, находящейся под влиянием могущественных групп частных интересов. Свободы печати недостаточно, необходим плюрализм.

Конечно, сейчас гуманитарные науки Запада переживают не лучшие времена. Нередко их низводят до уровня пиара, заставляют оправдывать антинародные решения в рамках отдельных стран (например, «политика затянутого ремня»), антигуманные приемы насаждения американской демократии и ультралиберальной экономики.

Для того чтобы правильно ориентироваться в современном мире, необходимо объективное понимание происходящих событий и поведения людей. Необходимо активно развивать высшее гуманитарное образование как источник современной политической и правовой культуры, как основу поступательного и рационального развития общества.

- ¹ Конституция и законодательные акты Французской республики. М.: Изд-во юридической литературы, 1958. С. 43.
- ² The Constitution of the United States of America. Washington, 2000. P. 13–14.
- ³ Ibid. P. 69.
- ⁴ WJL Rule of Law Index // World Justice Project [Электронный ресурс]. URL: <http://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index> (дата обращения: 19.01.2015).
- ⁵ См.: *Mitchel J.* Alternative Dispute Resolution and the Rule of Law in International Development Cooperation // The World Bank. Open Knowledge Repository [Электронный ресурс]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/18106/620960WP0J0D01200public00BOX358362B.pdf> (дата обращения: 19.01.2015).
- ⁶ *Holmer G.* Creating Spaces for Effective CVE Approaches // United States Institute of Peace [Электронный ресурс]. URL: <http://www.usip.org/publications/effective-cve-approaches> (дата обращения: 19.01.2015).
- ⁷ *De Villiers V., Le Divellec A.* Dictionnaire du droit constitutionnel. P.: Editions Dalloz, 2007. P. 136–137.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Les principes du droit constitutionnel occidental classique // Cours de droit constitutionnel général [Электронный ресурс]. URL: <http://www.droitconstitutionnel.net/etatdedroit.html> (дата обращения: 19.01.2015).
- ¹⁰ Etat de droit et démocratie // La Démocratie [Электронный ресурс]. URL: http://www.la-democratie.fr/etat_droit.htm (дата обращения: 19.01.2015).
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Ibid.
- ¹³ *Соломонова И.* Япония отменила гуманитарные науки. Почему это важно? // Slon.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://slon.ru/posts/56806> (дата обращения: 23.09.2015).
- ¹⁴ *Треугова И.* Союз на обочине. Почему Тихоокеанское партнерство закрыто для РФ и Китая // Аргументы и факты [Электронный ресурс]. URL: http://www.aif.ru/money/есопому/soyuz_na_obochine_pochemu_tihookeanskoe_partnerstvo_zakryto_dlya_rf_i_kitaya (дата обращения: 06.10.2015).

Регионы мира: динамика и модели взаимодействия

И.Л. Алексеев

ДИНАСТИЧЕСКАЯ АВТОКРАТИЯ И КОНКУРЕНТНЫЙ ТРАЙБАЛИЗМ В СРЕДНЕВЕКОВОМ МУСУЛЬМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ВЗГЛЯД ИБН ХАЛДУНА

В статье рассматриваются ключевые концепты теории власти и политической динамики основоположника традиционной арабо-мусульманской философии и социологии истории Абд ар-Рахмана Ибн Халдуна и эвристические возможности применения этой теории для интерпретации долговременной динамики социально-политического развития мусульманских обществ.

Ключевые слова: Ибн Халдун, философия истории, социология, власть, авторитет, ислам, мусульманское общество.

Проблема соотношения процессов модернизации и традиционных структур арабских и исламских обществ Ближнего Востока и Магриба вновь становится предметом оживленных научных и публицистических дискуссий в связи с новой фазой трансформационных процессов, активизировавшихся в ходе так называемой «арабской весны».

Внешний характер модернизации в арабском (и шире – мусульманском) мире, характер которой обуславливался так или иначе столкновением традиционного мусульманского общества с европейской колониальной экспансией, и вытекающие отсюда трудности неоднократно обсуждались в востоковедной литературе. В наиболее концентрированной форме эта проблематика была суммирована в работах Б. Льюиса¹.

Кризис такой модернизационной стратегии на фоне общего кризиса модерна как миропроекта и капитализма как социально-

экономической формации, являющейся базисом этого проекта, на который также указывали практически все ведущие философы и социологи XX в., создает кризис теоретических моделей, которые сколько-нибудь удовлетворительно исторически объясняли бы происходящие процессы. Это в особенной степени касается мусульманских обществ, интерпретировать которые с точки зрения европоцентристских концепций было затруднительно даже во времена, казалось бы, бесспорного торжества «западной демократии» в ее либерально-буржуазной или марксистской версии.

В этой ситуации повышается эвристическая ценность объяснительных моделей, разработанных вне парадигмы сугубо западных учений о человеке и обществе. Исламская цивилизация, к счастью, дает нам пример аутентичной социологии традиционного мусульманского общества, разработанной на базе классической арабо-мусульманской историографии и, по мнению многих исследователей, предвосхитившей многие открытия европейских политических мыслителей Нового времени. Речь идет об историко-социологической концепции Абд ар-Рахмана Ибн Халдуна (1332–1406)².

Сопоставление концепции Ибн Халдуна с обширным материалом, накопленным историками и этнологами в изучении феномена симбиоза кочевых и оседлых обществ Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Центральной Евразии, позволяет утверждать, что фактически средневековый мусульманский мыслитель создал обобщенную теоретическую модель известного ему общества, в котором он сам жил. В этом отношении его работа может быть поставлена в один ряд с такими памятниками истории науки, как «Капитал» Маркса и «Хозяйство и общество» Вебера. Подобно тому как Маркс разработал политэкономия, а Вебер – социологию капитализма, Ибн Халдун создал теорию исторической и политической динамики того типа общества, который позднее самим Вебером был назван «доиндустриальной автократической империей»³.

Таким образом, ибн-халдуновская мысль оказывается тем более релевантной для понимания тенденций долгосрочного исторического развития традиционных мусульманских обществ Ближнего и Среднего Востока в целом, чем более очевидной представляется «недомодернизированность» этих обществ, в большей или меньшей – но всегда в значительной – степени сохраняющих черты доиндустриального уклада в своей социальной и политической структуре. В этой перспективе, на наш взгляд, представляется допустимым принять в качестве рабочей гипотезы тезис о том, что большинство современных арабских режимов в условиях незавершенной «догоняющей» модернизации сохранили типологические

черты домодерных автократий (а некоторые из них – особенно государства Залива – попросту сохранили автократические режимы практически в чистом виде, лишь снабдив их в той или иной степени конституционно-демократическим фасадом, придающим им внешний облик современного национального государства).

В этой связи представляет интерес ряд вопросов, связанных со структурными особенностями логики политического развития ближневосточных обществ. К таким вопросам следует, в частности, отнести проблему соотношения исламского социально-политического идеала и династического автократизма (*султанийа*) и ее теоретическую разработку Ибн Халдуном⁴. Более того, по нашему мнению, это и есть центральный вопрос исторической социологии традиционного мусульманского общества, имеющий решающее значение при столкновении этого общества с феноменом модерна. Собственно говоря, весь категориальный аппарат главного теоретического сочинения, в котором изложены его взгляды – «Введение [в историю]» (Мукаддима)⁵ и его ядро (*умран бадави* – *умран хадари* – *асабийя*) представляет собой попытку описания модели динамического взаимодействия этих двух парадигм. Категория *асабийя* в этом контексте является ключевой для понимания подобной динамики.

«Классическая» исламская социальная модель – это модель городской религии, этики и политической культуры, носителями и промоутерами которой являются религиозные ученые, знатоки шариата – *улама*. Эта модель основывается на идеале автономной теократической общины (*умма*), управляемой на основе богоданного закона (*шари'а*), трактуемого, в частности, посредством консенсуса (*иджма'*) самой этой общины, выразителями которого в начальный период ислама являлись сподвижники Пророка (*сахабя*), а в позднейшие эпохи – знатоки шариата (*улама*).

Близость социальной организации доисламской Мекки к античному полису⁶, гетерархичность управления и исторически сложившийся антицарский племенной этос арабов с самых ранних этапов исламской истории препятствовал формированию иерархизированных систем управления автократического типа⁷. Объединение мухаджиров, ансаров и иудеев в мединской общине во главе с Мухаммадом также не означало установления самодержавной власти Пророка.

Как отмечал В.В. Бартольд,

как и другие арабские города, Медина до Мухаммада не имела правильной политической организации <...>. Мухаммад своим влиянием прекратил раздоры между отдельными элементами населения и во имя войны за веру объединил его в одну «Божью общину», включив в нее,

однако, и тех граждан, которые сохранили верность древнеаравбскому язычеству или иудейству <...>. Община Мухаммада первоначально была только союзом прежних родовых и племенных организаций. Даже такой союз под властью одного лица казался некоторым арабам нарушением их прежней вольности⁸.

Таким образом, политический строй, складывавшийся в Аравии на заре ислама, мог характеризоваться как «родоплеменная демократия»⁹. Подобный «демократизм», нашедший яркое отражение в договоре Мухаммада с основными группами, составившими мединскую *умму*, и нашедший отражение в документе, известном в литературе как «Мединская конституция»¹⁰, тесно коррелировал с описанными А.В. Коротаевым процессами трайбализации аравийских обществ на фоне упадка древних государств и вожеств¹¹. Однако эта корреляция ни в коей мере не носила характер прямой зависимости. Исламская модель социальной организации – теократическая община во главе с харизматическим лидером – Пророком – выступала альтернативой как чистому трайбализму, так и модели политической организации в рамках иерархических структур – «царств» и вожеств.

Сам термин *умма*, восходящий к глаголу *амма* – ‘предшествовать, быть впереди’ и находящийся в одном семантическом и ассоциативном ряду с терминами *имам* – ‘предстоятель, пример для подражания’ – и *умм* – ‘мать’, отсылал к идее духовной преемственности и духовного покровительства (*вала’/дживар Аллах*). Это божественное покровительство отличалось не только от отношений власти и подчинения, свойственных древнеаравийским царствам (как северным, так и южным), таким как Набатея, Пальмира, Саба, но и от отношений созничества (*хилф*), покровительства (*вала’*), побратимства (*му’ахат*), на которых строился тот складывавшийся в V–VI вв. новый мир Аравии, с его государствами (и вожествами), построенными на динамичном соотношении оседлых и кочевников, в которых последние почти всегда главенствовали (царства Лахмидов, Гассанидов, Киндитов, частично Химйар)¹².

Несмотря на то что осуществление Пророком политической власти подразумевало максимальную ее сакрализацию, эта власть, первоначально опиравшаяся на добровольное ее признание в рамках общественного договора, носила не автократический, а скорее харизматический характер. Это позволило сохранить значительную часть институтов родовой демократии в рамках теократической мединской общины, что непосредственно проявилось после смерти Мухаммада, когда *умма* столкнулась с необходимостью

выбора нового руководителя и проблемой преемственности такого руководства и стратегий ее легитимации. Если «праведные халифы» так или иначе утверждались консенсусом ее элиты, прежде всего в лице *мухаджиров*, то уже при Омеййадах возобладала тенденция превращения халифата в автократию (*мулк*), отнюдь не лишнюю, вопреки общераспространенному мнению, религиозной легитимации¹³.

В дальнейшем противостояние Омеййадам со стороны как шиитов, так и составлявших исламский мейнстрим (*джама'а*) кругов ревнителей религиозного благочестия, прежде всего в Хиджазе, обусловило формирование суннитской религиозно-политической доктрины и социальной этики как фактора, сдерживавшего произвол халифской автократии – как при Омеййадах, так и при Аббасидах. Значительную роль в закреплении основных принципов этой доктрины сыграла так называемая *Михна*, начавшаяся в период правления 'аббасидского халифа ал-Мамуна (813–833). Именно в период Михны со всей ясностью проявились выработанные к тому времени представления '*улама*' о статусе халифа и пределах его полномочий. Стоит отметить, что значительная часть '*улама*' (хотя и далеко не все из них), первоначально оказывавших серьезную поддержку 'Аббасидам в бытность их оппозиционным антиомеййадским движением, к моменту начала Михны находились в довольно жесткой, хотя и пассивной, оппозиции к правящей династии, пытавшейся навязать му'тазилитскую богословскую доктрину в качестве официальной ортодоксии. Именно такая позиция '*улама*' способствовала в конечном итоге возникновению по-своему уникальной ситуации, когда в исламе не сложилось церковной институции и официальной государственной ортодоксии¹⁴.

Более того, мусульманская правовая доктрина (*фикх*) в том виде, как она формировалась в VIII–IX вв., разрабатывалась не состоявшими на государственной службе частными лицами, которые к тому же нередко были оппозиционно настроены по отношению к этой самой власти. По меткому замечанию О.Г. Большакова, мусульманское право той эпохи было «по своему характеру ... более буржуазно, чем то общество, в котором оно действовало»¹⁵, а сформированный в рамках этой доктрины социальный идеал '*улама*' – «представляет *своего рода бюргерскую утопию* (выделено нами. – И. А.), знакомясь с ним, так и чувствуешь, что его примерял на себя торговец или зажиточный ремесленник, беспокоясь, чтобы ему нигде не жало»¹⁶. Одним из наиболее ярких примеров биографии такого свободного горожанина – торговца и улема – является жизнь Абу Ханифы¹⁷, однако наиболее радикальными выразителями политических

взглядов этой социальной группы были, конечно же, ханбалиты, чей духовный отец Ахмад б. Ханбал стал иконой антимутазитской фронды средних городских слоев халифата первой половины IX в.

В этой связи отнюдь не выглядит случайным, что после разрушения государственных институтов халифата в результате монгольского нашествия, вновь оказались востребованы ханбалитские социально-политические идеалы, которые было отошли в тень после неудачной попытки ал-Кадира утвердить их догматическую теологию в качестве нормативной ортодоксии, и были потеснены в сельджукскую эпоху подконтрольной государству системой организованного религиозного образования в медресе, опиравшейся по преимуществу на шафиитский мазхаб.

Одним из главных мотивов неоханбалитской политической мысли была критика династического автократизма мусульманских правителей с позиций шариата. Этому автократизму противопоставлялся раннеисламский социально-политический, в рамках которого *имам* рассматривался лишь как исполнитель божественного закона, толкуемого улемами, фактически ограничивающими безусловный произвол правителя. Наиболее подробно эти идеи были выражены в трудах Таки ад-Дина Ахмада Ибн Таймийи (1263–1328)¹⁸.

Ибн Халдун, однако, отличает такой «ислам улемов» от ислама Пророка и его сподвижников. Это отличие он проводит именно по линии *'асабийи*. Первые мусульмане – говорит Ибн Халдун – не получали знание *дина* из ученых трактатов, путем образования и воспитания. Их *фикх* основывался на том, что им было непосредственно дано Пророком. Авторитет Пророка (*судуд*) и сила их веры делала их не нуждающимися во внешнем императиве (*вази'*) в виде царской власти и т. п. Этот императив носил у них внутренний характер. С другой стороны, арабы, «по своей природе (*таби'ийийан*)» неспособные подчиняться какой-либо власти, могли признать над собой только сакральный авторитет, каковым в итоге и стал пророк Мухаммад.

По мысли самого Ибн Халдуна, очевидно, что «солидарность» (*'асабийя*), пусть и основывающаяся естественным образом (*таби'ийийан*) на кровнородственных связях, представляет собой несомненную морально-этическую ценность того же порядка, что и храбрость (*шуджжа'а*), «дерзость» (*ба'с*), свобода (понимаемая как независимость от установлений власти – *'адам му'анат ли-л-хукм*, «неподвластность»). В основе всего этого, на взгляд Ибн Халдуна, лежит в целом большая степень близости «пустынников» (*бадавийийин*) к добру вообще по сравнению с жителями городов (*ахл ал-хадар*). Сам мыслитель объясняет это исходя из исламской

концепции изначальной чистоты духовной природы человека (*фитра*), которая более свойственна *бадву* как наиболее ранней форме социальной организации (С. 161–175).

Отсюда следует, что в раннем исламе произошла конвергенция двух форм «солидарности» – кровнородственной («племенной», *'асабийя кабийлийя*) и религиозной (*'асабийя ал-ислам*). Однако «исламская *'асабийя*» оказалась недолговечной и уже при Омеййадах – в силу тех же природных причин, по которым арабы, будучи не в состоянии подчиняться кому бы то ни было, склонны тем не менее властвовать над другими – была трансформирована в автократическую монархию (*мулк*). При этом религиозная проповедь сохранила свое значение как мобилизующий фактор для новых асабийных групп, в частности для Аббасидов и Алидов¹⁹.

Таким образом, циклическая динамика Ибн Халдуна раскрывается как постоянно возобновляемый поиск подлинного авторитета, который в отсутствие пророка замещается выдвигаемым из среды самой асабийной группы патриархальным или харизматическим лидером, превращающимся в наследственного автократического правителя и исчерпывающего асабийу своей группы, что приводит к завершению цикла и создает условия для захвата власти новой асабийей. Неслучайно, что наследие Ибн Халдуна после долгого забвения оказалось востребовано в XVII–XVIII вв. в Османской империи, нуждавшейся в этот период в ретроспективной легитимации султанской власти (именно тогда, как показал В.В. Бартольд [1966а], была разработана в том числе идея о передаче халифата последними Аббасидами Селиму I).

Это представляется важным еще и потому, что сам по себе тюркский фактор в концепции Ибн Халдуна занимает специфическое место. Несмотря на то что *Китаб ал-'ибар*, введением к которой, собственно, и является *Мукаддима*, представляет собой изложение истории преимущественно арабского Магриба, Ибн Халдун, проведший наиболее продуктивную часть своей жизни в мамлюкском Египте, не мог не интересоваться и историей Машрика – Передней и Малой Азии и Ближнего Востока, находившихся в то время в значительной степени под властью тюркских династий. Более того, анализ концептуальной логики Мукаддимы показывает, что ее автор рассматривает тюрков как особый восточный инвариант универсального «кочевничества», отличный от хорошо известного ему арабо-берберского «бедуинства» Северной Африки. Отличие тюрков одновременно от арабов и берберов позволяет Ибн Халдуну отнести им в своей концепции исторического процесса особое, неочевидное с первого взгляда место.

Наиболее выдающейся чертой тюрков, обусловленной географическими условиями их происхождения, с точки зрения мыслителя, является особый тип генерируемой в их среде *'асабийи*, которая не подчиняется общей циклической закономерности подъема и спада в течение трех-четырех поколений, обуславливающей, по Ибн Халдуну, рост и упадок династических государств. Тюркская *'асабийя* позволяет ее носителям не только завоевывать большие пространства, но и удерживать власть над ними в течение длительного времени, создавая тем самым то, что Ф. Бродель мог бы назвать «структурами большой длительности».

Однако автор Мукадимы не ограничивается отсылкой к географическому и климатическому детерминизму, идея которого блестяще и крайне подробно разработана им на базе беспрецедентного, как отмечал И.Ю. Крачковский, по своей систематичности обобщения материала арабо-мусульманской географической литературы²⁰. Ибн Халдун стремится выявить механизмы поддержания *'асабийи*, анализируя политическую практику известных ему тюркских династий, прежде всего Сельджуков, а также тюркских и черкесских мамлюков в Египте и Сирии (стоит отметить, что последних, как и их предшественников Аййубидов, несмотря на их нетюркское происхождение, Ибн Халдун рассматривает как клиентов тюркских династических домов и, таким образом, как органическую часть тюркского *политикума*). В этом отношении он делает важное наблюдение о постепенном ослаблении у Сельджуков института вазирата и выдвижении на первый план наместников (*наиб*), либо рекрутировавшихся из поступавших на военную службу рабов (по типу мамлюков), либо выдвигаемых из числа близких правящему дому семей и воспитывавшихся в военизированном духе в рамках института атабеков. В обоих случаях и те и другие оставались связанными с материнской династией отношениями покровительства (*вала, вилайат*) и вассальной зависимости.

Подобный механизм воспроизводства элиты с помощью постоянно возобновляемой *'асабийи*, основывавшейся уже не только на кровнородственной связи, но и на идее политической общности (также опиравшейся – что немаловажно – на религиозное рвение), способствовал устойчивому симбиозу «кочевой» по духу военно-аристократической верхушки тюркских династических правителей и городской культуры подвластных им народов. В условиях, когда *дар ал-ислам* находился под двойной угрозой – крестовых походов и Реконксты, с одной стороны, и монгольского нашествия – с другой – этот симбиоз, с точки зрения Ибн Халдуна, был важнейшим фактором сохранения исламской цивилизации как нормальной

формы человеческого общежития (*умран*), что позволяло мыслителю расценивать правление тюрок как проявление Божественной благодати, ниспосланной для сохранения ислама. В этом же контексте следует рассматривать и историческую встречу Ибн Халдуна с Тамерланом в 1401 г. в Дамаске. Вполне обоснованно опасаясь за свою жизнь, Ибн Халдун тем не менее не только добился амнистии мамлюкских пленных и гарантий личной безопасности, но и высоко оценил политическую мудрость и кругозор этого великого тюрко-монгольского правителя, возможно, увидев в нем также черты диалектического синтеза *бадва* и *хадара* в истории²¹.

Османская (и шире – тюркская) модель представляет интерес еще и потому, что в политической практике тюркских династий, начиная с Сельджуков, кажется, был найден специфический способ преодоления упадка династической *'асабийи*. Речь, как было отмечено выше, идет о создании своего рода «зонтичной структуры» династического патронажа, охватывавшей потенциально конкурентные асабийные группы и включавшей их в свою клиентелу. Собственно османская модель добавила к этому новый тип асабийной группы – объединение *гази*, первоначально опиравшееся на симбиоз османской племенной клиентелы с тарикатской структурой *бекташийя*, впоследствии стало пополняться новыми рекрутами в рамках системы *девширме*. Эти новые рекруты, мобилизовавшиеся, как известно, преимущественно из покоренных балканских христиан и получавшие статус «дворцовых рабов» (*капы кулу*), образовали впоследствии корпорацию янычар. На первый взгляд, янычарство было некоей новой стадией развития института мамлюков, однако примечательно, что с введением *девширме* собственно мамлюки не исчезли. Институт янычаров оказался как бы надстроен над продолжавшей существовать системой военно-административной мобилизации. При этом важной особенностью янычар была их интегрированность в практически гетеродоксную жестко дисциплинированную орденскую систему, генерировавшую свою особую *'асабийу* именно посредством этой дисциплины и замены кровнородственной связи духовным братством. Эта новая асабийя стала в итоге не только опорой правящей султанской династии (*османлы девлети*), но и, что особенно существенно, сумела подчинить себе *'улама*, бюрократически организовав их в некое подобие исламского «духовенства» во главе с аналогом первоиерарха – *шейхульисламом*. Важно отметить, что в результате всего этого впервые в исламской истории стала возможна сословно-иерархическая организация общества, где янычары (*ахл ас-сайф*) и духовенство (*ахл ал-калам*) составили две основные группы слу-

жилого сословия (*аскери*)²². Институционально это сословие было высшим по отношению к *ра'ийа*²³ – податному сословию, зависящему от государственного покровительства, к которому помимо крестьян-мусульман относились также объединенные в систему *миллетов* иноверцы (*зимми*). Подобная «модернизация» и универсализация традиционной системы патронажно-клиентельных связей, несомненно, способствовала размыканию ибн-халдуновского *'асабийного* цикла и созданию как бы «технического» механизма генерирования и постоянного возобновления *'асабийи*.

Примечания

- ¹ См.: Lewis B. What Went Wrong? Western Impact and Middle Eastern Response. N. Y.: Oxford University Press, 2002.
- ² См., например: *Бацеева С.М.* Историко-социологический трактат Ибн Халдуна Мукаддима. М.: Наука, 1965; *Игнатенко А.А.* Ибн-Хальдун. М.: Мысль, 1980; *Al-Azmeh A.* Ibn Khaldūn in Modern Scholarship: A Study of Orientalism. L.: Third World Centre for Research and Publishing, 1981; *Idem.* Ibn Khaldūn: An Essay in Reinterpretation. Budapest: Central European University Press, 2003; *Simon R.* Ibn Khaldūn. History as a Science and the Patrimonial Empire. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2002.
- ³ *Simon R.* Op. cit. P. 225.
- ⁴ Ibid. P. 148–166; ср.: *Бартольд В.В.* Халиф и султан // Бартольд В.В. Соч.: В 9 т. Т. 6. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Наука, 1966. С. 15–78.
- ⁵ В данной работе текст основного сочинения Ибн Халдуна цитируется по изданию: *Ибн Халдун, 'Абд ар-Рахмāн.* Мукаддима ибн Халдун. Тахкик дуктур Хамид Ахмад ат-Тахир. ал-Кāхира: Дар ал-Фаджр ли-т-Турās, 2004. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера страницы.
- ⁶ *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV веках: Курс лекций. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. С. 9–10.
- ⁷ См.: *Коротаев А.В.* Происхождение ислама: социально-экологический и политико-антропологический контекст. М.: ОГИ, 2003. Фундированный ключевой литературой вопроса обзор политико-антропологического контекста эпохи, в которую разворачивалась проповедь Мухаммада, ложится в основание неоднозначной гипотезы социально-экологических причин сложения древнеарабского антигосударственного этоса.
- ⁸ *Бартольд В.В.* Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве // Бартольд В.В. Соч. Т. 6. С. 304.
- ⁹ См.: *Беляев Е.А.* Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1966; *Негря Л.В.* Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V–VII вв. М., 1981.

- ¹⁰ См.: *Большаков О.Г.* История Халифата: В 4 т. Т. 1. Ислам в Аравии. М.: Восточная лит-ра, 1989. С. 92–94; *Уотт У.М.* Мухаммад в Медине. СПб.: Диля, 2007. С. 242–246.
- ¹¹ *Коротаев А.В.* Происхождение ислама... С. 23–36.
- ¹² См.: *Негря Л.В.* Указ. соч.; *Пиотровский М.Б.* Пророческое движение в Аравии VII в. // Ислам. Религия, общество, государство. М.: Наука, 1984. С. 19–27; *Он же.* Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества. М.: Наука, 1985; *Коротаев А.В.* Социальная история Йемена, X в. до н. э. – XX в. н. э. Вождества и племена страны Хашид и Бакил. М.: URSS, 2006; *Резван Е.А.* Исследования по терминологии Корана: сура, ‘абд (‘ибад) [Аллах], умма // Проблемы арабской культуры. Памяти академика И.Ю. Крачковского. М.: Наука, 1987. С. 219–231; *Он же.* Коран и его мир. СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. С. 74–81.
- ¹³ См.: *Алексеев И.Л.* Khalīfat Allāh – Халиф [волею] Бога? К проблеме легитимации политической власти в халифате в эпоху Омеййядов // *Rah Islamica*. 2010. № 2 (5). С. 60–74.
- ¹⁴ *Nawas J.* A Reexamination of three current explanations for Al-Ma‘un’s introduction of the Mihna // *International Journal of Middle Eastern Studies*. 1994. Vol. 26. P. 615–629; *Idem.* The Mihna of 218 A.H./833 A.D. Revisited: An Empirical Study // *Journal of the American Oriental Society*. 1996. Vol. 116 (4). P. 698–708.
- ¹⁵ *Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока (VIII – середина XIII в.). Социально-экономические отношения. М.: Наука; ГРВЛ, 1984. С. 290.
- ¹⁶ *Большаков О.Г.* Средневековый арабский город // *Очерки истории арабской культуры V–XV веков*. М.: Наука, 1982. С. 205.
- ¹⁷ См.: *Батров (Батыр) Р.* Абу-Ханифа: жизнь и наследие: В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. Н. Новгород; Ярославль: Медина, 2007.
- ¹⁸ См.: *Khan Q.* The Political Thought of Ibne Taḡmīyah. New Delhi: Adam Publishers, 2007; *Laoust H.* Essai sur les doctrines sociales et politiques d’Ibn Taimīya (661/1262–728/1328). Le Caire: IFAO, 1939; *Le Traité de droit public d’Ibn Taimīya* (traduction annotée de la Siyāsa shar‘īya de H. Laoust). Beyrouth: Institut français de Damas, 1948; *Laoust H.* La profession de foi d’Ibn Taimīya. P.: Geuthner, 1986; *Маточкина А.И.* Религия и власть в воззрениях средневекового мусульманского законоведа Ибн Таймийи: Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2011.
- ¹⁹ *Simon R.* Op. cit. P. 152–160.
- ²⁰ *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. М.: Вост. лит-ра, 2004. С. 437.
- ²¹ См.: *Fischel W.J.* Ibn Khaldūn and Tamerlane: their historic meeting in Damascus, 1401 A. D. (803 A. H.): study based on Arabic manuscripts of Ibn Khaldūn’s “Autobiography”. Berkely: University of California Press, 1952. P. 149.
- ²² Само название которого говорит, по крайней мере на уровне концепта, о примате «меча» над «пером», т. е. собственно военного начала над бюрократическим.
- ²³ Букв. «пасомые», ср. с византийским церковным «паства».

КОНКУРЕНТНАЯ МОДЕЛЬ СВЕТСКОСТИ ГОСУДАРСТВА И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена анализу конкурентной составляющей современной российской модели светскости. Государственно-конфессиональные отношения рассматриваются как составная часть модели светскости государства. Анализируются конкурентные стратегии религиозных организаций и предлагается их типология. Показана взаимообусловленность конституционно-правового и институционального аспектов конкуренции, их эволюция. Сделан вывод о формировании в России ограниченной институциональной конкурентности в рамках существующей модели светскости.

Ключевые слова: светскость, государственно-конфессиональные отношения в России, религиозные организации, конкурентная модель.

Конституционный принцип светскости Российского государства реализуется в рамках определенной модели государственно-конфессиональных отношений, которая обуславливается совокупностью политических и неполитических факторов. Трансформация этих отношений на протяжении 25-летней постсоветской истории знаменовалась изменением приоритетов государственно-конфессионального взаимодействия, существенными коррекциями стратегий основных акторов этих взаимодействий – государственных институтов и крупнейших российских религиозных организаций.

В рамках постановки исследовательской задачи изучения векторов трансформации современной российской модели светскости в ее конкурентном аспекте необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Так, модель государственно-конфессиональных отношений будет рассматриваться как составная часть модели светскости государства, которую во многом и обуславливает. Если первая характеризует взаимодействие религиозных и

государственных институтов, то вторая более широко характеризует место и роль религии в рамках общественных отношений, составной частью которой являются и государственные отношения. При этом заметим, что модель государственно-конфессиональных отношений в иных политических системах может существовать и автономно, если государство не является светским.

Государственно-конфессиональные отношения в России можно охарактеризовать как совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимодействий между государственными и религиозными институтами в рамках политической системы, как устойчивую конфигурацию взаимодействий государственных и религиозных институтов, обусловленную, с одной стороны, правовой системой государства и допускаемыми им формальными и неформальными коммуникационными практиками, а с другой – программными документами и учением соответствующих религиозных организаций. Среди признаков устойчивости такой модели автором предлагалось выделять, во-первых, отсутствие изменений в законодательстве государства, определяющих положение и коммуникационные возможности религиозных организаций, а во-вторых, отсутствие изменений в базовых установках наиболее крупных религиозных организаций по отношению к государству, власти, своему месту в политической системе страны. Это позволяло фиксировать начальный этап формирования в России концептуальных рамок новой модели в 1993 г. и вступление ее в фазу стабилизации в начале 2000-х гг. (маркерами здесь являлось принятие Конституции РФ, Закона о свободе совести и религиозных объединениях и вытекающие из него практики государственно-конфессиональных взаимодействий¹).

Возникает вопрос: как и по каким критериям оценивать эволюцию этой модели? Ответ на него позволит оценить масштабы и последствия трансформации модели светскости, вовремя выявлять вызовы и угрозы стабильности существующей модели, а в крайних случаях и фиксировать ее распад, а также перерождение в нечто новое. В рамках настоящей публикации ставится задача проанализировать один из аспектов этой эволюции, а именно критерий конкурентности. В контексте настоящего исследования он имеет особое значение, так как одновременно может являться одним из признаков светскости как таковой.

Понятие светскости, хотя и является базовым конституционным принципом, формирующим основы конституционного строя России, тем не менее допускает широкий спектр интерпретаций по поводу тех признаков, которые собственно и составляют его содер-

жание. Более того, даже корректное определение «светскости государства», «светскости образования», «светскости государственной службы» оказывается затруднено благодаря порой диаметрально противоположным смыслам, которые вкладывают исследователи в эти понятия². Если государство не является теократическим, антирелигиозным или авторитарно-идеократическим с общеобязательной идеологией (секулярной квазирелигией), то во всех иных случаях оно формирует различные модели светскости, своеобразие которых определяется системой требований, которая обеспечивает взаимную независимость государства и религиозных объединений в определенных сферах их компетенции³. Эта же система требований формирует конкурентное пространство, в котором находятся религиозные организации. Другими словами, модель светскости всегда конкурентная, только рамки этой конкуренции могут отличаться.

Конкурентность модели светскости может реализовываться в общественной и государственной плоскостях. В первом случае мы имеем дело с тем, что можно назвать конкуренцией на «рынке» религиозных услуг, как ее описал, например, У. Лобделл на материалах религиозной жизни США, где церкви борются за прихожан, используя классические маркетинговые инструменты, а сами прихожане выбирают себе церковь, как классический потребитель выбирает товар, оценивая множество факторов, которые представляются для них значимыми (от социальных программ и форм организации совместного досуга до социального статуса прихожан и оформления молитвенников)⁴. Это, собственно, и формирует конкурентное поле религии в пространстве общественных отношений в рамках американской модели светскости. Безусловно, анализ практик подобной конкуренции может и должен являться предметом исследования. Но подобная конкурентность представляется все-таки производной от тех «правил игры», которые формирует государство, от того, насколько и в каких формах оно позволяет ей реализоваться. Безусловно, конкретные нормативные практики конкуренции могут формироваться светским государством с учетом позиции религиозных организаций, но это принципиально не меняет ведущую роль в этом процессе государства, за которым остается последнее слово. А уже религиозные организации, исходя из установленных государством правил и принципов, могут воспользоваться предоставленной возможностью участвовать в конкуренции и выбрать одну из трех стратегий.

1. Включиться в конкурентную борьбу, вести активную миссионерскую работу и прозелитическую деятельность (в России так

действуют преимущественно протестантские религиозные организации, а также представители нетрадиционного ислама).

2. Включиться в конкурентную борьбу, но при этом ограничить свою миссионерскую и прозелитическую деятельность (например, иудейские организации, ограничивающие свою миссию этническим еврейством, или существующий де-факто «пакт» между Русской православной церковью (далее РПЦ) и крупнейшими российскими мусульманскими организациями об ограничении прозелитической деятельности в отношении верующих, принадлежащих той религиозной традиции, с которой заключен «пакт». Миссионерская деятельность при такой стратегии ограничивается работой с «неопределившимися», причем такими, чья национальная идентичность также не предполагает возможной ассоциации с определенной религиозной традицией. Например, чеченец – мусульманин. Здесь весьма показательна официальная позиция РПЦ, которая фактически демонстрирует подобное самоограничение – «миссия традиционных конфессий возможна лишь в тех условиях, когда она осуществляется без прозелитизма и не за счет “переманивания” верующих, особенно с использованием материальных благ»⁵.

3. Третья стратегия – самоустранение. Религиозная организация фактически игнорирует принципы конкуренции, обозначенные государством. Она полностью исключает себя из конкурентного пространства, сосредотачиваясь исключительно на членах собственной общины. Очень часто такие объединения не стремятся даже получить статус религиозной организации, ограничиваясь статусом религиозной группы. К их числу можно отнести, например, некоторые из объединений старообрядцев, этноконфессиональные сообщества, основу идентичности которых составляет принадлежность к определенной религиозной традиции (например, российские ассирийцы, последователи Ассирийской церкви Востока), маргинальные религиозные группы и т. п.

Первые две стратегии могут стать основой для еще двух стратегий второго уровня (четвертая и пятая в нашей классификации). Хотя, безусловно, возможна и ситуация, когда религиозные организации ограничатся только теми целями, которые заявлены в первых двух стратегиях.

4. Четвертая стратегия предполагает, что религиозные организации начинают задействовать свои ресурсы для изменения сложившихся правил конкуренции с целью создания условий для максимально полной ее реализации. И с этой целью они начинают пытаться максимально тесно сотрудничать с государственными институтами.

5. Пятая стратегия также предполагает взаимодействие с государственными институтами и максимальное использование собственных ресурсов для изменения правил конкуренции. Однако цель здесь будет прямо противоположная – содействие принятию государством каких-либо правовых норм, ограничивающих межконфессиональную конкуренцию.

Отметим, что сама возможность реализации четвертой и пятой стратегии также задается государством. Если модель светскости и вытекающая из нее модель государственно-конфессиональных взаимодействий позволяет отдельным акторам воспользоваться такими стратегиями, то нет ничего удивительного, что религиозные организации пользуются предоставляемой возможностью и пытаются с помощью государства изменить конкурентную среду исходя из своих конфессиональных предпочтений.

Именно поэтому, исходя из задач нашего исследования, проблема конкуренции существующей в России модели светскости должна быть рассмотрена в рамках не общественных отношений (в широком смысле), а государственных. В этом случае мы рассматриваем реализацию конкурентной светскости через призму государственно-конфессиональных отношений и смотрим, какие «правила игры» формирует государство, как оно ограничивает или поощряет тех или иных субъектов этих отношений, какие государственные институты для этого задействуются, какие формы конкуренции в итоге формируются. Конкуренция при таком подходе будет пониматься как характеристика государственно-конфессиональных отношений, показывающая возможности религиозных организаций находиться в состоянии соперничества, т. е. конкуренции по отношению друг к другу в контексте их взаимодействий с государством.

Исходя из вышесказанного, при анализе современной российской модели светскости предлагается рассмотреть понятие конкурентности в двух аспектах: конституционно-правовом и институциональном, которые также взаимно обуславливают друг друга.

Первые предпосылки либерализации советского религиозно-законодательства и формирования нового конкурентного пространства начались с апреля 1988 г., когда состоялась встреча патриарха Пимена и постоянных членов Священного синода РПЦ с М.С. Горбачевым. В рамках этой встречи представителям Церкви было обещано прекратить дискриминацию религиозных организаций и предпринять шаги по изменению законодательства, направленные на формирование новой конкурентной среды, в которой, в отсутствие диктата со стороны государства, религиозные организации получили бы максимально широкие возможности для своей

деятельности⁶. Общественные дискуссии конца 1980-х – начала 1990-х годов не ставили своей целью каким-либо образом концептуализировать понятие конкурентной модели светскости и соответствующих правовых ограничений. Как аксиома воспринимался тезис о том, что конкуренция религиозных учений в отсутствие доминирования государственной идеологии не должна искусственно ограничиваться, что «невидимая рука рынка» проявит себя и в этой области общественных отношений и приведет к устойчивой модели светскости. Первым законодательным актом, отразившим перемены, стал принятый 1 октября 1990 г. Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях». Во многом он формализовал подобный дискурс⁷. Хотя союзный закон в связи с распадом СССР действовал недолго, его основные положения были сохранены и продублированы в российском законодательстве – в том числе и в первом российском нормативном акте, регламентирующем права верующих и религиозных организаций – Законе РСФСР «О свободе вероисповеданий»⁸.

Дальнейшее развитие законодательного процесса, связанного с религиозной сферой, шло некоторое время в направлении включения либеральных норм европейского права в российскую правовую систему. Так, в 1991 г. была принята Декларация прав и свобод человека и гражданина, гарантирующая свободу религиозной деятельности и право распространять религиозные убеждения⁹. Развитие этих положений продолжилось в основном законе, регламентирующем положение религиозных объединений в России – Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 г. и действующей по сей день.

Конституция РФ, провозгласив светскость государства и определив, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, что религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом, завершила формирование контуров максимально конкурентной модели светскости. На этапе общественного обсуждения Конституции высказывались мнения, что степень конкуренции в формируемой модели светскости необходимо искусственно ограничить, что либеральная интерпретация принципов свободы совести и вытекающих из них моделей государственно-конфессиональных отношений не соответствуют историческому опыту России, а консервативные круги в РПЦ прямо предлагали наделить РПЦ особым статусом¹⁰. Однако принятые нормы Конституции РФ свели на нет дискуссию о возможности выделения государственной церкви или присвоения той или иной религиозной традиции или группе религиозных

традиций статуса главенствующего вероисповедания. Также стали неактуальны и предложения о заключении специальных соглашений или конкордатов между государством и приоритетными религиозными организациями, подчеркивающих их особый правовой статус. Именно с этого момента можно говорить о формировании современной российской модели светскости в ее конституционно-правовом аспекте. При этом ее формирование шло в том же тренде, что был задан в 1989 г., т. е. максимальная реализация принципов конкурентности. Этот вектор стал претерпевать изменения только к 1997 г. И здесь значительную роль сыграли крупнейшие российские религиозные организации, существовавшие в правовом пространстве государства еще со времен СССР. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. они приветствовали либерализацию религиозного законодательства и попытались реализовать в предложенных государством рамках стратегию максимальной вовлеченности в конкурентную борьбу, ведя активную миссионерскую работу и прозелитическую деятельность. Однако столкнувшись с ситуацией невозможности конкурировать с аналогичной деятельностью зарубежных религиозных организаций, имеющих несопоставимые организационные и материальные ресурсы, а также опыт практической работы в условиях конкурентных моделей светскости иных государств, они выбрали пятую стратегию (согласно нашей типологии), направленную на изменения сложившихся правил конкуренции с целью способствовать введению государством каких-либо правовых норм, эту конкуренцию ограничивающих¹¹. В первые годы после принятия Конституции активизировался и публичный дискурс о рисках утраты религиозной идентичности из-за действий зарубежных миссионеров, о религиозном прозелитизме. Из всех российских религиозных организаций Русская православная церковь (далее РПЦ) максимально эффективно продуцировала этот дискурс (преимущественно в контексте католического прозелитизма и неправомерности инославной миссии в пределах своей канонической территории¹²) и сумела на практике реализовать стратегию ограничения конкурентности. Особенно ярко это проявилось на этапе разработки и принятия в конце 1990-х гг. закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Этот документ имел принципиальное значение в контексте рассматриваемой проблематики, т. к. одной из причин его принятия была необходимость регулирования деятельности иностранных миссионеров. Сужение конкурентного пространства после принятия этого закона получило правовое обоснование – появились жесткие критерии (например, 15-летний срок существования на

территории России), соответствие которым позволяло религиозному объединению получить статус религиозной организации и обрести полную правосубъектность. Характерно, что религиозными объединениями, которые не могли соответствовать требованиям нового закона, подобные нормы рассматривались именно как заградительные, сужающие конкурентное пространство религий. Борьба с ними велась с привлечением международных институтов и завершилась успехом только в 2015 г., когда на основании постановления Европейского суда по правам человека от 1 октября 2009 г. (принятому на основании заявления членов общины «свидетелей Иеговы») российские законодатели отказались от наиболее жестких норм ограничения регистрации религиозных организаций по критерию их пребывания на территории РФ¹³. Подобная либерализация коснется в первую очередь деятельности протестантских общин, которые не входят в структуру централизованной религиозной организации и смогут более активно вести свою деятельность в новом правовом статусе.

Еще одним сюжетом, который активно дискутировался на этапе принятия Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и который с тех пор периодически актуализируется в публичном дискурсе, является возможность закрепления приоритетного статуса традиционных для России вероисповеданий. В упомянутом выше законе известная преамбула о том, что «Российская Федерация является светским государством, признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры», что она уважает «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России»¹⁴, не имеет нормативного характера. Однако на ее основе выстраивается практика уже институциональных взаимодействий с организациями, которые претендуют на то, чтобы представлять указанные в Законе религиозные традиции.

Хотя религиозные организации с разной степенью успешности применяли стратегии по реализации собственного видения содержания законов, регулирующих их деятельность (возвращение и передача движимого и недвижимого имущества, налоговые льготы при осуществлении уставной деятельности, вопросы финансирования конфессионально-ориентированных учебных заведений и ряд других), принципиальных изменений в конкурентном аспекте нормативно-правовой составляющей российской модели светскости, затрагивающих базовые условия существования религиозных организаций в российском государстве в период с 1997 по 2015 г. (до

момента внесения поправок в закон «О свободе совести и религиозных объединениях»), не наблюдалось. Исключением здесь являлась только последовательная политика государства по исключению из конкурентного пространства тех религиозных объединений, деятельность которых может расцениваться как экстремистская¹⁵. При этом если мы возьмем такие направления взаимодействий, как религия и армия, религия и система государственного образования, в рамках которых наблюдалось сотрудничество государства с ограниченным количеством религиозных организаций, то увидим, что речь будет идти о конкретной институциональной практике. В правовой же системе не устанавливалось приоритетов подобных взаимодействий, но и не отрицалась возможность избирательного сотрудничества государства с наиболее крупными и значимыми для общества религиозными организациями.

Говоря об институциональном аспекте конкурентной модели светскости, следует отдельно упомянуть Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, который де-факто является своеобразным фильтром, выделяющим из нескольких десятков централизованных религиозных организаций, зарегистрированных Министерством юстиции РФ, те, которые имеют возможность для более тесного сотрудничества с государством. Фактически государственные институты взаимодействуют только с теми организациями, которые представлены в Совете. Особенности работы, персональный состав, конфессиональная принадлежность привлеченных экспертов таких государственных институтов, как Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ и Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы РФ, демонстрируют, что наиболее интенсивные взаимодействия осуществляются не только с зарегистрированными централизованными религиозными организациями, что достаточно очевидно, но, в первую очередь, с теми из них, кто претендует на институциональное представление соответствующей религиозной традиции или хотя бы значительной ее части – Русской православной церковью Московского патриархата, Советом муфтиев России, Центральным духовным управлением мусульман России, Координационным центром мусульман Северного Кавказа, Федерацией еврейских общин России, Конгрессом еврейских религиозных общин и организаций России, Буддийской традиционной Сангхой России. Преимущественно только с этими же организациями выстраивают институциональные взаимодействия такие министерства и ведомства, как Минобороны, МВД, МИД, Минобрнауки и др. Подобная модель формиро-

валась на протяжении 1997–1998 – начала 2000-х гг. и фактически очертила рамки ограниченной конкурентности в институциональном аспекте современной российской модели светскости.

Государство на протяжении всего рассматриваемого периода задает формат конкурентности существующей модели светскости, используя механизмы правового регулирования, а также реалии институциональной практики. В первом случае происходит ограничение правосубъектности отдельных религиозных объединений по критериям, определяемым приоритетами национальной безопасности. В середине 1990-х годов в качестве угрозы национальной безопасности выступала трансформация религиозной и культурной идентичности жителей РФ по результатам активной деятельности иностранных миссионеров, и именно этим во многом обосновывалось включение в правовую систему заградительных норм, связанных с регистрацией религиозных организаций. К 2015 г. эта угроза потеряла актуальность и соответствующие нормы были исключены из законодательства. К середине «нулевых» основными угрозами стали терроризм и экстремизм, и началось более интенсивное исключение связанных с этими явлениями религиозных организаций из конкурентного пространства. Выделение приоритетов в институциональном взаимодействии, создающее преимущества определенным религиозным организациям, по критериям их большей или меньшей значимости для общества, сформировало к середине 2000-х гг. режим ограниченной институциональной конкурентности, который можно рассматривать как одну из базовых характеристик современной российской модели светскости.

Примечания

- ¹ *Донцев С.П.* К вопросу о моделировании государственно-конфессиональных взаимодействий // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: Материалы X Междунар. науч. конф.: В 2 ч. Ч. 2. М., 2013. С. 166–172.
- ² *Понкин И.В.* Современное светское государство: конституционно-правовое исследование. М.: Ин-т гос.-конфес. отнош. и права, 2005. С. 14–25.
- ³ Там же. С. 28.
- ⁴ *Лобделл У.* Теряя веру: Как я утратил веру, делая репортажи о религиозной жизни. М.: Эксмо, 2011.
- ⁵ Основные принципы отношения Русской православной церкви к инославии: Сб. документов и материалов юбилейного Архиерейского собора Русской православной церкви. Н. Новгород, 2001. С. 157.

- ⁶ *Цытин В.* История Русской Церкви: [В 9 кн.]. [Кн. 9]: 1917–1997. М., 1997. С. 461.
- ⁷ Закон СССР № 1689-І от 1 октября 1990 г. «О свободе совести и религиозных организациях» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 41. Ст. 813.
- ⁸ Закон РСФСР № 267-І от 25 октября 1990 г. «О свободе вероисповеданий» // Российская газета. 1990. 8 дек.
- ⁹ Постановление Верховного совета РСФСР № 1920-І от 22 ноября 1991 г. «О декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.
- ¹⁰ См., например: *Иоани (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.* Битва за Россию: православие и современность. СПб., 1993; *Он же.* Русь соборная: очерки христианской государственности. СПб., 1994.
- ¹¹ *Донцев С.П.* Русская православная церковь и государство на рубеже XX–XXI вв.: проблемы взаимодействия. М.: РГГУ, 2014. С. 24–25.
- ¹² Там же. С. 138–139.
- ¹³ См. подробнее: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О свободе совести и о религиозных объединениях”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4387.
- ¹⁴ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Там же. 1997. № 39. Ст. 4465.
- ¹⁵ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Там же. 2002. № 30. Ст. 3031.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2009 ГОДА В ИРАНЕ КАК ПОПЫТКА КОНКУРЕНТНОГО ВЫБОРА В ОТВЕТ НА МОНОПОЛИЗМ ГОСУДАРСТВА*

Политическая система Исламской Республики Иран (ИРИ) – уникальное явление, в котором переплетены как республиканские, так и исламские принципы организации политической власти. Но выборные институты, такие как пост президента или парламент (меджлис) находятся под полным контролем исламских институтов. В этой связи можно наблюдать монополизм религиозной элиты страны в плане осуществления власти. Несмотря на это, во время президентских избирательных кампаний кандидаты, получившие одобрение религиозных властей, вели реальную конкурентную борьбу за победу. В некоторых случаях конечный результат был непредсказуем. Ход президентских выборов 2009 г. имел важное значение для страны, так как заложил почву для массовых протестов оппозиции, не согласной с их результатами.

Ключевые слова: Иран, власть, демонстрации, президентские выборы, религия, оппозиция.

В распоряжении президента намного меньше полномочий и прав, чем у лидера страны. Он поставлен под контроль главы судебной власти и меджлиса (парламента), которые могут отстранить его от должности (меджлису для этого нужно 2/3 голосов). Исходя из Конституции ИРИ, президент является после лидера страны высшим официальным лицом. Он отвечает за выполнение Основного закона и руководит исполнительной властью во всех сферах, кроме тех, что относятся к непосредственному ведению лидера страны. Учитывая то обстоятельство, что за лидером закреплены решающие полномочия во многих областях государственной власти, в полномочия президента входит создание и претворение в жизнь социальных, экономических, политических и культурных

проектов развития государства, а также подписание соглашений и договоров ИРИ с другими странами. Он представляет Иран на международной арене¹.

Президент избирается на 4 года. Одному лицу запрещено находиться на президентском посту более двух сроков подряд. Кандидат считается избранным, если за него проголосовали более 50 % населения страны. Если в первом туре никто не получает необходимые 50 % голосов, то назначается второй тур, где избиратели голосуют за двух лидирующих после первого тура кандидатов. Победителю необходимо получить простое большинство голосов.

Для того чтобы человек стал кандидатом на пост президента, его кандидатуру должен утвердить Наблюдательный совет. Этот институт имеет функции второй палаты иранского парламента, т. е. без его одобрения ни один из принятых меджлисом законов не может вступить в силу. Также Наблюдательный совет имеет полномочия отсеивать кандидатов на выборах во все центральные органы власти. Принцип формирования этого института следующий: 6 человек делегирует лидер страны, выбирая из наиболее компетентных представителей шиитского духовенства; 6 человек избираются меджлисом по представлению главы судебной власти. Срок полномочий каждого из его членов составляет 6 лет, каждые 2 года происходит ротация на 1/3. Важное значение имеет то обстоятельство, что именно 6 человек, назначенных лидером страны, принимают решение о соответствии кандидата на пост президента исламу. Уровень отсева очень высокий. Например, на президентских выборах 1997 г. Наблюдательный совет заблокировал 238 кандидатов, оставив в предвыборной гонке только 4 человека; на выборах 2001 г. было зарегистрировано 814 кандидатов, Наблюдательным советом было разрешено участвовать в выборах только 10; в 2005 г. при 1014 заявках в выборах приняли участие 7 человек².

В соответствии с принятым в ноябре 2008 г. законом, на пост президента в 2009 г. могли баллотироваться граждане Ирана в возрасте от 40 до 75 лет, имевшие высшее образование (ученую степень магистра или ее эквивалент) и исповедовавшие ислам шиитского (джафаритского) толка³. Президентом Ирана может стать только гражданин ИРИ, имеющий иранское происхождение. Он должен обладать таким качеством, как распорядительность, иметь организационные способности, достойную биографию, набожностью, религиозностью, верить в основы Исламской Республики⁴. Именно по этим критериям Наблюдательный совет производит основной отсев кандидатов на президентский пост.

Президент формирует кабинет министров, который должен получить вотум доверия меджлиса. Голосование проходит по кандидатуре каждого министра в отдельности⁵. Меджлис имеет право объявить вотум недоверия как одному министру, так и всему правительству. Также он может проголосовать за объявление импичмента президенту. Отстранить президента от должности может и глава судебной власти, но это решение, как и решение меджлиса, должно быть одобрено лидером страны.

В правительстве есть некоторые ключевые посты, которые добавляются президенту, а также самому кабинету министров политический вес. Это пост министра культуры и исламской ориентации, в ведении которого находятся регистрация новых СМИ, пролонгирование или отзыв лицензии у старых, а также пост министра внутренних дел, в полномочия которого входит назначение губернаторов провинций ИРИ, а также регистрация общественных групп и политических партий.

Выборы президента ИРИ прошли 25 января 1980 г., практически через год после победы исламской революции, 11 февраля 1979 г. Все это время управление страной осуществлял Исламский Революционный Совет, созданный аятоллой Рухоллой Хомейни. Первые два президента не смогли закончить свои президентские сроки. Сначала Абдольхасану Банисадру 21 июня 1981 г. меджлисом был вынесен импичмент. Его обвинили в деятельности против шиитского духовенства. Вторым президентом ИРИ Мохаммед Али Раджаи был убит 30 августа 1981 г. в здании правительства, через две недели после инаугурации. Причем в результате теракта погибли также премьер-министр страны и еще три человека.

Каждый из последующих президентов – Али Хаменеи, Али Акбар Хашеми-Рафсанджани, Мохаммад Хатами и Махмуд Ахмадинежад находились в кресле президента два срока подряд. В 2013 г. победителем на выборах стал представитель умеренного крыла иранского политического спектра Хасан Роухани.

Несмотря на отсутствие ключевых властных полномочий, пост президента страны всегда имел огромное значение для тех групп элит, которые боролись за власть в иранской политической системе. После смерти имама Хомейни в 1989 г. и избрания президентом Али Акбара Хашеми-Рафсанджани каждый глава исполнительной власти имел непосредственное влияние на экономический и политический курсы страны.

Победа на президентских выборах гарантирует не только изменение политического курса в направлении, которого придерживаются сторонники победившего кандидата, но еще и места в аппарате

президента и в правительстве для представителей этой группы элит, через которые они могут влиять на принятие политических, экономических, социальных и других решений. Президентский пост, без сомнения, является желанной позицией для многих представителей иранской элиты.

Готовиться к избирательной кампании основные кандидаты начали еще в конце 2008 г. В конечном итоге от реформаторского лагеря участвовали два кандидата: Мехди Кярруби и Мир-Хосейн Мусави. Вокруг последнего сплотилось большинство представителей реформаторской элиты, хотя некоторая ее часть отказалась поддерживать бывшего премьер-министра, так как он, по их мнению, не являлся сторонником реформаторских идей, а пошел на выборы по политическим соображениям. Эти взгляды имели право на жизнь, так как в начале своей избирательной кампании Мусави заявил, что является независимым кандидатом и рассчитывает на содействие со стороны представителей как левого, так и правого лагеря. Но ему не удалось заручиться поддержкой ни одной консервативной партии⁶.

В марте 2009 г. от участия в избирательной кампании в пользу Мир-Хосейна Мусави отказался Мохаммад Хатами. Это было неожиданным для лагеря реформаторов, так как бывший президент имел большую поддержку в иранском обществе. Некоторые эксперты полагали, что на участие в президентской кампании Мусави дал согласие не из-за реформаторских взглядов, а по просьбе высших эшелонов власти, чтобы не допустить на выборах прямого соперничества Мохаммада Хатами и Махмуда Ахмадинежада⁷. Также на решение Хатами могло оказать влияние то, что он не получил однозначного одобрения со стороны лидера страны Али Хаменеи. Более того, в феврале 2009 г. началась открытая кампания против бывшего президента. Были закрыты два его предвыборных сайта, а 11 февраля он подвергся нападению сторонников консервативного лагеря, которые кричали: «Смерть Хатами, не хотим американского правительства»⁸.

Практически все намечавшиеся кандидаты от правого лагеря, за исключением Мохсена Резаи, отказались от президентской гонки в пользу Махмуда Ахмадинежада. Он официально стал единственным кандидатом на пост президента от правых сил.

В Наблюдательный совет было подано 475 заявок (в том числе от 42 женщин) на участие в избирательной кампании по выборам президента. Самому младшему гражданину Ирана, желающему стать президентом, было 18 лет, самому старшему – 86⁹. Регистрация проходила с пятого по восьмое мая, а затем 20 мая Наблюда-

тельный совет объявил окончательный список кандидатов в президенты, в который вошли четыре фамилии. Официальная избирательная кампания стартовала 22 мая 2009 г. и продлилась 20 дней.

Главной особенностью избирательной кампании стало то, что примерно за 10 дней до выборов предвыборная обстановка перешла из рутинной стадии в фазу активации и мобилизации сторонников кандидатов. Начало избирательной кампании в марте 2009 г. не предвещало никаких значительных событий перед ее завершением. Как указывали некоторые исследователи, народ был апатичен, а пропаганда оппозиционных кандидатов за пределами Тегерана была рутинной и основанной на простых призывах о поддержке к группам с революционным статусом: ветеранам войны, студенческим университетским ассоциациям, местным священнослужителям, а через них к прихожанам мечетей. Эти предвыборные митинги привлекали много людей, но было сомнительно, чтобы организационная сила кампаний кандидатов могла обеспечить высокую явку, необходимую для повторения результатов выборов конца 1990-х гг., когда население активно голосовало за реформаторов¹⁰.

Однако первая неделя июня 2009 г. изменила восприятие выборов для многих иранцев. Мир-Хосейна Мусави до этого помнили как отошедшего от дел революционера исламистских взглядов, который был премьер-министром страны в 1980-х годах во время ирано-иракской войны, но затем ушел в отставку и отдалился от политики, занявшись живописью, поэзией и архитектурным дизайном. Внезапно он вновь появился на политической сцене как символ вызова текущему состоянию дел, давая тем самым шанс для свержения действующего президента. Скорее всего, на это повлияли предвыборные дебаты, поддержка Мохаммада Хатами, а также изменившаяся предвыборная риторика Мусави, который начал делать акцент на увеличении свобод граждан и либеральных реформах, а не на своем прошлом, как делал раньше.

Произошла «ускоренная мобилизация» протестного электората, которая повлияла также и на активизацию сторонников Махмуда Ахмадинежада. Как заявляли некоторые исследователи, усеченная продолжительность избирательных кампаний, которые обычно начинаются за один-два месяца до даты выборов, «способствовала сжатою возбуждению» населения¹¹. Ушла явно наблюдавшаяся апатия граждан 2006–2008 гг., на ее место пришло ощущение эйфории, надежды и демократического участия, иллюзию которого давала яркая атмосфера последних дней избирательной кампании. Отдельный человек смог на время избавиться от чувства одиночества, влекомый толпой единомышленников, объединенных об-

щей идеей и надеждами. Как показали некоторые исследования, успешные ритуалы взаимодействия могут оказать очистительное действие, трансформируя чувства злости и страха в энтузиазм и моральную уверенность¹².

Избирательная кампания Махмуда Ахмадинежада была хорошо организована и профинансирована. В его руках был административный ресурс, например, сеть местных ячеек полувоенного корпуса Басиджей, а также администрации губернаторов. Важным обстоятельством, произошедшим в начале официальной избирательной кампании, а точнее 12 мая, было заявление лидера страны Али Хаменеи о поддержке Махмуда Ахмадинежада¹³, что еще больше увеличило шансы на победу действующего президента. Во время предыдущих президентских выборов Хаменеи не высказывался ни в чью пользу, оставаясь над схваткой, поэтому данное заявление сделало его более активным участником политического процесса и объектом критики со стороны сторонников оппозиционных кандидатов как до выборов, так и после них. Этот факт говорит также о том, что правый лагерь постарался мобилизовать все имеющиеся у него ресурсы, включая заявление лидера страны, чтобы обеспечить победу действующему президенту.

Кампания Мир-Хосейна Мусави была поддержана большинством сторонников реформаторского лагеря, которые, часто действуя отдельно от центрального избирательного штаба или будучи вообще официально с ним не связанными, придумывали слоганы и постеры в поддержку бывшего премьер-министра. Это видно по избирательным плакатам Мир-Хосейна Мусави, которые будут исследованы ниже.

Впервые за время проведения президентских кампаний в Иране ее участники использовали определенные цвета. Так, сторонники Мир-Хосейна Мусави стали носить ленты зеленого цвета, поэтому послевыборное протестное движение получило название «зеленое». Выбор данного оттенка объяснялся тем, что Мир-Хосейн Мусави являлся прямым потомком пророка Мухаммеда через его дочь Фатиму и двоюродного брата Али, которые состояли в браке, а зеленый цвет является цветом ислама. Род пророка очень важен для шиитского ислама, представителей которого в Иране подавляющее большинство. Именно представители этой линии, по версии шиитов, являются истинными правителями в исламском государстве. О принадлежности Мусави к этому роду по матери говорит приставка «Мир» к его имени. Предполагалось, что таким образом Мусави будет сочетать в себе опыт нахождения на посту премьер-министра в 1980-х гг., надежду на свободное будущее для мо-

лодого поколения и воплощение исламской традиции для религиозных людей. Хотя сам Мусави не имел религиозного образования.

Другой кандидат на пост президента от левого лагеря Мехди Кярууби выбрал для себя белый цвет как символ чистоты.

Данные цветовые обрамления избирательной кампании реформаторов вызвали критику со стороны их оппонентов из консервативного лагеря, которые прямо указывали на аналогии с «цветными революциями» на пространстве бывшего СССР. Более того, командующий Корпусом стражей исламской революции (КСИР) генерал Али-Асгар Хани напрямую обвинил оппозиционных кандидатов в подготовке революций по примеру Грузии и Украины в Иране¹⁴. Использование зеленого цвета штабом Мусави было признано их противниками неуместным, так как, по их мнению, нельзя использовать цвет ислама в политической борьбе¹⁵.

В конечном итоге предвыборный штаб Махмуда Ахмадинежада тоже включился в «борьбу оттенков», используя цвета иранского национального флага. Людей с зелено-бело-красными лентами можно было во время избирательной кампании встретить повсеместно.

Со 2 по 8 июня 2009 г. впервые в истории Ирана на третьем государственном телеканале прошли ночные теледебаты между кандидатами на пост президента. Каждый день в эфире встречались по два оппонента. Программа длилась около полутора часов.

Наибольший интерес представляла встреча Махмуда Ахмадинежада и Мир-Хосейна Мусави, которая состоялась 3 июня¹⁶. Необходимо отметить конфронтационный характер дебатов и прямому критику кандидатов, полученную ими друг от друга, что являлось беспрецедентным в иранском политическом дискурсе.

На всем протяжении избирательной кампании в различных городах Ирана фиксировались столкновения между сторонниками Махмуда Ахмадинежада и Мир-Хосейна Мусави. Каждый вечер люди в большом количестве собирались на центральных площадях городов и активно поддерживали своих кандидатов.

Важным итогом периода избирательной агитации мая–июня 2009 г. стало создание пространства для ритуалов взаимодействия между сторонниками различных кандидатов с большой эмоциональной энергией. Ее избыток способствовал мобилизации сторонников Зеленого движения после объявления результатов выборов и достаточно длительному временному промежутку, в который происходили протесты. Возможно, проиграв Махмуд Ахмадинежад выборы, его сторонники также бы начали интенсивные протесты.

Избирательные участки открылись по всему Ирану с 8:00 утра 12 июня 2009 г. Предполагалось, что волеизъявление граждан должно было закончиться в 20:00 по местному времени, однако из-за большого количества желающих проголосовать его продлили до 22:00.

Официальные результаты выборов были следующими: Махмуд Ахмадинежад получил 62,63 % голосов, одержав победу уже в первом туре, Мир-Хосейн Мусави – 33,75%, Мохсен Резаи – 1,73 %, Мехди Кярруби – 0,85 %¹⁷.

После закрытия избирательных участков оба ведущих кандидата, Махмуд Ахмадинежад и Мир-Хосейн Мусави, объявили о своей победе, озвучив цифру 58–60 % голосов в их пользу от общего числа проголосовавших избирателей¹⁸. Мусави также сразу заявил, что результаты выборов могли быть сфальсифицированы¹⁹.

Мнения об этом стали появляться сразу после объявления результатов голосования. Некоторые несостыковки в итоговых данных были признаны даже Наблюдательным советом. Например, он признал, что в 50 иранских городах число проголосовавших превышало официальное число избирателей. Правда, совет не нашел в этом ничего странного, сославшись на то, что избиратели в Иране могут голосовать там, где захотят²⁰.

Одной из причин вспыхнувших массовых демонстраций и беспорядков после объявления результатов выборов было то, что Мир-Хосейн Мусави одержал победу в столице страны Тегеране. Здесь он получил 2,1 млн голосов, в то время как за Махмуда Ахмадинежада проголосовали 1,8 млн человек.

Подавляющее большинство вышедших на улицы были уверены в фальсификации результатов. Многие сторонники оппозиции выходили на улицы с плакатами, на которых было написано «Где мой голос?». Выступавших было от нескольких десятков до сотен тысяч человек. Протестующие были поддержаны тремя проигравшими кандидатами, которые заявили, что протесты должны быть продолжены, что было впервые в истории ИРИ. В середине июля Мир-Хосейн Мусави распространил доклад, в котором обвинил президента Ахмадинежада в нарушении Закона о президентских выборах в части подкупа избирателей и прямой покупке голосов²¹.

Но на достоверность данных о голосовании указывают оценки американской разведки, исходя из которых Махмуд Ахмадинежад в целом имел большую поддержку населения за пределами Тегерана²². Более того, на победу действующего президента указывают и документы американских спецслужб, выложенные на WikiLeaks. Так, в сообщении некоего Шахрияра Мохтари говорится, что, несмотря на поступающую информацию о фальсификации резуль-

татов голосования, это не соответствует действительности. По его мнению, могли иметь место определенные манипулирования избирательным процессом в пользу Махмуда Ахмадинежада, но это не повлияло на его окончательную победу, о чем может свидетельствовать достаточно большой отрыв действующего президента от его оппонентов²³.

Склоняются в пользу относительной победы Махмуда Ахмадинежада и исследователи, использующие в своей работе статистические методы. Правда, делают они это весьма осторожно. Нэйт Силвер сравнил результаты Махмуда Ахмадинежада в 2009 г. с результатами первого тура 2005 г. кандидатов от консервативного лагеря (Ахмадинежад, Лариджани и Галибафа) и обнаружил некоторые несовпадения. Например, в провинции Лурестан в 2005 г. кандидаты-консерваторы получили лишь 20 % голосов, а в 2009 г. 71 % избирателей проголосовали за Махмуда Ахмадинежада. В Тегеране, напротив, поддержка представителей правого лагеря в 2009 г. уменьшилась по сравнению с 2005 г. В целом по стране корреляция между результатами 2005 и 2009 гг. все-таки присутствовала, но в слабой форме. Поэтому Силвер не стал делать однозначный вывод о фальсификациях, так как предпочтения избирателей могли меняться со временем²⁴.

Некоторые исследователи проанализировали выборы в Иране с помощью закона Бенфорда. Этот закон касается распределения первых нескольких цифр больших номеров. Он используется ЦРУ при анализе налоговых деклараций. Исходя из этого закона, чисел, начинающихся с единицы, всегда встречается больше, чем начинающихся с двойки. Количество номеров, начинающихся на цифру 2, всегда превышает количество номеров, начинающихся на цифру 3, и т. д.: $3 > 4$, $4 > 5$, $5 > 6$, $6 > 7$, $7 > 8$, $8 > 9$. Поскольку люди не могут эффективно создавать случайные числа, существует хороший шанс, что цифры, которые человек придумывает сам, не будут соответствовать закону Бенфорда²⁵.

Такой анализ по отношению к президентским выборам в Иране провел Вальтер Мебане. Он пришел к выводу о существовании статистических искажений в подсчете голосов, отданных за Мехди Кяруubi и Мохсена Резаи, в сторону уменьшения. Также им были найдены статистические несоответствия в результатах Махмуда Ахмадинежада в сторону увеличения поданных за него бюллетеней. Но данные Мир-Хосейна Мусави, по его мнению, были верными. Мебане сделал вывод, что если и была фальсификация итогов голосования, то она заключалась в отъеме голосов у Кяруubi и Резаи и передачи их Ахмадинежаду. В этом случае вероятен был второй тур голосования, хотя данных, точно подтверждающих это, в распоряже-

нии Мебане не было²⁶. Также он обнаружил закономерность, заключающуюся в том, что чем больше голосов набирал Махмуд Ахмадинежад на избирательных участках, тем меньше там было испорченных или недействительных бюллетеней. В отношении Мир-Хосейна Мусави такой динамики не наблюдалось. Простым объяснением данной закономерности может быть вброс бюллетеней за Ахмадинежада либо какое-то другое действие, искусственно прибавляющее голоса к его результатам. Мебане пришел к выводу, что таким способом доля действующего президента в официальных результатах голосования могла увеличиться на 5 %²⁷.

В целом можно констатировать, что результаты выборов были относительно правдоподобными, но с некоторым завышением в пользу Махмуда Ахмадинежада.

На президентских выборах 2009 г. в Иране были отмечены следующие тенденции.

Во-первых, консолидация основных групп элит вокруг своих кандидатов, поэтому их было всего четыре человека. Здесь нужно остановиться на отказе Мохаммада Хатами, который имел большую популярность у населения, от участия в выборах, так как это изменило предвыборный расклад и сценарий избирательной кампании. Несмотря на то что он был вторым лицом предвыборной агитации Мир-Хосейна Мусави и всячески оказывал ему поддержку, бывший премьер-министр, очевидно, не смог набрать того количества голосов, которые были бы у Хатами, если бы он участвовал в выборах.

Во-вторых, важную роль в избирательной кампании сыграли проведенные впервые в истории ИРИ телевизионные дебаты между кандидатами, что выглядело весьма живо и показало избирателям профессиональные качества участников.

В-третьих, жесткость проведения избирательной кампании, что выразилось не только во взаимных обвинениях кандидатов друг друга, но и в столкновениях их сторонников.

В-четвертых, эмоциональный подъем сторонников кандидатов, особенно тех людей, которые поддерживали Мир-Хосейна Мусави, в сравнении с 2006–2008 гг., когда настроение реформаторской части населения было подавленным. Эта эйфория впоследствии придаст импульс Зеленому движению.

Результаты выборов, скорее всего, соответствовали реальному голосованию населения с некоторыми подтасовками в пользу Махмуда Ахмадинежада. Сложилось впечатление, что действующего президента страховали от случайностей. Ведь за ним стояли не только представители консервативного лагеря, который находился у власти, но и иранские спецслужбы. Поэтому в распоряжении

Ахмадинежада был огромный административный ресурс. В этой связи можно отметить, что и Мохаммад Хатами столкнулся бы с большими трудностями, участвуя он в избирательной кампании в качестве кандидата. Скорее всего, действующий президент не нуждался в подстраховке, так как имел достаточный рейтинг у избирателей. Опасность представляла только возможность второго тура. Но тем не менее имевшие место случаи фальсификации дали повод оппозиции усомниться в результатах выборов и выйти на улицы.

Примечания

- ¹ См.: Конституция Исламской Республики Иран. Тегеран, 1999. Ст. 122–141.
- ² См.: *Szrom Ch.* Historical Data on Iranian Presidential Elections // Iran Tracker [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irantracker.org/analysis/historical-data-iranian-presidential-elections> (дата обращения: 20.06.2015).
- ³ См.: *Сажин В.И.* Иран: апрель – 2009. Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=8700> (дата обращения: 20.06.2015).
- ⁴ Конституция Исламской Республики Иран. Ст. 115.
- ⁵ См.: *Манучехри А.* Политический строй Ирана. Тегеран, 2002. С. 54. [На перс. яз.]
- ⁶ См.: Iran: Foreign Policy & Government Guide. Vol. 1. Strategic Information and Policies. Washington, DC, 2010. P. 101.
- ⁷ См.: *Дунаева Е.В.* Подготовка к президентским выборам в Иране // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=8466> (дата обращения: 20.06.2015).
- ⁸ См.: *Мамедова Н.М.* Политический портрет М.Х. Мусави и его шансы на предстоящих выборах президента ИРИ // Там же [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=8412> (дата обращения: 20.06.2015).
- ⁹ См.: *Артемов А.* Предвыборная поддержка свыше // Газета.Ру [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2009/05/12_a_2985513.shtml (дата обращения: 20.06.2015).
- ¹⁰ См.: *Harris K.* The Brokered Exuberance of the Middle Class: An Ethnographic Analysis of Iran's 2009 Green Movement // Mobilization: An International Quarterly. 2012. Vol. 17. № 4. P. 439.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² См.: *Collins R.* Social Movements and the Focus of Emotional Attention // Passionate Politics: Emotions and Social Movements. Chicago, 2001. P. 29.
- ¹³ См.: *Артемов А.* Указ. соч.
- ¹⁴ См.: В Иране пытаются совершить «бархатную» революцию – командир «Септах» // Российское информационное агентство Iran.ru [Электронный ресурс].

- URL: http://www.iran.ru/news/politics/57408/V_Irane_pytayutsya_sovershit_barhatnuyu_revolyuciyu_komandir_Sepah (дата обращения: 20.06.2015).
- ¹⁵ См.: Battle of colors in Iran's presidential campaign // Press TV [Электронный ресурс]. URL: <http://edition.presstv.ir/detail/96235.html> (дата обращения: 20.06.2015).
- ¹⁶ См.: Debate: Ahmadinejad vs Mousavi // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=h3TGHq8-SIY> (дата обращения: 20.06.2015).
- ¹⁷ См.: [Окончательные результаты президентских выборов] // Islamic Republic of Iran. Ministry of Interior [Электронный ресурс]. URL: <http://moi.ir/Portal/Home/ShowPage.aspx?Object=News&CategoryID=832a711b-95fe-4505-8aa3-38f5e17309c9&LayoutID=dd8faff4-f71b-4c65-9aef-a1b6d0160be3&ID=5e-30ab89-e376-434b-813f-8c22255158e1> (дата обращения: 20.06.2015).
- ¹⁸ См.: Ahmadinejad wins Iran presidential election // BBC News [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/8098305.stm (дата обращения: 20.06.2015).
- ¹⁹ См.: *Fletcher M.* Scuffles in Tehran as Ahmadinejad and Mousavi both claim victory // The Times [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/world/middleeast/article2604937.ece> (дата обращения: 20.06.2015).
- ²⁰ См.: Guardian Council: Over 100 % voted in 50 cities // Press TV [Электронный ресурс]. URL: <http://previous.presstv.ir/detail/98674.htm?sectionid=3510212> (дата обращения: 20.06.2015).
- ²¹ См.: *Месамед В.И.* Иран: репрессии против деятелей оппозиции // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=9317> (дата обращения: 20.06.2015).
- ²² См.: *Windrem R.* U.S. official: Iran not on brink of revolution // NBC News [Электронный ресурс]. URL: http://www.nbcnews.com/id/31391438/ns/world_news-mideastn_africa/#.U-8hsfl_tb4 (дата обращения: 20.06.2015).
- ²³ См.: *Mokhtari Sh.* The Global Intelligence Files – Fwd: [Letters to STRATFOR] Iran election // WikiLeaks [Электронный ресурс]. URL: https://wikileaks.org/gifiles/docs/97/970701_fwd-letters-to-stratfor-iran-election-.html (дата обращения: 20.06.2015).
- ²⁴ См.: *Silver N.* Iranian Election Results by Province [UPDATED] // FiveThirtyEight [Электронный ресурс]. URL: <http://fivethirtyeight.com/features/iranian-election-results-by-province/> (дата обращения: 20.06.2015).
- ²⁵ См.: Observing the Venezuela Presidential Recall Referendum: Comprehensive Report. P. 132 // The Carter Center [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cartercenter.org/documents/2020.pdf> (дата обращения: 20.06.2015).
- ²⁶ См.: *Mebane W.R.* Note on the presidential election in Iran, June 2009. P. 25–26 // U–M Personal World Wide Web Server [Электронный ресурс]. URL: <http://www-personal.umich.edu/~wmebane/note17jun2009.pdf> (дата обращения: 20.06.2015).
- ²⁷ Ibid.

О ПОПЫТКЕ МОНОПОЛИЗАЦИИ ИСТИНЫ (на примере языковой политики Королевства Саудовская Аравия)

В статье предпринята попытка языковой интерпретации основных институтов, используемых в политико-правовой системе Королевства Саудовская Аравия (далее КСА). Такие понятия, как «государство единобожников», «королевство истинного ислама», «Ханбалитская школа суннитского ислама как единственная версия ислама», «остров религиозной чистоты», становятся ключевыми в мессианском языке КСА, который, по мнению автора статьи, обладает определенным интерпретационным ресурсом при описании норм источников ислама (Корана, Сунны и т. д.), трудов Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба, и, наконец, тех правовых норм (Низам 1992 г.), которые возникли после образования Саудовской Аравии как независимого государства.

Ключевые слова: Ханбалитская школа суннитского ислама, принцип единобожия (таухид), остров религиозной чистоты, религиозно-политическая миссия, многобожник (мушрик), священная война (джихад), справедливость, Комитет по распространению добродетели и пресечению порока, религиозный наставник (мутавва), порицаемые шариатом вещи (грех, порок), истина, страх, терроризм.

Важнейшей вехой в развитии христианства и ислама стало их дробление на направления: христианства – на конфессии (католицизм, протестантизм, православие) и ислама – на юридические (доктринальные) школы (мазхабы). Процесс государственно-политического раздела некогда «единой веры» аналогичен рецепции римского права в средневековой Европе: общее античное наследие было разделено между континентальными европейскими государствами, которые «смешали» удобные им интерпретации римского права со своими национальными (феодальными) системами и воплотили их в виде кодексов и конституций.

Политизация религии в форме ее разделения на направления была вызвана, во-первых, дроблением веры сформировавшимися государственными границами и, во-вторых, смешением христианства/ислама с национальными обычаями и традициями. Так, «частые пробелы» в Коране заполнял ряд обычаев государств Аравийского полуострова (обряд обрезания, принцип племенной иерархии и т. д.¹). Следствием такого смешения стало создание маликитского, шафиитского и ханбалитского мазхабов. В Европе несогласие с политикой Святого престола привело к возникновению протестантизма, расколовшего западный христианский мир раз и навсегда, а возникновение США дало толчок к появлению неклассического протестантизма, разделенного на такие деноминации, как баптизм, мормонизм, адвентизм, сайентология и т. д.²

Единственное, что роднит расколовшие «единую веру» религиозно-государственные группировки, так это то, что каждая из них считала себя (в зависимости от типа религии) либо истинными христианами, либо истинными мусульманами. Другими словами, конкретное религиозное направление всегда позиционирует себя как *монополист истины*, наполняя само понятие *истина* субъективно-религиозным содержанием. Как отмечает австрийский историк К. Вóцелка: «... При оценке последних [суеверий. – Б. А.] всегда следует помнить, что определение чего-либо как “суеверия” всегда вытекает из убежденности церкви в том, что единственная истина известна только ей, и никому более»³.

Таким образом, раскол единой веры (как и раскол римского права на различные формы рецепций – *usus modernus, mos gallicus, mos italicus* и т. д.) вызван объективными причинами: религия, как правило, несет отпечаток национальных – доисламских или дохристианских – традиций. При этом не только отдельным религиозным группировкам, но и целым государствам выгодно поддерживать раскол единой веры для легитимации собственной власти и монополии на истину. Так, Королевство Саудовская Аравия, единственная исламская страна, в которой действует *Ханбалитская школа суннитского ислама*, тратит огромное количество нефтедолларов на популяризацию своего видения ислама. «Саудовцы, – по словам бывшего госсекретаря США М. Олбрайт, – убеждены в том, что истинной верой является ислам и только ислам. Они всячески способствуют распространению их собственной религии, запрещая в то же время в своей стране любые другие вероисповедания. Поразительно, но они не видят в этом никакого противоречия или непоследовательности. Во время моих бесед с официальными лицами Саудовской Аравии последние особо подчеркивали статус

королевства как покровителя и защитника ислама. В этом наглядно проявлялись свойственное им чувство исключительности и ощущение долга, заключающегося в том, чтобы распространять свою веру»⁴. Однако для распространения «веры» необходим определенным образом структурированный *мессианский язык*, который бы максимально охватывал различные области человеческого бытия – религию, юриспруденцию, политику и быт. И такой язык был выработан. Он оформляет ортодоксальную (а потому узкую) интерпретацию ислама со стороны государственно-политической группировки ваххабитов, которая не только определяла процедуру хаджа, но и диктовала исламскому миру свое видение ислама в качестве единственно верного.

На политической карте мира Саудовское государство существует лишь с 1932 г., но история его династии, двух святынь и религии – ислама – насчитывает столетия. Государственный правопорядок Королевства может показаться большинству государств мира экзотическим, а правовая система – антагонистичной западной правовой мысли. Тем не менее не стоит забывать, что именно в этой части мира проявляется настойчивая попытка сохранить религиозную, политическую и правовую правопреемственность.

Политико-правовые институты КСА производны от ислама, а морально-этические понятия, которыми изобилует терминологический аппарат Королевства, восходят к мессианскому языку этой религии (*принцип единобожия, священная война (джихад), порицаемые шариатом вещи*). Особый, предельный в своем мессианстве язык заложен в обращении к самому Королевству как к *острову религиозной чистоты, великому нефтяному королевству, Третьему государству ваххабитов, Стране двух святынь* и, наконец, *Земле истинного ислама*. Чтобы объяснить причины такого языкового «морализаторского» изобилия, необходим краткий экскурс в историю КСА.

Будучи «заложницей своего географического положения», а именно родиной ислама и страной двух исламских святынь, Саудовская Аравия была вынуждена постоянно доказывать всему миру свой высокий статус религиозного центра мусульман. Образованное менее ста лет назад как *Третье ваххабитское государство*, Королевство быстро стало влиятельным духовным центром исламского мира. Согласно ст. 23 Низама (Конституции Саудовской Аравии, принятой в 1992 г.) оно стоит на защите исламской веры, реализует ее установления, следит за отсутствием греховности, препятствует пороку, выполняет долг распространения ислама. Таким образом, Саудовская Аравия приняла на себя

религиозно-политическую миссию по популяризации и распространению ислама как единственной истинной религии в мире. Для ее выполнения требовался более чем специфический язык, подчеркивающий, с одной стороны, уникальность источника мессианства, а с другой – императивность принятия этой миссии другими государствами.

Американский исследователь Дж. Най в своей книге «Гибкая власть» сравнил затраты на миссионерскую деятельность США по популяризации демократии и миссионерскую деятельность Саудовской Аравии по популяризации ваххабитского ислама: «Подъему радикального исламизма в значительной мере способствовала массивная материальная помощь со стороны Саудовской Аравии... Один эксперт, свидетельствуя в Конгрессе, сказал, что, начиная с 1970-х годов, саудовцы потратили, грубо говоря, 70 млрд долларов на проекты помощи, а другие эксперты утверждают, что они спонсировали функционирование 1500 мечетей и 2000 школ по всему миру, от Индонезии до Франции. Эти организации часто вытесняют более умеренные и хуже финансируемые организации, которые способствуют распространению умеренных интерпретаций ислама. Даже если эти цифры неверны, то и доля этой суммы превращает то, что тратят Соединенные Штаты на публичную дипломатию в мусульманском мире, в “карликовое растение”»⁵. Вытеснение «умеренных интерпретаций ислама» происходит не только за счет огромных сумм, которые КСА тратит на миссионерство, но и во многом благодаря той риторике, которая пропагандирует высокий статус Королевства как *острова религиозной чистоты* (неслучайно в арабском языке Аравийский полуостров обозначается как «Остров арабов»), якобы полностью изолированного от остального мира и не запятнанного вульгарностью Запада. Религиозная чистота, а главное – преднамеренная изолированность Королевства всегда подчеркивалась и подчеркивается до сих пор ее правителями. Так, основатель Саудовской Аравии король Ибн Сауд заявил, что его «королевство будет существовать до тех пор, пока оно будет оставаться труднодоступной страной и пока единственным желанием любого иностранца, завершившего здесь свои дела, будет только одно: поскорее убраться вон»⁶. Сохранение королевства как «труднодоступного» (для иностранцев и иноверцев) возможно лишь при соблюдении основного принципа государственного правопорядка, нашедшего свое отражение в понятии *единобожия* (*таухида*) и интерпретируемого, в свою очередь, через понятие шахада (мусульманский символ веры). В государственном праве Королевства данный принцип отражает, с одной стороны, исключитель-

ность ислама, а с другой – отрицание принципа веротерпимости в отношении других направлений в исламе, а также других религий: в Королевстве запрещено строительство церквей и буддистских храмов, равно как и демонстрация символики других религий. Строгое следование принципу единобожия интерпретируется основателем ваххабизма Муххамедом ибн Абд аль-Ваххабом (1703–1792) как «утверждение единственности Аллаха: Свят Он, в поклонении...»⁷. Сам феномен *единобожия* М. Ваххаб описывает в главной своей работе «Таухид». Строгое следование именно этой норме привело к формированию ортодоксальной правовой системы государства в виде Ханбалитской школы суннитского ислама. Само понятие *ортодоксальности* исключает нововведения (бида), равно как и свободу судебного толкования коранических норм (ограничение прецедентного права). Дополнительным нюансом смысла *ортодоксальности* служит неприятие Королевством любых других религий (кроме ислама): подданными КСА могут быть только мусульмане. Все остальные подвергаются различного рода ограничениям, в том числе – запрету на посещение двух священных городов Королевства (Мекки и Медины), который находит объяснение на страницах главного источника шариата – Корана: «...многобожники поистине нечисты, и пусть они не приближаются теперь к запретной (для греха) мечети, когда минует этот год» [9:28]⁸. Сложность понятия *ортодоксальности* усугубляется дополнительным запретом на существование других, кроме Ханбалитской, школ ислама. И хотя в Конституции КСА (Низаме) 1992 г. данная школа не упоминается в качестве единственной доктринальной основы государства и права, она тем не менее презюмируется в качестве таковой. В данном случае презюмирование (в значении не-упоминания) подразумевает очевидность монолитности ислама, на которой настаивали представители Ханбалитской школы (А. Ханбаль, ибн Теймийа, М. ибн Абд аль-Ваххаб), не признававшие разделения ислама на направления (толки) вообще⁹.

Доктринальной основой дискриминации христианства в Саудовской Аравии служит все тот же феномен ортодоксальности, который находит свое выражение в высказывании шейха Абд аль-Азиз ибн База: «...Пророк сказал: Аллах проклял иудеев и христиан, воздвигнувших на могилах своих пророков храмы»¹⁰. Эта же мысль, но уже о мусульманах-шиитах, прослеживается в книге Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба «Отведение сомнений». «Убивайте их, где бы вы их ни встретили» (при этом субъектом *отведения* является либо сам Аллах, либо Посланник его). Персонификация *врага ислама* в рамках ваххабитского учения осуществляется через понятие *мно-*

гобожник (мушрик) – представитель мира зла или грешник, своим иноверием зло совершающий.

«Возникновение понятия *многобожник*, – пишет известный российский востоковед А.М. Васильев, – связано, с одной стороны, с религиозным конфликтом между новым реформаторским движением ваххабитов и иранским суфизмом, имевшим в своей основе известный христианству культ святых, а с другой – с грабительскими набегами (газу) аравийских племен на своих соседей». Таким образом, идеологическое преимущество ваххабитского учения заключалось в том, что эмир, взявший его на вооружение, из обычного предводителя разбойничьего набега на соседей превращался в борца за «чистоту религии», а его противники становились «слугами дьявола», «идолопоклонниками», «многобожниками»¹¹.

В отличие от традиционного ислама, где Людей книги (христиан и иудеев), язычников и атеистов разделяли (в соответствии с отношением к ним мусульман), в Саудовской Аравии все не-мусульмане были изначально объединены в понятийную категорию *многобожники-язычники* [читай – источники зла]. Их категориальная целостность, с точки зрения ваххабитов, определялась их отношением – обожествлением любого объекта (ангела, пророка, святого угодника, дерева, могилы или джинна), посредством которого они приближались к Аллаху.

Анализируя феномен «многобожничество», М. Ваххаб выделял «великий» и «малый» ширк: «Если же человек уповает на творение Аллаха в том, что может сделать только Аллах, например в достижении победы, заступничестве, даровании пропитания, здоровья и т. п., то он впадает в *великий ширк*¹². Если же он уповает на правителя или обладателя власти, надеясь на то богатство, которым наделил его Аллах, или на то, что он способен защитить его от вреда, то это – *малый ширк*»¹³. В то же время, как отмечает проф. Г.Г. Косач, «... (саудовское) государство само и постоянно нарушает интерпретации М. Ваххаба о многобожниках. Портрет правящего монарха, как и руководителя соответствующего правительственного ведомства, – непрременный атрибут кабинета любого саудовского государственного чиновника. Однако портреты правящего монарха и наследного принца – “греховные”, с шариатской точки зрения, “картины, изображающие человека” – постоянно появляются и на улицах саудовских городов»¹⁴. С другой стороны, картина, изображающая человека, не всегда является объектом поклонения, а скорее – средством визуализации образа, ибо сама картина/фотография есть лишь отображение божественного света Аллаха.

Следствием появления в исламском лексиконе понятия *многобожник* стала новая интерпретация института *джихад* (от араб. «усилие»), ассоциируемого в исламе с вооруженной борьбой мусульман против неверных. Однако в контексте учения ваххабизма джихад приобрел новое толкование: джихад как священная война против многобожников. Такая интерпретация джихада вновь подчеркивала статус Королевства как государства истинных мусульман-единобожников.

В качестве доктринальной основы убийства многобожников приводят аят 191 Суры 2 («Корова») Корана: «Убивайте их (многобожников), где бы вы их ни встретили, и изгоняйте их оттуда, откуда они вас изгнали... Но не сражайтесь с ними у Заповедной мечети, пока они не станут сражаться с вами в ней. Если же они станут сражаться с вами, то убивайте их. Таково воздаяние неверующим!»¹⁵. Данная кораническая норма трактуется известным исламским ученым-ханбалитом Ибн Теймийа следующим образом: «Если во времена Пророка среди людей, относящихся к Исламу, были те, которые отступили от него в великих видах поклонения, то знай же, что в наши дни тоже есть люди, относящиеся к Исламу и Сунне, но отступившие от Ислама по причине чрезмерного возвеличивания некоторых шейхов. Это и возвеличивание Али ибн Абу Талиба, и возвеличивание Мессии, и возвеличивание других пророков и праведников... Все это является ширком и заблуждением, требующим покаяния. *Если же совершающий это не покается, то он заслуживает смерти*»¹⁶. Именно отказ в раскаянии за совершенный ширк должен повлечь, по словам Ибн Теймийа, наказание в виде смерти. Только таким образом, по мнению ученых-ханбалитов, можно было *очистить* ислам от многобожников. Борьба за *чистоту веры*, за возвращение к ее истокам роднит М. Ваххаба, с одной стороны, с московским патриархом Никоном, который считал важным привести русские православные обряды и книги в соответствие с греческими, т. е. вернуть русское православие к греческим корням, а с другой – с английскими радикальными пуританами-протестантами (О. Кромвелем, Дж. Лильберном), боровшимися за очищение протестантизма от католических догм.

Для протестантизма и ваххабизма характерен дух реформаторства, проявляющийся в религиозном конфликте с католицизмом, с одной стороны, и Ханифитской школой Османской империи – с другой. Переосмыслению подвергся и институт посредничества между Богом и людьми, оформленный средствами религиозной атрибутики, которую протестанты (уничтожение икон¹⁷) и ваххабиты (уничтожение идолов) отрицали, сражаясь за бедную «цер-

ковь», за возвращение к изначальным корням – к апостольскому христианству и исламу времен пророка Мухаммеда. Кроме того, и протестантизму, и ваххабизму свойственно большое количество запретов под угрозой суровых наказаний и общественного порицания (запрет музыки, танцев, театра, курения, алкоголя, внебрачных связей). С целью подтверждения этой мысли приведем цитату из книги «Разговор с варваром»¹⁸ американского журналиста русского происхождения Пола Хлебникова¹⁹, который подробно описал процесс возвращения к истокам веры с позиции ваххабитов: «Большинство видов искусства были осуждены, как дьявольщина; Ваххаб приказал истреблять все памятники, все писания, кроме Корана, все объекты изобразительного искусства и даже образцы священной каллиграфии. Особая дикость ваххабизма проявилась в полном запрете музыки...»²⁰. Помимо истреблений «идолов» и всего того, что противоречит исламу, непосредственной заботой Саудовского королевства стало соблюдение религиозной и моральной чистоты подданными государства. Для этого основатель КСА аль-Азиз ибн Сауд создал *Комитет поощрения добродетели и осуждения порока* (далее – Комитет добродетели). В названии Комитета фигурируют сразу два морально-религиозных понятия – *добродетель* и *порок*. Согласно п. 3 Исполнительной инструкции к низаму о Комитете добродетели антитезой понятия *добродетель* служат так называемые *порицаемые шариатом вещи (порок)*²¹. Именно они являются объектом предупреждения со стороны религиозной полиции. Сотрудники Комитета известны как *мутавва*, что означает *религиозный наставник*. В российской и англоязычной литературе слово *мутавва* часто переводят как *религиозная полиция* (religious police). В качестве исторического аналога религиозной полиции КСА можно привести спартанских эфоров, римских цензоров, а также три известных католических инквизиционных ордена средневековой Европы – францисканцев, доминиканцев и иезуитов²², каждый из которых был создан для борьбы с еретическими движениями – катарами, вальденсами и протестантами.

Юридической основой деятельности религиозной полиции служит (помимо вышеупомянутой Исполнительной инструкции к низаму о Комитете добродетели) норма ст. 23 Конституции КСА, согласно которой государство следит за отсутствием греховности, препятствует пороку²³. Руководителями комитета являются два улема из семейства Аль аш-Шейха – клана М. Ваххаба. «Таким образом, – пишет А.М. Васильев, – мутавва – религиозные наставники – представляли собой как бы низший эшелон улемов, учеников богословов, подготовленных в Эр-Рияде и в других центрах»²⁴.

Действия религиозной полиции, направленные на обеспечение *морального и религиозного правопорядка* в стране²⁵, неизбежно вызывают такую естественную реакцию окружающих, как *страх*. И хотя само понятие *страх*, обладая резким негативным коннотационным зарядом, не используется в мессианском языке КСА, оно тем не менее постоянно презюмируется, поскольку является целевым институтом, на страже которого стоит Комитет добродетели. Доктринальной основой *страха* выступает обязанность «обожествления, поклонения и стремления приблизиться к объекту страха», что в свою очередь приводит к «обязанности человека бояться Аллаха». Как это ни парадоксально прозвучит, но «обязанность бояться Аллаха» выхолащивает эмоционально негативную составляющую чувства страха, т. е. лишает чувство его сущности.

Производным от понятия *страх* выступают разного рода *устрашения*, т. е. вызывающие страх действия, которые планируются и реализуются не только религиозной полицией КСА, но и такой ультрарадикальной международной террористической организацией ваххабитского ислама, как «Аль-Каида» (араб. «основа», «база», «фундамент», «принцип»). Самый известный теракт этой организации и ее бывшего лидера Осамы бен Ладена – атака на всемирный торговый центр в Нью-Йорке («Битва при Манхэттене») – был совершен 11 сентября 2001 г., т. е. в очередную годовщину капитуляции *Первого государства ваххабитов* на Аравийском полуострове – *Дирийского эмирата* (11.09.1818 г.). События теракта 11 сентября должны были, во-первых, компенсировать унижительное поражение Ад-Диры в египетско-ваххабитской войне (1810–1818 гг.), во-вторых, продемонстрировать решимость истинных мусульман бороться с многобожниками (даже в США) и, в-третьих, подчеркнуть историческую связь между Дирийским эмиратом и его преемником – Королевством Саудовская Аравия.

Выводы

1. Государственный строй Саудовского королевства обоснован соответствующей языковой интерпретацией норм источников ислама (Корана, Сунны и т. д.), трудов М. Ваххаба и, наконец, тех правовых норм (Низам 1992 г.), которые возникли после образования Саудовской Аравии как независимого государства.

2. Строгое следование принципу абсолютного таухида (единобожия) привело к формированию правовой системы государства в виде Ханбалитской школы суннитского ислама, ортодоксальность

которой определяется исключением *нововведений* (бида) и свободы судебного толкования коранических норм (ограничение прецедентного права), неприятием Королевством любых других религий (кроме ислама) и запретом на существование других, кроме Ханбалитской, школ ислама.

3. Традиционное разделение на «свой – чужой» в КСА обозначается религиозными понятиями «единоведец – многобожник».

4. Религиозная терминология Королевства неотделима от его политико-юридической риторики. Запрет на посещение немусульманами святых городов основывается на утверждении о том, что «многобожники нечисты». Шахада «Нет Бога, кроме Аллаха» интерпретируется как отсутствие веротерпимости, что проистекает из характера самого ислама как строгой монотеистической религии.

5. Считая себя единственным интерпретатором ислама, КСА утверждает свою исключительность в качестве общины истинных мусульман – единобожников²⁶. Однако пропагандируемая религиозная исключительность Саудовской Аравии в исламском мире неизбежно привела к противостоянию с другими исламскими государствами, также считающими себя центрами ислама. Неслучайно Королевство в несоразмерно большей степени интегрировано в политический, военный и экономический союз с Западом, чем с соседними государствами в лице Ирака и Ирана. Этот фактор является одной из главных причин череды непрекращающихся войн на Ближнем Востоке...

Примечания

¹ Форма исламского государства вызывала споры. Когда стала очевидной иллюзорность надежды на восстановление халифата, возникла противоположная теория мусульманского государства, согласно которой *халифат вообще не имеет ничего общего с исламом*. Наиболее настойчиво данную точку зрения отстаивал шейх египетского мусульманского университета *Аль-Азхар Али Абдель Разек* (1888–1966). В своей книге «Ислам и основы власти», опубликованной в 1925 г., он не просто возражал против общепринятой теории обязательности халифата, но и высказал идею о том, что Коран вообще ничего не говорит о халифате как государстве или форме правления (История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. С. 165). Именно неопределенность исламской формы теократического государства породила многочисленные варианты форм правления: Саудовская Аравия – королевство, Катар – эмират, Оман – султанат, Иран – республика и т. д.

- ² В США существует множество религиозных направлений (деноминаций) протестантизма, таких как Свидетели Иеговы (штаб-квартира – г. Нью-Йорк, район Бруклин), мормоны (штаб-квартира – штат Юта, г. Солт-Лейк-Сити), адвентисты (штаб-квартира – Вашингтон, округ Колумбия), сайентологи (штаб-квартира – штат Калифорния, г. Лос-Анджелес), баптисты (штаб-квартира – г. Нэшвилл, штат Теннесси) и т. д. Географическая и организационная разобщенность, как, впрочем, и разобщенность во взглядах, не мешает каждому из этих направлений считать себя *истинным* представителем протестантизма, которое [направление], обладая необходимым политическим ресурсом, влияет на выборы президента США.
- ³ *Вбцелка К.* История Австрии. Культура, общество, политика. М., 2007 // Электронная библиотека PROFLIB [Электронный ресурс]. URL: <http://profilib.com/chtenie/120580/karl-votselka-istoriya-avstrii-kultura-obschestvo-politika.php> (дата обращения: 15.07.2015).
- ⁴ *Олбрайт М.* Религия и мировая политика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. С. 240.
- ⁵ *Най Дж.С.* Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; М.: ФСПИ «Тренды», 2006. С. 137–138.
- ⁶ Цит. по: *Олбрайт М.* Указ. соч. С. 235.
- ⁷ Отведение сомнений от шейх уль-Ислама // ISLAMULGARIB.WordPress.com [Электронный ресурс]. URL: <https://islamulgarib.wordpress.com/узр-биль-джахль/отведение-сомнений-от-шейха-уль-илама/> (дата обращения: 15.07.2015).
- ⁸ «ARAB NEWS»: Почему немусульманам нельзя посещать святые города Мекку и Медину // Портал Credo.Ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=5907> (дата обращения: 15.07.2015).
- ⁹ В отличие от Саудовской Аравии в Иране разрешены все известные направления в исламе. Согласно ст. 12 Конституции Исламской республики от 03.12.1979 официальной религией Ирана является ислам джафаритского толка. Однако другие исламские верования, в частности ханифитское, шафиитское, маликитское, ханбалитское и зейдитское, пользуются также полным уважением.
- ¹⁰ Цит. по: *Ваххаб М.* Книга ат-Таухид // LiveLib (Живая библиотека) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.livelib.ru/book/1000763020> (дата обращения: 15.07.2015).
- ¹¹ См.: *Васильев А.М.* История Саудовской Аравии. М.: Наука – Главная редакция восточной литературы, 1998.
- ¹² Ширк – приобщение к Аллаху равных.
- ¹³ *Ваххаб М.* Указ. соч.
- ¹⁴ *Косач Г.Г.* Саудовская Лига общественной морали: критика действий // Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=5812> (дата обращения: 15.07.2015).
- ¹⁵ Аят 191 Сура 2 («Корова») Корана.
- ¹⁶ *Ваххаб М.* Указ. соч.

- ¹⁷ Иконопочитание в том виде, какое свойственно католицизму и православию, отсутствует в протестантизме.
- ¹⁸ В данном произведении П.Ю. Хлебников излагает и комментирует свою 15-часовую беседу с полевым чеченским командиром и криминальным деятелем Хож-Ахмедом Нухаевым. «Весь исламский терроризм, который мы видим и в России, и во всем мире, – пишет П. Хлебников, – вызрел из культуры обычного бандитизма. Во время работы над книгой я начал внимательно изучать ваххабизм, играющий важную роль в чеченском движении. Вначале ваххабиты были обычными кочевниками и разбойниками. Ваххаб, лидер одного из саудовских племен, просто оказался более удачливым разбойником, чем другие».
- ¹⁹ Книга «Разговор с варваром» П. Хлебникова была опубликована в 2003 году. Вечером 9 июля 2004 года П. Хлебников был застрелен при выходе из офиса российского отделения «Форбс» в Москве.
- ²⁰ *Хлебников П.Ю.* Разговор с варваром // Электронная библиотека RoyalLib.com [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/book/hlebnikov_pavel/razgovor_s_varvarom.html (дата обращения: 15.07.2015).
- ²¹ Среди порицаемых шариатом вещей можно выделить следующие: запрещенные шариатом смешение полов и выставление напоказ женской красоты; уподобление одного пола другому; произнесение бесстыдных или неприличных слов; демонстрация немусульманами своих верований или обрядов, либо выказывание ими неуважения к обрядам и нормам ислама; демонстрация или продажа изображений, книг, видео- и аудиозаписей, противных шариатской морали или противоречащих исламскому вероучению; демонстрация рельефных или порнографических изображений, либо символов неисламских религий, как-то: крест, звезда Давида, изображение Будды и т. п.; изготовление и распространение спиртных напитков или их употребление совместно с другими лицами; колдовство, знахарство и шарлатанство с целью выманивания денег у людей и т. д. (Исполнительная инструкция к низаму о Комитете поощрения добродетели и осуждения порока // Институт религии и политики [Электронный ресурс]. URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-event/index-13804.html> (дата обращения: 15.07.2015)).
- ²² См.: *Гризулевич И.Р.* Инквизиция. 2-е изд. М.: Политиздат, 1976.
- ²³ Религиозная легитимация деятельности Комитета добродетели опирается на несколько коранических аятов. Во-первых, аят 100 (104) суры «Семейство Имрана»: «И пусть будет среди вас община, которая призывает к добру, приказывает одобренное и удерживает от неодобряемого». Во-вторых, аят 106 (110) той же суры: «Вы были лучшей из общин, которая выведена пред людьми: вы приказывали одобряемое и удерживали от неодобряемого и веровали в Аллаха» (*Косач Г.Г.* Указ. соч.).
- ²⁴ См.: *Васильев А.М.* Указ. соч.
- ²⁵ На основании инструкции о Комитете и Конституции религиозная полиция задерживает в домах и на улицах оказавшихся вместе мужчину и женщину с

целью проверки состояния брака или родства. Она следит, соблюдаются ли исламские правила одежды, пост в месяц Рамадан, а также пищевые запреты. Она борется с вредными веяниями в самом широком смысле этого слова. Например, 14 февраля, в Валентинов день – «языческий праздник» – религиозная полиция проводит рейды по магазинам, выискивая все, что кажется им «валентинкой». В первую очередь, это предметы красного цвета – красные цветы, красные игрушечные зверушки, красные открытки и шоколадки в красных обертках.

²⁶ В этой связи стоит упомянуть, что политическая идеология Третьего рейха также основывалась на исключительности расового превосходства немецкого народа.

КОНКУРЕНЦИЯ ЖИВОПИСНЫХ СТИЛЕЙ В ДРЕВНЕМ ПАНТИКАПЕЕ

Выдающийся русский историк-антиковед М.И. Ростовцев (1870–1952), с 1918 г. оказавшийся в вынужденной эмиграции и занявший со временем должность профессора Йельского университета, неоднократно подчеркивал, что ему удалось создать в США собственную научную школу. Одним из ее интеллектуальных оснований явилось особое понимание системы кросскультурных коммуникаций, конкуренции различных художественных стилей, определивших своеобразие и неповторимость эллинистической цивилизации. В настоящей статье прослеживаются истоки формирования оригинального видения М.И. Ростовцевым данной проблемы на материале его доэмигрантских работ, посвященных исследованию погребальной живописи древнего Пантикапея.

Ключевые слова: М.И. Ростовцев, Пантикапей, Дура-Европос, эллинизм, античная декоративная живопись.

Уже находясь в эмиграции, будучи всемирно признанным ученым, профессором Йельского университета, почетным доктором Оксфорда, Кембриджа и Гарварда, президентом Американской исторической ассоциации (с 1935 г.), М.И. Ростовцев в качестве одной из своих главных заслуг полагал создание в Соединенных Штатах Америки своей собственной научной школы¹, воспитание плеяды талантливых археологов, унаследовавших от своего учителя не только подходы к исследованию древней истории, но и ряд концептуальных построений, составивших интеллектуальный базис новой школы. Центральную роль в формировании этого неформального научного сообщества сыграли широкомасштабные раскопки сирийского городища Дура-Европос, римско-парфянской крепости на Евфрате (1928–1937). Работы, осуществлявшиеся совместно Йельским университетом и Французской Академией

надписей и изящной словесности на протяжении целого десятилетия, принесли немало научных сенсаций, а сама Дура-Европос с легкой руки Михаила Ивановича заслужила прозвище «Помпеи Сирийской пустыни»². Именно в процессе этих раскопок ученый сумел сплотить вокруг себя целую команду единомышленников, которые впоследствии, когда по причине тяжелой болезни он вынужден был отойти от активной научной деятельности, достойно продолжили его дело, поддерживая и развивая некогда выработанные им концепции. Магистральной темой, вокруг которой выстраивался их исследовательский дискурс, стал вопрос о характере кросскультурных коммуникаций на эллинистическом Востоке, о конкуренции восточных и западных влияний в истории региона и в его искусстве.

Однако было бы крайне несправедливо по отношению к М.И. Ростовцеву думать, что идея о создании собственной школы пришла к нему только в годы эмиграции, которой он, к слову сказать, отнюдь не желал и которая привела его в конце концов к серьезному нервному расстройству. Рассуждая еще в 1906 г. о насущных задачах, стоящих перед исследователями археологических памятников древней Керчи, историк настоятельно указывал: «К делу надо привлечь профессоров университетов; они должны сделать эти работы практической школой и для себя, и для своих учеников, воспитывая их на той работе, на которой выросла блестящая плеяда западноевропейских археологов»³. К сожалению, осуществить лично тогда эти планы М.И. Ростовцев не успел.

Тем не менее археологический материал, полученный в Керчи, позволил ученому сформулировать ряд положений, которые станут базовыми для тех теорий, которые в окончательном виде он представит на суд коллег уже в качестве американского профессора и которые в значительной степени определяют контуры его научных изысканий в Дура-Европос. Необходимо сразу отметить, что для М.И. Ростовцева декоративные росписи погребений древнего Пантикапея всегда представляли собой объект исключительного интереса. Он регулярно подчеркивал в своих работах, что и количественно, и качественно памятники данного типа, найденные в Керчи, намного превосходят тот материал, который обнаружен в других центрах «греческой или, лучше сказать, греко-восточной культуры»⁴. Сопоставимой с ними ученый полагал лишь сохранившуюся до нашего времени погребальную живопись Александрии, Рима и Этрурии, а также единичные ее экземпляры, найденные в Неаполе, Сиракузах, Пальмире и некоторых других античных поселениях. Однако во всех этих случаях имевшиеся в наличии

погребальные росписи хронологически охватывали лишь отдельные периоды, что не позволяло исследователю выстроить единую концепцию развития данного жанра древнего изобразительного искусства. И лишь росписи гробниц Керчи и близлежащих от нее территорий предоставляли, по его мнению, возможность детально проследить эту эволюцию, так как «памятники ее декоративной живописи идут от IV века до Р. Хр. вплоть до IV века и позже по Р. Хр. почти сплошной серией»⁵. Поставленную задачу М.И. Ростовцев решал на протяжении достаточно длительного времени, результатом чего явились несколько его статей⁶, которые и анализируются в настоящей работе, а также объемная обобщающая монография 1914 г.⁷, подготовленная ученым на значительно более широком источниковом материале.

Пытаясь осмыслить взгляды М.И. Ростовцева на развитие античной погребальной живописи в ее связи с процессами культурного синтеза в эпоху эллинизма, обратимся, прежде всего, к процитированному выше уточнению: ученый говорит о «греческой или, лучше сказать, греко-восточной» культуре. Это уточнение уже само по себе симптоматично. Для него не существует отдельно греческой и отдельно восточной культур. По мнению историка, на всей территории изучаемого региона (куда входят и сама древняя Эллада, и Юг России, и Малая Азия, и даже более отдаленные восточные территории вплоть до Персии) изначально сформировалось единое культурное пространство. Причем речь идет, как мы увидим далее, не только о периоде эллинизма, но и о гораздо более ранних эпохах. Следовательно, важнейшей исследовательской проблемой для М.И. Ростовцева выступает вопрос о векторах межкультурного взаимодействия в очерченном регионе, о тех направлениях, по которым преимущественно протекал культурный транзит из одних областей в другие и которые обеспечивали постоянную конкурентную среду для развития самых разнообразных видов искусства.

При этом надо понимать, что взгляды ученого на данный предмет складывались в течение достаточно продолжительного времени: накопление фактических данных заставляло его в одних случаях корректировать сделанные ранее выводы, в других – утверждать что-либо с еще большей степенью уверенности.

Его первая работа, посвященная росписям керченских катакомб, вышла из печати в 1897 г.⁸, то есть за год до защиты магистерской диссертации. Внимание молодого исследователя привлекли совсем недавно (в 1890–1891 гг.) открытые Ю.А. Кулаковским две пантикапейские гробницы с богатой настенной живописью. Причем особый интерес вызывал тот факт, что оба погребения в хроно-

логическом плане представляли собой две крайние точки, по которым можно было судить о начальном и конечном этапах развития античной декоративной живописи в регионе. По обнаруженному в склепах нумизматическому и эпиграфическому материалу было установлено, что одна из гробниц относилась к концу I в. до н. э., другая – к III–IV вв. н. э.⁹ Это позволило М.И. Ростовцеву сразу же высказать оптимистическую мысль о том, что именно пантикапейские памятники способны помочь исследователям выстроить убедительную и непротиворечивую картину смены стилей украшения стен в античных жилищах. До сих пор, как уже отмечалось выше, в распоряжении ученых имелись по большей части знаменитые росписи Помпей и римских катакомб, а также отдельные разрозненные находки. Однако материал из Помпей ограничен узкохронологически II в. до н. э. – I в. н. э., а живопись римских катакомб – это особое явление, поскольку согласуется с оригинальным устройством самого сооружения, которое по понятным причинам никогда не использовалось в жилых целях. Пантикапейские же гробницы, напротив, в точности имитировали архитектуру комнат жилых помещений и украшались точно так же, как и дома здравствующих граждан¹⁰. Это и давало ученому возможность ставить перед собой столь амбициозную задачу.

Впрочем, ему сразу же пришлось сделать оговорку, что на тот момент времени само количество обнаруженных в Пантикапее погребений было недостаточным для того, чтобы говорить о каких-либо однозначных выводах. С полной уверенностью можно было утверждать лишь наличие общей тенденции, выраженной самим Ю.А. Кулаковским в формуле – «постепенное развитие архитектурных мотивов в первых двух веках нашей эры и их исчезновение под влиянием чисто орнаментальной тенденции к III–IV вв.»¹¹. Однако М.И. Ростовцев этим наблюдением не удовлетворяется.

Ученый, прежде всего, считает необходимым детальнее проанализировать сюжетный ряд керченских погребальных росписей. Эволюция изображений представляется ученому в предельно ясном виде. В наиболее ранних гробницах было принято ограничиваться ходячими, общеэллинистическими сюжетами, такими как встреча Кирки и Одиссея, похищение Прозерпины, сцены публичного торжественного выезда или задушевной семейной трапезы. Затем (и это ясно демонстрируют росписи гробницы, открытой в 1891 г.) постепенно начинает преобладать другая тенденция – стремление наполнить традиционные сюжеты индивидуальным колоритом: герои росписей одеты уже в местные костюмы, отдельные персонажи и предметы быта (колыбельная кроватка с маленьким ребенком,

его нянька, юрта покойного, охраняемая собакой) также свидетельствуют о том, что действие разворачивается на черноморском побережье, а не в абстрактном эллинистическом регионе. Такой индивидуализирующий подход достигает пика своего развития в погребениях, открытых А.Б. Ашиком и В.В. Стасовым, где сцены местной жизни, выведенные максимально реалистично, не демонстрируют никакой зависимости от традиционных эллинистических сюжетов. Этот взлет постепенно сменяется упадком: происходит неуклонное возвращение к старым шаблонам, причем в наиболее поздней из известных к тому времени гробниц (открытой в 1890 г.) индивидуальные бытовые детали отсутствуют полностью, а сюжетный ряд снова ограничивается традиционными эллинистическими композициями¹².

Это же погребение дает М.И. Ростовцеву, помимо всего прочего, материал для размышлений о происхождении так называемого коврового стиля. Дело в том, что в более поздних склепах фигурные изображения и архитектурные мотивы радикально вытесняются в пользу цветочного орнамента, который создает иллюзию заполнения пространства стен ковровыми покрытиями¹³. Ученый поясняет, что в богатых домах античных граждан было принято завешивать стены и интерколумнии перистилей пестрыми тканями, что подтверждается находками в Помпеях и Риме: в последнем при раскопках одного из помещений была обнаружена целая комната, завешанная коврами, которые, однако, сразу же рассыпались в пыль из-за притока свежего воздуха¹⁴. Не соглашаясь с мнением В.В. Стасова и Ю.А. Кулаковского о восточном, азиатском характере ковровых декораций, М.И. Ростовцев напоминает об их широком распространении в древней Александрии – главном центре эллинистического искусства, а также о находках подобных росписей (со множеством разнообразных цветов, иногда собранных в гирлянды) на Сицилии, в Риме, Кирене и Помпеях. Все это свидетельствует, по его мнению, в пользу версии об общеэллинистическом бытовании коврового орнамента¹⁵. Ю.А. Кулаковский же указанных параллелей не заметил и потому не смог сопоставить керченские находки с более широким археологическим контекстом¹⁶. Между тем немецкий ученый Август Мау (лекции которого, к слову сказать, М.И. Ростовцев не так давно, летом и осенью 1893 г. – в ходе своей первой заграничной командировки с целью подготовки магистерской диссертации – посещал непосредственно в Помпеях¹⁷) уверенно относил новый виток интереса к ковровой орнаментовке ко второму помпеянскому стилю¹⁸, и такой подход оказывается гораздо ближе сердцу русского антиковеда, чем позиция его соотечественника.

Наконец, историк вплотную подходит к вопросу о конкуренции различных художественных подходов к украшению жилищ и соответственно погребений древнего Пантикапея в первые века нашей эры. Сравнивая росписи керченских гробниц с синхронными им находками в Риме (фресками в триклинии на склоне Палатинского холма и в помещениях под церковью Святых Иоанна и Павла), он констатирует наличие там двух сосуществовавших и вместе с тем борющихся друг с другом тенденций: «цветочного орнамента и мраморной облицовки»¹⁹. При этом обе они, по убеждению М.И. Ростовцева, восходят ко второму помпеянскому стилю²⁰. При этом эволюция этой борьбы такова, что в более ранних памятниках цоколь выложен настоящим мрамором, средняя часть стены покрыта изображениями человеческих фигур, несущих гирлянды цветов, а в верхней изображены гроздья винограда. Затем мрамор заменяется мраморировкой (т. е. росписью под мрамор), а фигуры людей становятся все более «бессмысленными». О конечной стадии этой эволюции ученый судить не решается: «Победил ли один из двух элементов [о которых было сказано выше. – П. А.], или оба продолжали существовать одновременно, решить трудно»²¹. Однако росписи самой поздней из открытых на тот момент керченских гробниц (1890 г.) свидетельствовали о победе цветочного орнамента²². Для более смелых выводов материала пока что было явно недостаточно.

Спустя десятилетие, в докладе 1906 г., представленном на общем собрании Русского Археологического Общества, и по признанию самого М.И. Ростовцева, носившем по-прежнему лишь предварительный характер²³, ученый тем не менее попытался обрисовать в общих чертах те стилистические трансформации, которые претерпела керченская погребальная живопись на протяжении восьми веков своего существования.

Самые ранние памятники, такие как склепы курганов Большая Близница, Карагодеуахш, а также склеп в Васюриной горе, хотя и связаны тесным образом по стилю и технике исполнения с росписями македонских склепов, но имеют не менее общего с росписями александрийских гробниц и, что еще интереснее, с живописными мотивами, уходящими своими корнями «в эллинистические центры Малой Азии». В первую очередь, речь идет о мотивах так называемого инкрустационного стиля, а также о богатстве разнообразных мраморировок. Более того, находки подобного рода в другой греческой колонии – Ольвии наглядно доказывают, что инкрустационный стиль в IV в. был активно освоен прочими ионическими центрами Северного Причерноморья²⁴. Однако если в ранних

склепах инкрустация оформлена пластически, то на рубеже эр она начинает передаваться с помощью живописи. Такой вывод можно сделать из описания склепа, открытого в 1832 г. Д.В. Карейшей, но затем в скором времени утраченного, которое подробно анализирует М.И. Ростовцев в своем докладе²⁵.

Начиная с I в. н. э. украшение стен погребений живописными изображениями становится в Пантикапее невероятно модным, что приводит к резкому увеличению количества расписанных склепов. Вместе с тем меняется и стилистика самих росписей, причем разнообразие сюжетов и орнаментов, используемых художниками, позволяет М.И. Ростовцеву говорить о формировании четырех самостоятельных живописных «манер» или категорий, которые параллельно развивались в древней Керчи на протяжении I–IV вв. н. э.²⁶

Ярким примером первого из выделяемых им типов росписей служит гробница, найденная в 1891 г. и подробно задокументированная Ю.А. Кулаковским. М.И. Ростовцев дает ей следующую характеристику: «...Рисунок тоньше, контуры не так жирны и резки, краски мягкие и нежные, нет режущей пестроты и грубой эффектности»²⁷. В таком стиле живописания ученый отказывается видеть какое бы то ни было восточное влияние, будучи убежденным, что это подход чисто греческий. (Однако заметим, что когда в 1911 г. он вновь обратится к анализу росписей данной гробницы, но уже с точки зрения сюжетов и философско-религиозных образов, в них запечатленных²⁸, ему придется и здесь провести чрезвычайно важные параллели с культурными центрами Востока.)

Совсем к другим умозаключениям приводит анализ изображений гробницы, найденной во дворе некоей мещанки Зайцевой и получившей по этому поводу ее имя. Несмотря на то что многое роднит росписи этого погребения с росписями первого типа, здесь обнаруживаются новые художественные мотивы, им несвойственные. Самым впечатляющим из них следует считать «мотив разбросанных цветов», которыми украшены все люнетки и свод гробницы. М.И. Ростовцев подчеркивает, что для керченской декоративной живописи I в. н. э. (а именно этим временем датируется гробница Зайцевой, благодаря найденным в ней предметам) этот мотив является абсолютно новым и вот он-то пришел как раз с Востока, хотя конкретное место его возникновения ученый назвать на данном этапе не решается²⁹. Напомним попутно, что в статье 1897 г. ученый отказывался признать за цветочным орнаментом сугубо ориентальную специфику.

Еще более сильным, по мнению М.И. Ростовцева, было третье течение, к которому следует отнести значительное число памятни-

ков. Самым показательным из них можно считать склеп большого кургана, открытого на территории усадьбы нотариуса Фельдштейна. Его характеризует богатая декорировка собственно разноцветным мрамором в чередовании с искусственной мраморировкой, что во многом вытесняет живопись как таковую. Там же, где изображения все-таки остались, фигурные изображения людей и животных оказываются минимизированы в пользу птиц, цветов и просто геометрических фигур. При этом «нежные и тонкие детали... исчезают бесследно, уступая место геометрическому орнаменту и грубым красочным эффектам»³⁰. Сюжетный ряд так называемых погребальных камер А.Б. Ашика и В.В. Стасова, относимых М.И. Ростовцевым к тому же типу, что и гробница Фельдштейна, опять-таки отсылает нас к Востоку. Мифологические персонажи, бытовые зарисовки и особенно реалистичные изображения зверей в обстановке степи побуждают историка «усмотреть элементы персидские», а также элементы малоазийского, сирийского искусства и даже африканских мозаик³¹.

Наконец, четвертый тип керченской погребальной живописи представлен «росписями варварски геометрическими» и является продолжением и своеобразной комбинацией трех вышеперечисленных стилей³², поэтому М.И. Ростовцев специально не останавливается на его разборе.

Через несколько лет, опять-таки на общем заседании Русского Археологического Общества, он снова вернется к этой теме, однако теперь уже попытается дать обзор развития античной декоративной стеной живописи в целом, подчеркнув тем не менее «особое значение и громадную роль» именно керченских гробниц³³. Вкратце воспроизведем предложенную им схему.

Говоря о самых первых попытках украшения стен разного рода помещений живописью, ученый говорит о «ковровой системе орнаментовки», которая, зародившись на семитском и иранском Востоке (теперь уже данный тезис в устах М.И. Ростовцева звучит максимально твердо и однозначно), постепенно распространилась и на Грецию. Что касается используемого для орнаментовки материала, то это был уже упоминавшийся в предыдущем докладе мрамор, использовать который также стали изначально на Востоке, а затем уже в других регионах. В дальнейшем восточные принципы облицовки были подчинены греческим архитектурным формам (то есть стали использоваться в крупных каменных постройках с колоннами и пилястрами), что знаменовало собой появление так называемого первого помпейского стиля. Всего таких «помпейских стилей», последовательно сменявших один другой, М.И. Ростовцев выделя-

ет четыре. Однако в имперский период наступает своего рода художественная реакция и происходит повсеместное возвращение к старым формам декорировки, прежде всего, к восточным мотивам: украшению стен мрамором, интарсией и цветочными ковровыми узорами. При этом особо отмечается, что «синкретизм разнообразных методов дают нам катакомбы: тут и мраморная живопись... и мегалография, и эллинистические живопись и цветочный стиль, и настоящий ковер»³⁴.

Таким образом, становится совершенно очевидным, что кросскультурный синтез в античную эпоху, особенно же в период эллинизма (который, по мнению ученого, вовсе не заканчивался с установлением власти Рима в Восточном Средиземноморье), представлялся М.И. Ростовцеву движением разнонаправленным. Он характеризовался наличием множества конкурирующих между собой художественных тенденций, ни одна из которых не могла в полной мере претендовать на тотальный монополизм в эллинистическом искусстве.

Примечательно, что сам ученый за полтора десятка лет во многом продвинулся в своих взглядах. Если на начальном этапе изучения проблемы он отказывался признавать за Востоком принципиальную роль в формировании культурного портрета эллинистической цивилизации, то затем он все более стал склоняться к мысли о постепенном и неумолимом движении восточной культуры на Запад в рассматриваемую эпоху. И если подобные ориентальные тенденции он усматривал даже в Крыму, то становится тем более ясно, почему в дальнейшем раскопки в Дуре-Европос подтолкнули его самого и его учеников практически к тем же выводам.

Примечания

-
- ¹ Бауэрсок Г., Бонгард-Левин Г.М. М.И. Ростовцев и Гарвард // Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. С. 196.
 - ² Подробнее см.: Hopkins C. The Discovery of Dura-Europos / Ed. by B. Goldman. New Haven; L.: Yale University Press, 1979; Matheson S.B. Dura-Europos: The Ancient City and the Yale Collection. New Haven: Yale University Art Gallery, 1982.
 - ³ Ростовцев М.И. Керченская декоративная живопись и ближайшая задача археологического исследования Керчи // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Май. Отд. 5. С. 229–230.
 - ⁴ Там же. С. 211.

- ⁵ Там же. С. 211–212. Ту же мысль см.: *Ростовцев М.И.* Развитие античной декоративной стеной живописи // *Гермес.* 1910. № 4. С. 122.
- ⁶ *Ростовцев М.И.* Заметка о росписях керченских катакомб // *Записки Императорского Русского Археологического общества.* 1897. Т. 9. Вып. 3–4. С. 291–298; *Он же.* Керченская декоративная живопись...; *Он же.* Развитие античной декоративной стеной живописи; *Он же.* Роспись Керченской гробницы, открытой в 1891 году // *ΠΡΟΕΔΡΩΙ ΔΩΡΟΝ:* Сборник археологических статей, поднесенных графу А.А. Бобринскому. СПб., 1911. С. 119–154.
- ⁷ *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России: В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во Императорской Археологической комиссии, 1914.
- ⁸ *Ростовцев М.И.* Заметка о росписях керченских катакомб.
- ⁹ Там же. С. 291.
- ¹⁰ Там же. С. 292.
- ¹¹ Там же. С. 293.
- ¹² Там же. С. 293–294.
- ¹³ Там же. С. 294.
- ¹⁴ Там же. С. 295. Примеч. 1.
- ¹⁵ Там же. С. 294–296.
- ¹⁶ Там же. С. 296.
- ¹⁷ *Зуев В.Ю.* М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. С. 55.
- ¹⁸ *Ростовцев М.И.* Заметка о росписях керченских катакомб. С. 296.
- ¹⁹ Там же. С. 297–298.
- ²⁰ Там же. С. 297.
- ²¹ Там же. С. 298.
- ²² Там же.
- ²³ *Ростовцев М.И.* Керченская декоративная живопись... С. 211.
- ²⁴ Там же. С. 212.
- ²⁵ Там же. С. 213–214.
- ²⁶ Там же. С. 217.
- ²⁷ Там же. С. 218.
- ²⁸ *Ростовцев М.И.* Роспись Керченской гробницы...
- ²⁹ *Ростовцев М.И.* Керченская декоративная живопись... С. 218–219.
- ³⁰ Там же. С. 220–221.
- ³¹ Там же. С. 222–223.
- ³² Там же. С. 224.
- ³³ *Ростовцев М.И.* Развитие античной декоративной стеной живописи. С. 122.
- ³⁴ Там же. С. 123.

О.В. Павленко

ОСМЫСЛИВАЯ «ДОЛГИЙ XIX ВЕК»: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(К выходу 5 тома научного издания

Всемирная история: В 6 т. Т. 5

Мир в XIX веке: На пути к индустриальной цивилизации /

гл. ред. А.О. Чубарьян; отв. ред. В.С. Мирзеханов.

М.: Наука, 2014. 939 с.)

Как соотносить современность и воображаемую «реальность прошлого»? Ведь настоящее приобретает особый смысл и значимость прежде всего при сопоставлении с прошлым. Современность вносит свои коррективы в историческую память. Неудивительно, что каждое поколение историков создает свою хронометрию и интерпретацию эпох. Русский философ М.В. Ильин писал об особой зависимости между «реальным временем» и «историческим временем», которое измеряется циклами политических обновлений. Действительно, историческая перспектива позволяет преодолеть представление о том, что любое изменение есть новация в повседневном масштабе. Важнее – *качество повторяемости*. Структуралистский подход с его причинно-следственными объяснениями позволяет выявить типологии в историческом развитии. Но описательные нарративы раскрывают лишь линейную последовательность событий: предпосылки – причины – ход действия – последствия.

Во время третьей волны «больших дебатов» в гуманитарных науках в 1980-е гг. речь шла уже не столько о способе описания, сколько о соотношении предмета и объекта исследования и взаимосвязях между ними. Стремление преодолеть ограниченность познания, перешагнуть через барьеры жесткой хронологии позволило крупным ученым и научным школам по-новому осмыслить междисциплинарное качество социального мира. Пятый том «Мир в

XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации» создан в рамках большого научного проекта «Всемирная история» (главный редактор А.О. Чубарьян). Он написан на основе новой методологической культуры, которая за последние два десятилетия постепенно утвердилась в российской исторической науке. В его структуре нет четких демаркационных линий эпох. Текст не привязан к хронологии. Замысел издания гораздо масштабнее традиционного описания исторических процессов с «общими закономерностями» и линейными «объяснениями». Его научная концепция основана на онтологическом понимании социального мира, сформировать которое невозможно без междисциплинарного подхода, объединяющего различные направления гуманитарного знания. Во главу угла авторы поставили сравнительное изучение «интересов» и «идентичностей», континуитета правил и норм, регулирующих систему ценностей в каждом изучаемом сообществе и на уровне региональной и глобальной коммуникации.

Это позволило реконструировать «долгий» XIX в. с 1789 по 1914 г. во всем многообразии взаимосвязей, асинхронностей, диалектики пространств и времени. Соответственно сквозными темами, пронизывающими главы и разделы, стали социальные процессы. Они протекали одновременно на разных континентах, в авангардных европейских империях, национальных государствах и на периферии. Структура тома подчинена основной идее – представить читателю, как конструируется XIX в. в исторической памяти современного общества. В нем выделены три крупных раздела. В первом разделе показаны тенденции глобализации, проявившиеся в развитии индустриального общества – от промышленной революции до политики. В самом большом по объему, концепциям и фактическому материалу втором разделе «Мир-система XIX века: империи и нации» представлена вся палитра государственности, ее переходные формы, динамика и качество развития. Завершает том третий раздел «Межгосударственные и международные отношения в XIX – начале XX века» – единственный, в котором было сохранено традиционное хронологическое изложение.

Особый интерес, на мой взгляд, вызывают введение «XIX век в мировой истории: проблемы, подходы, модели времени» и заключение «Мир в XIX веке: исторические итоги и обращенность в будущее», написанные ответственным редактором тома В.С. Мирзехановым. В них содержится концептуальное осмысление истории человечества от Французской революции до Первой мировой войны. Поставлен ключевой вопрос: почему XIX в. стал предтечей динамичных процессов современной глобализации? Введение

задает новую «систему координат», обобщая опыт современной отечественной и зарубежной историографии. В заключении подводятся итоги исследования и выделяются темы, важные для понимания исторического континуитета прошлого и современности. В.С. Мирзеханов выстраивает линию ключевых сюжетов – демографический взрыв, технологическая революция, урбанизация, стандартизация, рационализация веры, либерализация политики, русский XIX в., мировой порядок XIX в., *Fin Du Siècle*. Характеризуя основную тенденцию времени, В.С. Мирзеханов справедливо отмечает: «По мере того, как мировые процессы становились все более взаимосвязанными, формы действия людей по всему миру начали походить друг на друга, наметилась тенденция глобальной унификации. Возрастающее единообразие проявлялось не только на примере таких крупных институтов, как армия, церковь или суд, но и в том, как люди одеваются, разговаривают, едят, ведут себя дома. При этом усложнилась внутренняя структура самих обществ и государств» (С. 845).

В этой связи уместно провести сравнение пятого тома «Всемирной истории» с фундаментальным исследованием немецкого историка Юргена Остерхаммеля «Преобразование мира. История XIX века»¹. Появление этого труда стало настоящим прорывом в мировой историографии. Влияние идей и подходов Ю. Остерхаммеля на пятый том «Всемирной истории» не подлежит сомнению, недаром его труд – наиболее цитируемый в этом издании. Сам Ю. Остерхаммель признает, что написал его в полемике с исследованием Кристофера Бейли «Рождение современного мира, 1780–1914 гг.: глобальные связи»². Оба автора по-своему видят истоки глобализации и «вечные темы» XIX в. – колониализм / империализм; нации / империи. По сути, это контролируемая игра ассоциаций и аналогий на основе междисциплинарного синтеза. Но если К. Бейли интересуют больше всего вопросы национализма и религии, то Ю. Остерхаммель создает масштабную панораму миграций, экономических циклов, трансформации пространств, империй, регионов.

XIX в. был «веком Европы», поэтому немецкий историк предлагает читателям «наиболее европоцентричный» портрет эпохи³. Он выделяет «континуитетные линии» значимых процессов, пронизывающие XIX в. Сам он критически относится к стремлению структуралистов везде находить «коды целостности». Гораздо важнее – описать изменения в их спонтанности, своеобразии, изначальной неинтегрированности. Ему блестяще удалось сформировать новый взгляд на мир и повседневность XIX в. Ведь только

в масштабе глубинного исторического времени проступает общий план мировых преобразований.

Такой же подход мы видим и в пятом томе «Всемирной истории», где XIX в. предстает как историческая реальность с изменчивыми пространственными и временными параметрами. В первом разделе показаны те коренные изменения в организации экономики, государства, общества и политики, которые привели в движение гигантские массы капитала, товаров, услуг, миграционных потоков, вызвали демографический взрыв. Особенно, на мой взгляд, удались главы по экономике, социальным процессам, религии и образованию. Авторы смогли показать процессы на национальном и транснациональном уровнях. Но при этом сохранить приоритет за темами о человеке. Ведь все глобальные преобразования влекли серьезные изменения в структурах повседневности. Как менялись качество и стиль жизни людей в бурных потоках индустриализации? Как преобразилась роль женщин в обществе? Как политика, благодаря газетам, перестала быть привилегией аристократических гостиных и правительственных кабинетов, стала массово растиражированным явлением? На эти вопросы авторы выдвигают свои ответы, основанные на сопоставлении широкого эмпирического материала.

Конечно, каждая из глав отличается по стилю и методам аргументации. В разделе «Медицина» подробно описано развитие новых направлений в диагностике, гигиене и лечении. Но нет даже упоминаний о состоянии общественных больниц, госпиталей, о модных увлечениях курортами «на водах». В разделе с многообещающим названием «Языки культуры» представлен текст с традиционным описанием достижений в области философии, музыки, литературы, изобразительного искусства. Хотя уже несколько десятилетий успешно развиваются конструктивистские подходы в изучении культуры, в которых ставятся глубокие вопросы об эклектизме XIX в., формах «кодирования» общественного пространства, культуре салонов и общественных праздников. Увы, культура бала со своими особыми ритуалами и условностями, социальными барьерами, так и не была удостоена внимания. Но разве возможен XIX в. без вихря вальса от императорских дворцов до скромных столовых, где мастеровой люд предавался радости танца? А культурные трансферы и имитации, кардинальное изменение роли моды...

Впрочем, когда речь идет о таком крупном исследовании, как пятый том «Всемирной истории», стоит говорить не о горизонте ожиданий, а о сделанном. Прделана огромная работа по сопоставлению национальных нарративов с глобальными контекстами. На-

стоящей удачей стал второй раздел книги «Мир-система XIX века: империи и нации». А.И. Миллер в методологическом разделе об империях и нациях поставил важный вопрос о «национализме имперских наций» и необходимости преодоления в историографии противопоставления наций-государств империям (С. 248–257). В 24 главах охвачены все основные регионы мира. Конечно, представленные тексты сильно отличаются. Одни из них – блестящие комплексные исследования, другие – реферативное изложение общих трудов, иногда далеких от уровня современной историографии. Но в значительном большинстве авторам удалось мастерски показать, как имперские проекты внутри крупных метрополий взаимно дополняли и развивали национальные проекты. Большой удачей, на мой взгляд, является подход к теме «колониализма», который представлен как ключевой феномен коммуникативных практик европейских и неевропейских обществ. Процесс экспансии и ассимиляции в пределах имперских границ, реальных и воображаемых, ярко показан в главах о Юго-Восточной Азии, арабском мире, Иране, Китае. Они прекрасно дополняют главы, посвященные европейским империям и национальным государствам, а также судьбам государств Нового Света.

Третий раздел «Межгосударственные и международные отношения в XIX – начале XX века» реконструирует масштабную картину дипломатических отношений. Три главы, в соответствии с устоявшейся хронологией, последовательно описывают военно-дипломатическую историю и интересы держав от наполеоновских войн до революций 1848–1849 гг.; от Крымской войны до войны 1870–1871 гг. и провозглашения Германской империи; от наступления эпохи «реальной политики» до Первой мировой войны. В них подробно излагаются основные изменения, которые происходили в системе европейского равновесия. Показано, как принцип монархической солидарности стал постепенно сменяться «политикой интересов», соображениями прямой и ощутимой выгоды у старых и новых членов «клуба великих держав». Тем не менее, как точно формулирует А.В. Ревякин, «соотношение в силах основных держав изменилось, но их общий баланс, заметно поколебленный революциями и войнами 1848–1871 гг., несмотря ни на что, сохранился» (С. 813). Но «грубая военная сила по-прежнему играла большую роль, чем право» (С. 824), хотя параллельно развивалась «политическая культура компромиссов». В целом этот раздел развивает лучшие традиции дипломатической истории в отечественной историографии, заложенные еще известным трехтомным изданием «История дипломатии».

Когда речь идет о всемирной истории, как правило, острые дискуссии вызывает вопрос о роли и месте России в глобальных контекстах. В пятом томе найдено, на мой взгляд, оптимальное решение. Русские темы присутствуют фактически во всех методологических и обобщающих главах, где изложение построено по принципу сравнительно-исторического анализа. Какую бы грань мирового развития мы ни рассматривали – индустриализацию или культуру, взаимодействие европейских империй или колонизацию Востока, международные процессы – везде представлена Россия. Наша страна выступает не только как великая держава, но прежде всего как органичная часть общеевропейской системы. Глубокий анализ Российской империи в сравнении с другими многосоставными государствами провел А.И. Миллер (С. 246–264). С большим знанием источников и историографии написана отдельная глава «Русский XIX век» В.С. Парсамовым (С. 450–504). При изложении был использован персональный принцип, поскольку власть в России всегда была предельно персонифицирована. Автор провел комплексное исследование внутренней и внешней политики всех шести монархов в XIX в. Параллельно с государственными тенденциями В.С. Парсамов рассматривает также темы о развитии гражданских инициатив и различных форм коммуникаций в российском обществе. Он показывает постепенное преобразование России в думскую монархию.

Особо стоит отметить научно-справочный аппарат пятого тома. Каждая глава снабжена библиографией отечественных и зарубежных трудов. В конце издания представлены указатели имен и географических названий. В тексты включены энциклопедические вставки с информацией о государственных деятелях, документах, событиях. Помимо графиков, таблиц, диаграмм издание снабжено значительным количеством иллюстративного материала. В нем представлены карикатуры, планы сражений, портреты выдающихся людей, картины и фотографии, политические карты.

Итак, перед нами фундаментальное новаторское издание, в котором «долгий XIX в.» понимается в философско-историческом смысле, как многоуровневая социальная структура. Читатели погружаются в потоки времени, жизнь людей, обществ, национальных государств, империй, где локальные традиции уже стали вытесняться нормативной универсализацией. Это многоплановый диалог со временем, в котором неизменно проступает современность. Пятый том «Всемирной истории» представляет собой образец сочетания междисциплинарных подходов и строго выверенных описательных нарративов. Безусловно, он открывает новые горизонты

не только в научном осмыслении XIX в., но и в его изучении в школах, гимназиях и университетах. На его основе возможна разработка новых учебников и учебных пособий, методических материалов для учителей и преподавателей высшей школы. Высокий методологический уровень, новаторские подходы, широкий диапазон национальных, региональных и глобальных тем ставят этот труд в один ряд с лучшими достижениями отечественной историографии последнего времени.

Примечания

- ¹ *Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München: C.H. Beck, 2009. 1568 s. Первые пять изданий книга выдержала в 2009–2010 гг. Новое издание, переработанное, было осуществлено в 2011 г.
- ² *Bayly C.* The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparison. Oxford, 2004.
- ³ *Osterhammel J.* Op. cit. S. 16.

Abstracts

I. Alexeev

DYNASTIC AUTOCRACY AND COMPETITIVE TRIBALISM IN MEDIEVAL MUSLIM SOCIETY: IBN-KHALDUNIAN PERSPECTIVE

The paper discusses key concepts of the political dynamics theory by the founder of classical Islamic historical sociology and philosophy of history Abd ar-Rahman Ibn Khaldun as well as euristical potential of this theory for the interpretation of Muslim societies social dynamics of long-duree.

Key words: Ibn Khaldun, philosophy of history, social science, power, authority, Islam, Muslim society.

P. Alipov

ARTISTIC STYLES CONTEST IN THE ANCIENT PANTICAPAEUM

The outstanding Russian antiquity researcher M.I. Rostovtzeff (1870–1952), who was forced to emigrate in 1918 and eventually accepted a professorship at Yale University, underlined repeatedly that he managed to create his own scholarly tradition in the USA. One of its intellectual mainstay was a specific understanding of the system of cross-cultural communications, the contest of the artistic styles in the Hellenistic period. In this article there is an attempt to reveal the origins of M.I. Rostovtzeff's particular view of that issue by analysing his pre-migrant works dedicated to the research of the ancient Panticapaeum funerary paintings.

Key words: M.I. Rostovtzeff, Panticapaeum, Dura-Europos, Hellenism, the ancient decorative painting.

B. Antonov

MONOPOLIZING THE TRUTH:
SAUDI ARABIA LANGUAGE POLICY

The paper attempts to interpret linguistically main institutions used in the political and legal system of Saudi Arabia. Such concepts as “the state of monotheists”, “the kingdom of true Islam”, “Hanbali School (madhab) of Sunni Islam as the only version of Islam”, “the island of religious purity” become the key ones in the messianic language of the Kingdom, which, according to the author, has some interpretative resource while describing rules of law (Koran, Sunna, etc), Muhammad ibn Abd al-Wahhab’s works and, finally, of those rules of law (Nizam of 1992) which date back to the foundation of Saudi Arabia as an independent state.

Key words: Hanbali School (madhab) of Sunni Islam, the principle of monotheism (tawhid), the island of religious purity, the religious and political mission, polytheist (mushrick), sacred war (jihad), justice, the Committee of Disseminating the Virtue and Preventing the Vice, religious instructor (mutaween), things blamed by Sharia (sin, vice), truth, fear, terrorism.

S. Dontsev

TRANSFORMATION OF THE COMPETITIVE MODEL
OF MODERN RUSSIAN SECULARISM

The article is devoted to the analysis of competition component in the model of modern Russian secularism. The state-religious relations are considered, as a component of secularism model. Competitive strategy of the religious organisations are analysed and their typology is offered. An interconditionality of constitutional-legal and institutional aspects of the competition and their evolution are shown. The conclusion is drawn on formation in Russia limited institutional competition within the existing model of secularism.

Key words: secularism, the state-religious relations in Russia, the religious organisations, competitive model.

N. Filin

THE PRESIDENTIAL ELECTIONS OF 2009
IN IRAN AS AN ATTEMPT TO DEVELOP
A COMPETITION RESPONDING
TO THE STATE MONOPOLY

The political system of the Islamic Republic of Iran is a unique phenomenon that comprises both republican and Islamic principles of organisation of the state power. However elective institutions such as the President or the Parliament (Mejlis) are totally controlled by Islamic institutions. In this regard, one can observe the religious elite of the state possessing the monopoly of power. Nevertheless, during presidential election campaigns the candidates that had obtained approval of religious authorities fought for the win on the basis of real competitive struggle. In several cases the final results proved unpredictable. The election process of 2009 was highly significant for the country as it became a basis for the mass protests of the opposition that disagreed with the results.

Key words: Iran, power, demonstrations, presidential elections, religion, opposition.

Yu. Irkhin

DOMINATION AND COMPETITIVE PROCESSES
IN THE GENESIS OF THE GLOBAL, PARTICULARLY
AND MANIPULATIVE POLITICAL IDEOLOGIES

The author considers analysis shoves methodology of the domination and competition in the genesis of the global, particularly and manipulative political ideologies. The article analyses new aspects in the developing and transformation of modern political ideologies in the world and Russian Federation. New approaches and directions in the development and transformation of political ideologies in modern Russia are discussed and features of manipulative political ideologies are shown.

Key words: ideology, political ideologies, theory, global ideologies, liberalism, conservatism, socialism, postmodernism, manipulative political ideologies.

A. Kalmykov

MONOPOLISM AND COMPETITION MEDIA
DISCOURSES IN SOCIAL REALITY CONSTRUCTING

The article analyses an impact of the media and political discourses on constructing the social reality. A number of models, correspondent to that issue, are put forward: interactions of media, interpretations of the freedom of expression principle. The typology and genesis of social communities and political organisations are considered as well as reciprocal influence between media policy and political organised nature.

Key words: media discourse, media, social reality, politics.

V. Lavrov

NEW TRENDS IN THE EUROPEAN UNION ENERGY POLICY

This article is devoted to new trends in the energy policy of the EU countries, generated by economic and political events of recent times. The author analyses two main directions in solving the basic problem of overcoming the energy deficit in the EU: increasing domestic energy production and ensuring secure supplies from abroad. It is shown that at the present stage the significant increase in domestic energy production in EU countries (in atomic power plants, renewable energy sources, based on the technology of hydraulic fracturing) is impossible due to the insufficient level of technological development, lack of competitiveness compared to hydrocarbon energy, increasing environmental requirements, prevailing public opinion in European countries. The article also deals with the possibilities of energy imports increase from Russia and third countries.

Key words: energy policy, European Union, energy deficit, nuclear power plant, renewable energy, competitiveness, energy imports, energy efficiency.

R. Matveev

THE LEGAL STATE AND THE DEMOCRACY:
THE EUROPEAN VISION

Foreign political and legal experts are actively discussing a problem of the legal state in the XXI century. The key reason for that is in the USA attempts to restore the individual leadership, to extend the jurisdiction practically for the whole world and to achieve replacement

of public institutes of the power and economy by rather private ones, first of all, multinational corporations. In this article some current problems which are actively discussed in the European Union countries are considered.

Key words: legal state, democracy, rules of law.

V. Pilyagina

DEMOCRATIC VALUES AND TRADITIONS OF THE POLITICAL COMPETITION IN TERMS OF THE PROBLEM OF POLITICAL PARTICIPATION

The article analyses factors of political participation for citizens of Russia, considering cumulative impact of complex phenomena including the system of values, and particularly the prevalence of democratic values and traditions of political competition, the type of political culture, political activity rate, form and content of political behaviour. The author concludes that traditional values remain to have major impact, despite the existence of the institution of citizenship and formal endorsement of democratic values and institutions. This occurs on the basis of an appropriate to Russia “symbiosis” of traditional and secular-rational values. Furthermore, the author notes that Russians’ demand for a better life includes not only the drive for the order and stability, but also urge for democratic freedoms and open competition in the political life.

Key words: democratic values, behaviour, democracy, values, competition.

N. Spykman

POLITICAL MAP OF EURASIA. PART 2 (Translated into Russian by M. Grachev)

This article is the translation of the fragment from one of the chapters of well-known Nicholas J. Spykman’s book “The Geography of the Peace” (New York: Harcourt, Brace and Company, 1944) in which the author is critically rethinking British geographer Halford Mackinder’s ideas and pointing the crucial importance of “Rimland” including the west, the south and the south-east coastal regions of Eurasia, in terms of the establishment of the control over the entire continent.

The end. The beginning ref.: *Spykman N.* Political map of Eurasia. Part 1 (*translated into Russian by M. Grachev*) // RSUH/RGGU Buletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series. 2015. № 1. P. 41–50.

Key words: geopolitics, Eurasian geopolitical analysis, military strategy, Heartland, Rimland.

I. Zeleneva

PROSPECTS FOR THE INTEGRATION OF LARGE SPACES – ASEAN AND EAEU

The article is devoted to the prospects of cooperation between the Association of Southeast Asian Nations and the Eurasian Economic Union. The deepening of integration processes is needed to create sustainable regional development. The interaction of large spaces (ASEAN and EAEU) will contribute to economic growth, regional stability. However, within these groups there are a number of differences, which affects both the further deepening of integration and the relations with partners outside the unions. Thus, the prospects of cooperation between the two organisations so far are limited, but there are prospects in ASEAN – Russia and EAEU – Vietnam relations.

Key words: ASEAN, EAEU, Russia, Vietnam, integration, ASEAN Regional Forum, EAEU – Vietnam Free Trade area.

E. Zhukova

MONOPOLISM AND COMPETITION IN CONTEMPORARY COUP D'ETAT PRACTICES

The article is devoted to the transformation of political activism practices that are considered by the example of "colour revolutions" in the early 2000s. The author argues that the organisational forms of modern protest movements correlate with the underlying trends of transition from classical to non-classical political practices embodied in the principle of "human-dimension", the construction of reality and the closer and obvious interrelations between political theory and political activism practices. The author proposes the methods to evaluate the probability of the overturn in a country using the "colour revolutions" technologies.

Key words: political activism, collective action, colour revolution, social protest, social movements.

Сведения об авторах

Алексеев Игорь Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, ialxuv@gmail.com

Алипов Павел Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, palipov@mail.ru

Антонов Борис Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, heidel@rambler.ru

Грачев Михаил Николаевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, grachev62@yandex.ru

Донцев Сергей Павлович – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, dontsev@gmail.com

Зеленева Ирина Владимировна – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, irina_zeleneva@mail.ru

Жукова Елена Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, enzhukova@gmail.com

Ирхин Юрий Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ; профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Академик Академии гуманитарных наук РФ, irkhine@mail.ru

Калмыков Александр Альбертович – доктор филологических наук, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, alex.kalmykov@gmail.com

Лавров Вячеслав Анатольевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и мировой политики Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, iai201301@yandex.ru

Матвеев Рюальд Федорович – доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории государства и права факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, roald.matveev@yandex.ru

Павленко Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики, руководитель Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, olgaravlenko@mail.ru

Пилягина Вера Александровна – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, vera_pilyagina@mail.ru

Филин Никита Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, filinnikita@yahoo.com

General data about the authors

Alexeev Igor L. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, ialxyv@gmail.com

Alipov Pavel A. – Ph.D. in History, associate professor, Department of History and Theory of Historical Science, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, palipov@mail.ru

Antonov Boris A. – LLM, associate professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Division of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, heidel@rambler.ru

Dontsev Sergei P. – Ph.D in Politics, associate professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, dontsev@gmail.com

Filin Nikita A. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, filinnikita@yahoo.com

Grachev Michael N. – Dr. in Politics, professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, grachev62@yandex.ru

Irkhin Yuriy V. – Dr. in Philosophy, professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities; professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; academician, Russian Liberal Arts Academy, irkhine@mail.ru

- Kalmykov Alexander A.* – Dr. in Philology, Ph.D. in Education, associate professor, professor, Department of Communication Studies and Public Affairs, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, alex.kalmykov@gmail.com
- Lavrov Vyacheslav A.* – Ph.D. in Economics, associate professor, Department of Area Studies and Foreign Policy, Division of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, iai201301@yandex.ru
- Matveev Roald F.* – Dr. in Politics, professor, Department of History and Theory of State and Law, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, roald.matveev@yandex.ru
- Pavlenko Olga V.* – Ph.D. in History, associate professor, head, Department of Area Studies and Foreign Policy, director, Division of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, olgapavlenko@mail.ru
- Pilyagina Vera A.* – postgraduate student, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, vera_pilyagina@mail.ru
- Zeleneva Irina V.* – Dr. in History, professor, St.-Petersburg State University, irina_zeleneva@mail.ru
- Zhukova Elena N.* – Ph.D. in Politics, associate professor, Department of Communication Studies and Public Affairs, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, enzhukova@gmail.com

Художник *В.В. Сурков*
Художник номера *В.Н. Хотеев*
Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 29.02.2016.
Формат 60×90^{1/16}
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 23

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggi.ru
www.knigirggi.ru

Журнал «Вестник РГГУ»

Серия «Политология. История. Международные отношения.

Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

выходит 4 раза в год.

Подписка принимается всеми отделениями связи

без ограничений.

Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»

ОАО Агентства «Роспечать» – 71127.

Не забудьте своевременно подписаться

на наш журнал!
